

Из российской истории

Светлана Бестужева-Лада **Символ воинской славы**6

Забывтые страницы

Иван Шмелев **Свечка. Рассказ
бывшего управляющего** 22

Это интересно

Евгения Белогорцева **История калачей
для москвичей**..... 36

Поэзия

Людмила Владимирова **Стихи**42

Минувшее

Денис Логинов **Две любовницы
короля-солнца** 46

Открытие «Смены»

Ольга Займенцева **Сахарная девочка**.....65

Судьба художника

Виктор Ом **«Быть может, ей и в небе
счастья нет?..»**.....74

Чем живем

Татьяна Харламова **Посевы и всходы
на поле педагогики**84

Рассказ

Любовь Аркадьева **Лишняя плоть** 98

Ироническая повесть

Андрей Дышев **Диссертант**114

Кроссворд. Эрудит

188

Главный редактор, Генеральный директор	Кизилев Михаил Григорьевич
Заместитель главного редактора	Чичина Тамара Васильевна, tomasmena@mail.ru
Арт-директор	Веселова Надежда Александровна
Корректор	Чекова Валентина Михайловна
Иллюстрации и обложка	Рябинин Лев Анатольевич
Директор по распространению	Яркина Мария Александровна, e-mail: sales@smena-online.ru

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:**
**Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д. 14
e-mail: jurnal@smena-online.ru

тел. (495) 612-15-07,
факс (499) 257-13-78

www.smena-online.ru

© **ООО «Журнал «Смена»**

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Шрифт: ParaType

Отпечатано: **Филиал «Чеховский Печатный Двор»
ОАО «Первая Образцовая типография»**

Юридический адрес: 115054, г. Москва, ул. Валуевая, 28
Почтовый адрес: 142300, Московская область,
г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Тираж — 14 000 экз.

Зак. №1085

Цена свободная

Номер подписан в печать: 20.08.2012

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

Леонид Афанасьев

г. Орлов, дирижер, историк, доцент
Орловского института искусств и культуры

1812 год

В делах «давно минувших дней»
Нам светят памятные даты:
В защиту Родины своей
На смерть и подвиг шли солдаты.
Не знал глупец Наполеон
Души российского народа.
В виктории был убежден...
Когда б ни «русская погода»!
Давно ли Бородинской битвы
Утихла страшная гроза,
Заупокойные молитвы
Туманили у жен глаза?
Давно ль гусар в ожесточенье
Кричал: «Ату! Месье Жокей!»
Уж тот в родительском именье
Учитель, друг, но не лакей.
Но честь и слава мужика
В глазах толпы не велика.
Кому почет, рукоплесканье?
Кому всеобщее признание?
Цари на то и рождены,
Чтоб славу черпать из войны.
Тот бурный век на много лет
В истории оставил след.
Отвагой русского солдата
Европа сбросила ярмо
Зарвавшегося супостата
И русским кланялась земно...
Но память слишком коротка,
Чтоб это помнить все века...

Уважаемые друзья и коллеги!

С благоговением держу в руках очередной номер журнала «Смена» за 2012 год, и перед глазами проходят добрые воспоминания. 1966 год. Строительство Воткинской ГЭС, что на реке Каме. Мне 18 лет, я пишу стихи, и сегодня, после укладки бетона в тело плотины, должен приехать из Москвы Николай Николаевич Вагнер, радиокорреспондент. Мы, комсомольцы, здорово навкалывали днем при 40-градусном морозе, но все равно горим энтузиазмом. Николай Николаевич записал мои стихи, и очень скоро с репортажем о нашем молодом городе Чайковском они зазвучали в программе радиостанции «Юность». Тогда я решил подготовил и послал подборку стихов в любимый нами, молодыми строителями, журнал «Смена». Через какое-то время получаю подробный ответ и разбор своих стихов от Владимира Кострова из редакции. Это тот Костров, который писал в 60-х по поводу освоения космоса: «Сколько огнезубые не скальтесь В розовом свечении корон Человеческий разум словно скальпель Надо всей Вселенной занесен!» Строгий критик признавал в письме, что данные у автора есть, но надо доработать то-то и то-то, одним словом, работать и работать. Но у меня была масса и других увлечений! Занимался в драматической студии и даже начинал играть в Народном театре, увлекался классиче-

ской борьбой и стал чемпионом трех городов в своей весовой категории, наконец, оканчивал сменную общеобразовательную школу (были и такие).

А потом романтика повлекла на Каспий. Там — свои заморочки... И снова — стихи. Писал, посвящая их Павлу Васильеву, тоже сибиряку: «Из Сибири, Вы С моей Родины, Из-за Черного Иртыша. Вы не помните куст смородины, На который и я дышал?»

В общем, теплое доброе чувство к вашему журналу осталось на всю жизнь, правда, контакт возродить как-то не пришлось.

Сегодня я вижу, что журнал в очередной раз изменился — и внешне, и по содержанию материалов. Но творческий дух в нем сохранился, да и патриотичность российская, такая близкая по естественному существованию людей, мне подобных. К сожалению, нас становится все меньше... Многие ушли в 90-е годы... Но что я все о грустном? Главное, что могу сказать, — влюбился я в журнал по-новому. Извините уж меня, не знаю, что «накатило».

*С огромным уважением к творческому
коллективу журнала*

Владимир Ильиных,
с. Быстрый Исток, Алтайский край

СИМВОЛ

ВОИНСКОЙ СЛАВЫ

Светлана
Бестужева-Лада

Дмитрий был сыном московского князя Ивана II Ивановича и вступил на престол после смерти отца всего девяти лет от роду. В таком возрасте он, разумеется, не мог править, и все дела княжества находились в ведении главы боярского совета митрополита Алексия. Естественно, что появление на московском престоле мальчика вызвало у соседей — князей суздальских, нижегородских, рязанских и иже с ними — желание пойти на Москву, скинуть малолетку и стать Великим князем Московским.

Помешало этим планам, как всегда, отсутствие единства между князьями и мудрая политика митрополита Алексия. А уж когда князь Дмитрий подрос, поздно было остальным князьям удовлетворять свои политические амбиции. Имена этих князей помнят только некоторые историки, а имя князя Дмитрия Донского навеки осталось в народной памяти.

Княжение Дмитрия Ивановича началось в 1359 году и совпало с «великой замятней» в Золотой Орде, когда после смерти хана Бердибека перегрызлись между собой все более или менее влиятельные персоны. После череды убийств Орда разделилась между двумя ханами: Абдуллой и Мюридом. По совету митрополита Алексия, одиннадцатилетний князь Дмитрий отправился за ярлыком на княжение к обоим ханам по очереди. И в результате получил московское великое княжение — как оказалось, не только для себя, но и для своих потомков.

Годы шли, князь Дмитрий мучал, росла сила Московского княжества, тогда как раздоры между остальными князьями не прекращались. По одному «выдергивал» их Дмитрий Иванович с независимых княжений, отбирал земли и присоединял к московским. А в шестнадцатилетнем возрасте он женился на единственной дочери князя Суздальско-Нижегородского Дмитрия Константиновича. Брак был заключен в Коломне, там же был подписан и «вечный союз» двух князей.

Москва окончательно утвердила свое руководящее положение в русских землях, хотя все еще платила

дань Золотой Орде и вынуждена была считаться с ее ханами. Мало кто мог предвидеть, что существование татаро-монгольского ига почти закончилось, что через считанные годы никто из русских князей не поедет за «ярлыком» в проклятую Орду. Она казалась вечной и несокрушимой, но... только казалась.

нием строптивых соседей: он первым из московских князей возглавил вооруженную борьбу народа против татар и в 1378 году на реке Вожа разгромил татарское войско.

«В год 1378 ордынский князь, поганый Мамай, собрав многочисленное войско, послал Бегича ратью на великого князя Дмитрия Ивановича и на всю землю Русскую. Великий

Г

оды шли, князь Дмитрий мужал, росла сила Московского княжества, тогда как раздоры между остальными князьями не прекращались. По одному «выдергивал» их Дмитрий с независимых княжений, отбирал земли и присоединял к московским

Совсем еще молодой князь отстроил первый белокаменный кремль в Москве, который навсегда стал символом города. А в возрасте двадцати пяти лет князь Дмитрий отразил нападение на княжество сильного войска литовского князя Ольгерда, а затем вынудил Тверь признать старшинство Москвы и заключить с ней прочный мир.

В 1376 году Московское княжество утвердило свое влияние в Болгарии Волжско-Камской, в 1378 году его рать разбила под Скорнищевом рязанского князя. Но Дмитрий Иванович занимался не только усмире-

же князь Дмитрий Иванович, услышав об этом, собрал много воинов и пошел навстречу врагу с войском большим и грозным. И, переправившись через Оку, вошел в землю Рязанскую и встретился с татарами у реки у Вожи, и остановились обе силы, а между ними была река».

Сам князь Олег Рязанский летописцем даже не упоминается. Повидимому, тихо сидел со своей дружиной в столице — Переяславле-Рязанском, и... просто ждал, чем все это закончится. Ему не хотелось ни ссориться с Москвой, ни воевать с Мамаем. Время единения

русских князей еще не наступило, равно как и не настал срок падения Орды. Но...

В войске, которое участвовало в битве, кроме москвичей был еще и князь Даниил Пронский, командовавший целым крылом русской армии, то есть примерно третью или четверть всего выставленного против татар войска. Вряд ли Дмитрий Иванович доверил бы человеку, никак доселе не проявившему себя на поле брани, такой важный пост. Видимо, он привел с собой не только личную дружину, но и много других воинов с рязанских земель. А вот

этого он бы не смог сделать без ведома и согласия Олега Рязанского.

Правда, Мамай рассчитывал со всем на другое: рязанский князь считался союзником Орды и должен был помочь ее войску, сражаясь против великого князя Московского. Однако в летописных сообщениях о битве на Воже не упоминается о какой-либо помощи Олега татарам.

Зато саму битву летописцы описали весьма подробно:

«Через несколько же дней татары переехали на нашу сторону и ударили в кони свои, и искочиша быстро, и

нюкнуша гласы своими, и поидоша на грюнах и ткнуша на наших.

И ударили на них с одной стороны Тимофей окольниковый, а с другой стороны князь Даниил Пронский, а князь великий ударил в лице. Татарове же в том часе повергли копья свои и побежали за реку за Вожу, а наши после за ними, бьучя их и секучи и колючи...»

Таким образом, русские бросились на атаковавших их татар одновременно с трех сторон. И татары, не выдержав фланговых ударов, побросали копья и бросились наутек. Однако, разгромив противника, русские не решились немедленно преследовать его. Возможно, опасались, что бегство татар было притворным, и, пустившись за ними в погоню, они попадут в засаду. Опасения, не лишённые основания: напасть малым числом, отступить и заманить в ловушку — старейший тактический прием степняков.

«А когда приспел вечер, и зашло солнце, и померк свет, и наступила ночь, и сделалось темно, то нельзя было гнаться за ними за реку. А на другой день с утра стоял сильный туман. А татары, как побежали вечером, так и продолжали бежать всю ночь. Князь же великий в этот день только в предобеденное время пошел вслед за ними, преследуя их, а они уже далеко убежали...» — пишет далее летописец.

Гнев Мамай был страшен. Той же осенью татары совершили опустошительный набег на рязанские зем-

ли и разорили столицу княжества. Но дальше на Москву не пошли, не желая иметь в тылу хоть и выжженную, но враждебную рязанскую землю. Осторожный рязанский князь потерял все, а уж о союзе с Ордой теперь и говорить не приходилось.

Но и вопрос о походе на строптивое Московское княжество стал лишь вопросом времени. Умирающая Орда все еще пыталась огрызаться, стремилась вернуть себе прежнее могущество, не понимая, что обратного пути просто нет. Хотя бы потому, что не было уже той Великой Золотой Орды, которая нагоняла страх на всех остальных и постоянно обогащалась за их счет. Время ушло: разрозненные и ослабевшие ханы практически все оставшиеся силы тратили на пустые межусобицы.

Москве же хватало проблем и без татар. За три года до вышеописанной битвы на Воже в ней случился великий пожар, который вошел в историю под именем «Все-святский», так как начался в церкви Всех Святых. За два(!) часа огонь уничтожил Кремль, Посад, Загородье и Заречье. Но, как говорится, «нет худа без добра»: именно этот пожар стал причиной строительства в столице княжества нового кремля — белокаменного.

Именно новые неприступные стены помогли москвичам выдержать литовскую осаду, которая началась в ноябре 1368 года, после того, как в кровопролитной битве на реке Тростна близ Москвы литовцами

Дмитрий Донской у Сергия Радонежского

был разгромлен сторожевой полк москвичей. Разорив за три дня всю московскую округу, войско Ольгерда отошло назад в Литву.

Как сообщается в летописи, «...такого зла, как от литовцев, и от татар не было».

Но князь Дмитрий, уже почувствовав свою силу, провел ответные походы в зависимые от Литвы Смоленскую и Брянскую земли, а затем и на Тверь. После этого похода тверской князь Михаил... отправился в Орду просить великокняжеский яр-

*Дмитрий
Донской
и Сергей
Радонежский*

лык. И довольно легко получил его, только все великокняжеские права так и остались на бумаге.

На известие о том, что он более не великий князь, Дмитрий Иванович от-

ветил просто: собрал сильное войско у Переяславля и послал к представителю Орды в Твери гонца с грамотой:

«К ярлыку не еду, Михаила на княжение в землю владимир-

скую не пуцу, а тебе, посол, путь чист!»

И все-таки московский князь показал себя не только отважным воином, но и хитроумным политиком. Он лично поехал в Орду, но не за ярлыком, а для того, чтобы выкупить находившегося в заложниках сына... Михаила Тверского, Ивана. Ордынцы запросили несусветный выкуп, вдвое превышавший годовой доход всего Московского княжества. Дмитрий Иванович заплатил.

Но тверской князь оказался неблагодарным. Всего через три года после того, как его сын был выкуплен из Орды, он вновь запросил ярлык на великое княжение, а, получив его, послал свои отряды на Торжок и Углич — закреплять свое положение. Поздно.

лавские, белозерский, кашинский, стародубский, тарусский, новосильский, оболенский, смоленский, брянский и новгородцы, между прочим, постоянные враги Твери.

Осада города длилась месяц, и князь Михаил вынужден был запросить мира. Договор с Дмитрием Ивановичем был подписан в начале сентября 1378 года, в нем Михаил навсегда отказался от притязаний на Москву, великое княжение Владимирское и Новгород, обязался помогать Дмитрию против татар и открыть свободный пропуск товаров новгородских по своей земле.

Объединение русских земель вокруг Москвы началось. Но — медленно, с перерывами, с появлением новых претендентов на великое княжение, с продолжающимися покло-

В

сем известно о том влиянии, которое имел на князя преподобный Серафим Саровский, и о той неоценимой помощи, которую он оказал в деле «собрания земель русских». Но отношения московского князя с другими служителями церкви были далеко не безоблачны

Вокруг московского князя Дмитрия собрались полки почти всех князей северо-востока Руси: суздальско-нижегородский, серпуховской, городецкий, ростовские, ярос-

нами в сторону Золотой Орды. Большинству русских князей было трудно поверить в то, что этот колосс, когда-то подмявший под себя Русь, доживает последние годы.

Пожалуй, и сам Дмитрий Иванович не был до конца уверен в том, что татаро-монгольскому владычеству на Руси приходит конец. Но, в отличие от многих других князей, делал все, чтобы этот конец приблизить. Парадоксально, но факт: помогли ему в этом... сами ордынцы, решившие, во что бы то ни стало, взять реванш после унижительного поражения на реке Вожа.

Мамай собрал новое войско со значительным привлечением наемников: генуэзцев, черкесов, аланов. Традиционно ожидая, что князь Дмитрий развернет основные рубежи обороны на Оке, Мамай планировал соединиться со своими союзниками — Ягайло Литовским и Олегом Рязанским — на ее южном

берегу. План оказался неудачным.

Собрав в Москве и Коломне значительные войска, Дмитрий Иванович оставил в Москве стратегический резерв и повел русских воинов навстречу Мамаю за Оку, огибая рязанские земли с запада. При этом строго приказал не трогать рязанцев, которые были неповинны в политике своего князя.

По пути к Дмитрию присоединились союзники с восточных земель Великого княжества Литовского. Выйдя к Дону, Дмитрий принял решение перейти и его, чтобы сразиться с Мамаем до подхода его союзников.

О знаменитой Куликовской битве написано много и подробно. Хотя поэт Александр Блок, занимавшийся изучением русской истории, писал:

«Куликовская битва принадлежит к символическим событиям русской истории... Разгадка их еще впереди».

И опыт минувшего века подтвердил гениальную прозорливость Блока...

17 сентября Православная церковь чествует икону Пресвятой Богородицы «Неопалимая Купина» — одну из самых почитаемых икон на Руси. На ней Пресвятая Дева изображена в середине горящего куста в ознаменование того, что Она, родив, сохранила девство и осталась неопалимой. По преданию, эта икона оберегает дом от пожаров: «Чистая, не опали!»

Когда в 1380 году занимался пожар невиданной битвы с отсветами славы, в этот день войско Дмитрия остановилось в урочище Березуи — ныне деревня Березовка Новомосковского района Тульской области. От нее до берега Дона было — два дневных перехода войска с обозами. Здесь к общерусскому войску 18 сентября, на день пророка Захарии, присоединились литовские князья Андрей и Дмитрий Ольгердовичи со своими дружинами.

Вот как описан этот приход в «Задонщине»:

«И молвит Андрей Ольгердович брату своему Дмитрию: «Оба мы, два брата, сыновья Ольгердовы, а внуки Гедиминовы, а правнуки Сколомедовы. Соберем братью милую, панов удалой Литвы, храбрых удальцов, и сами сядем на борзых своих коней, посмотрим быстрого Дона, испытаем

мечи свои литовские о шлемы татарские, а пики немецкие о кольчуги басурманские».

Так что далеко не вся Великая Литва готова была выступить против Москвы.

Проделав за одиннадцать дней почти двухсоткилометровый путь от Коломны до Дона, русская армия 20 сентября 1380 года переправилась через реку, отрезав пути для отступления, и выстроилась в боевом порядке на Куликовом поле между Доном и речкой Непрядвой.

Большой полк, полки правой и левой руки возглавил сам московский князь. Причем состояла эта рать из малоопытных, наскоро обученных воинов Московии. Перед ними стояла задача принять на себя удар главных сил неприятеля и связать их в кровопролитном сражении. Перед битвой, по преданию, князь надел одежду простого воина, а свои дорогие доспехи отдал любимому боярину Бренку. Это был знак войску: князь не пал, пока сражается последний воин!

Раним утром 21 сентября — в день Рождества Богородицы — грянула битва. Первая ее разведка — яростная атака степняков на русский авангард. Князь Дмитрий Иванович, хорошо знавший тактику противника, из состава передового полка выдвинул вперед сторожевой полк под командованием Семена Оболенского и Ивана Тарусского.

Ордынские конные лучники, еще до главного сражения кинувшиеся вперед, чтобы осыпать стрелами русский строй и посеять здесь панику, были встречены сторожевым полком далеко в поле и отбиты. Отбиты ценой гибели почти всего полка. Так было выиграно начало битвы. Дальнейший ее ход хорошо известен. Как известно и то, что Куликовская битва стала поворотным

братом» московского князя и обязался следовать московской политике, в том числе, в отношениях с Великим княжеством Литовским. Союз с другим князем был скреплен родственными узами — дочь Дмитрия Донского — Софья была выдана замуж за сына Олега Рязанского — Федора.

Но до окончательного падения господства Орды было еще далеко.

Объединение русских земель вокруг Москвы началось. Но — медленно, с появлением новых претендентов на великое княжение, с продолжающимися поклонами в сторону Золотой орды. Большинству русских князей трудно было поверить, что этот колосс, когда-то подмявший под себя Русь, доживает последние годы

пунктом в борьбе русского народа с игом Золотой Орды. Как известно и то, что русское войско на битву с Мамаем благословил преподобный Сергей Радонежский.

Да, Куликовская битва не привела к ликвидации татаро-монгольского ига на Руси, однако победой в ней был нанесен сильнейший удар по господству Золотой Орды, ускоривший ее последующий распад. Вторым важным следствием Куликовской битвы было усиление роли Москвы в образовании Русского единого государства. Уже в следующем году тверской князь Олег признал себя «младшим

Мамай собрал остатки войск для похода на Москву «изгоном», но был разгромлен ханом Тохтамышем, овладевшим престолом Золотой Орды. Мамай бежал в Крым, где и был убит своими союзниками из Генуи.

Еще в 1381 году Тохтамыш отправил в Москву посла звать Дмитрия в Орду, но Дмитрий отказался платить дань и ехать на поклон к новому хану. Тогда Тохтамыш, собрав войско, в 1382 году двинулся на Русь. И хрупкое еще единство русских князей угрожающе затрепало. К Тохтамышу присоединился суздальский князь, другой князь указал ордын-

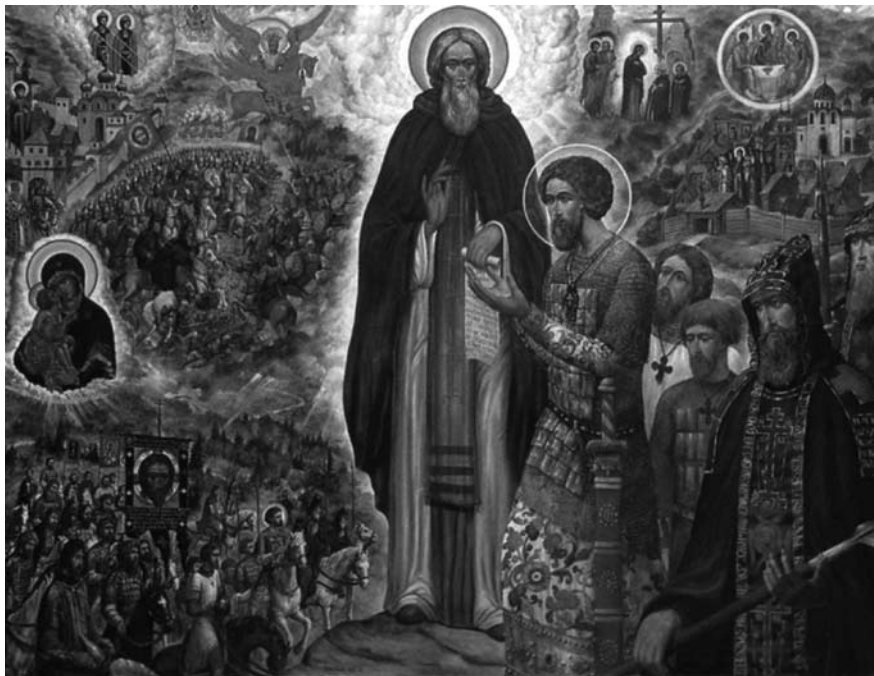
скому войску броды на Оке. И Москва оказалась в осаде.

Дмитрия Донского там не было — он в это время находился в Костроме. Митрополит Киприан с великой княгиней Евдокией и княжескими детьми уехал в Тверь, а в самой Москве начался мятеж.

Однако потом осажденные поддались на уговоры ордынцев, 26 августа открыли ворота и крестным ходом вышли из Москвы. Увы, все посулы оказались ложными: Москва была полностью сожжена, жители перебиты или уведены в плен, были разгромлены и другие горо-

да. С тех пор и прижилась на Руси поговорка: «словно Мамай прошел». Почему Мамай, а не собственно Тохтамыш — неизвестно, зато известно, что народ зря говорить не будет.

Воспользовавшись ослаблением Москвы, тверской князь Михаил, «забыв» клятву, в очередной раз отправился в Орду за ярлыком на великое княжение. Он опоздал: испугавшись собственного слишком уж жестокого набега на Москву, ордынцы объявили великое княжение наследственным владением московских князей. Цель была достигнута,

хотя плата за эту победу оказалась очень высокой.

Всем известно, что князь Дмитрий Донской был канонизирован православной церковью. Известно также и о том влиянии, которое имел на князя преподобный Серафим Саровский, и о той неоценимой помощи, которую он оказал делу «собираения земель русских». Но отношения московского великого князя с другими служителями церкви были далеко не безоблачны.

Выше уже говорилось о том влиянии, которое оказывал на юного князя и государственные дела митропо-

лит Алексей. После смерти святителя Алексея преподобный Сергей Радонежский предлагал великому князю Дмитрию избрать на митрополицию кафедру суздальского епископа Дионисия. Но князь пожелал иметь митрополитом своего духовника Новоспасского архимандрита Михаила.

По прямому повелению князя Михаил был избран митрополитом в Москве собором епископов. Святитель Дионисий смело выступил против великого князя, указав ему на то, что поставление первосвященителя без воли Вселенского патриарха будет

незаконно. Пришлось новому митрополиту ехать за благословением патриарха в Константинополь, а Сергию Радонежскому — смириться с волей великого князя.

Дионисий, однако, не смирился и собрался ехать в Константинополь сам, но был задержан по приказу великого князя и взят под стражу. Желая освободиться, он поклялся не ехать к патриарху, а поручителем

му духовенству Великого княжества Литовского выступить в Куликовской битве на стороне Дмитрия. Более того, после Куликовской победы и вплоть до нашествия Тохтамыша Киприан находился в Москве.

Возвращение Киприана в Москву в 1389 году было приурочено к новому сближению двух великих княжеств: в 1390 году Киприан венчал в Москве сына Дмитрия Донского Ва-

Б

ольшой полк возглавил сам князь Дмитрий. Причем состояла эта рать из наскоро обученных воинов Московии. Перед битвой, по преданию, князь надел одежду простого воина, а свои дорогие доспехи отдал любимому боярину Бренку. Это был знак войску: князь не пал, пока сражается последний воин!

его перед князем Дмитрием стал преподобный Сергий. Увы, получив вожделенную свободу, Дионисий тут же отбыл в Грецию, а вся тяжесть великокняжеского гнева обрушилась на его поручителя. И не только на него.

Дмитрий отказался принять литовского митрополита Киприана (княжеская дружина ограбила митрополита и не пустила его в Москву), за что князь и его люди в 1378 году были специальным посланием Киприана отлучены от церкви и прокляты. Однако это не помешало высше-

силія и литовскую княжну Софью Витовтовну.

И все-таки летописцы единодушно отмечают благочестие, незлобивость и целомудрие великого князя Московского, дружно позабыв о его разногласиях с православными иерархами.

Около тридцати лет великий князь Дмитрий правил Московским княжеством. За эти годы он стал общепризнанным главой антиордынского движения в русских землях, первым собирателем русских земель под своим единоначалием. При нем родилась идея сильной великокняже-

ской власти Москвы. Под ее правление перешло великое княжество Владимирское, присоединились такие города как Углич, Дмитров, Галич, Белоозеро, костромские и стародубские земли.

Дмитрий поддерживал дружеские связи с православной Византией, но оставался независимым от Константинополя. В Москве при его содействии был построен белокаменный Кремль, были возведены монастыри-крепости (Симон, Андроников), прикрывавшие

врагов, то от внутренних усобиц, следовали одни за другими в громадных размерах...»

Да, правление Дмитрия Донского было непростым. И хоть междоусобица продолжалась, и князья по-прежнему хотели править по собственному разумению и не подчиняться Москве, Дмитрию удалось объединить разрозненные русские земли. Он неустанно повторял заповедь, данную ему митрополитом Алексием, что сила русских князей против татарской Орды в единстве, и выжить можно толь-

У

Дмитрия Донского было восемь сыновей и четыре дочери. Сам он умер молодым (не дожив до сорока лет) и великое княжение завещал старшему сыну Василию. После смерти князя его жена Евдокия заложила в Москве Донской монастырь

подступы к центру города, расширялись улицы, возводились новые церкви и дома, раньше, чем в других землях, начали чеканить серебряные монеты...

И все-таки, по мнению историка Костомарова, «...княжение Дмитрия Донского принадлежит к самым несчастным и печальным эпохам истории многорадального русского народа. Беспрестанные разорения и опустошения, то от внешних

ко сообща. Поддерживая дружеские связи с православной Византией, Дмитрий упорно добивался признания независимости русской православной церкви от Константинополя.

У Дмитрия Донского было восемь сыновей и четыре дочери. Умер он очень молодым (не дожив до сорока лет), и великое княжение завещал старшему сыну Василию — при этом разрешение у Золотой Орды не спрашивал.

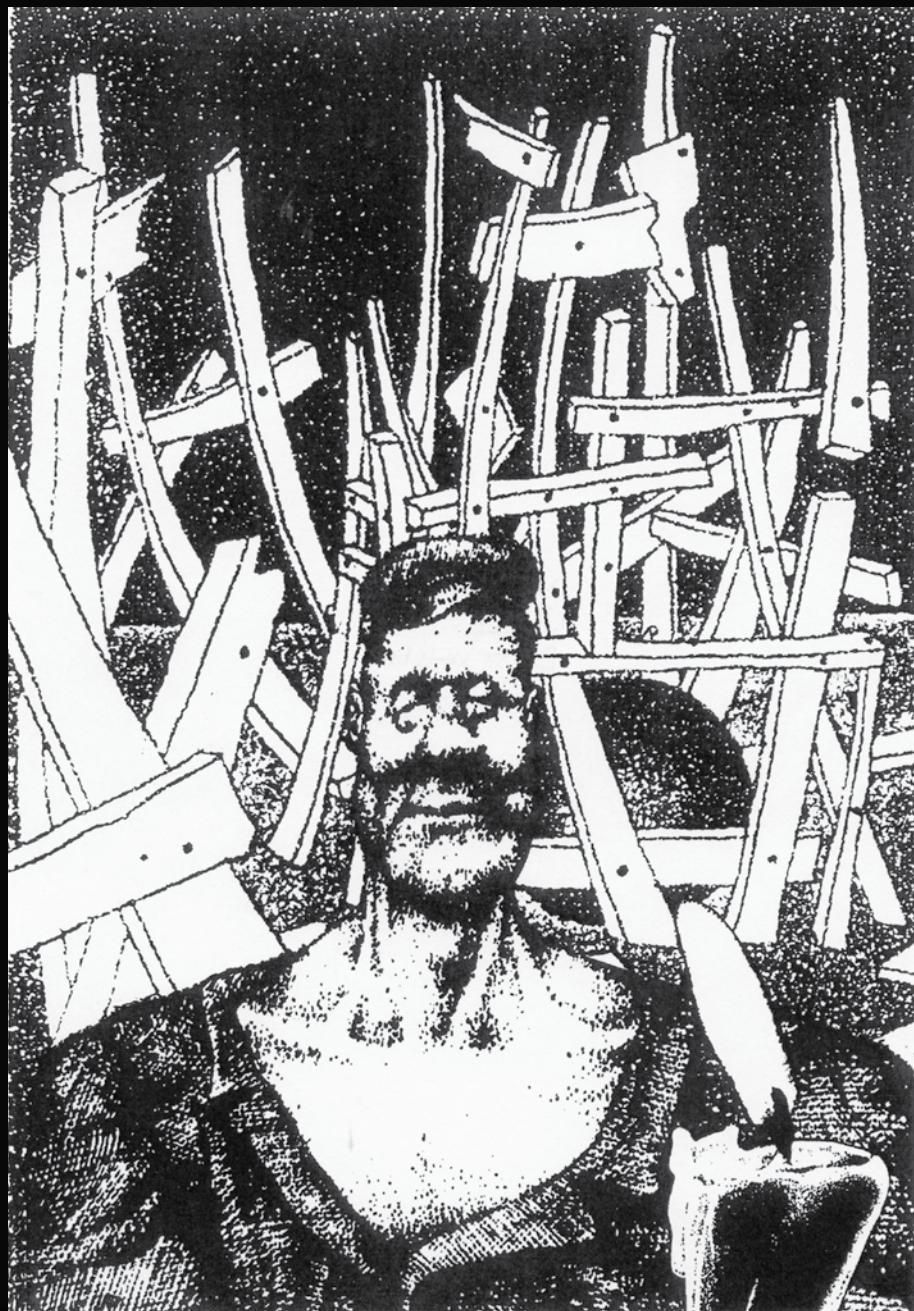

Похоронен он в Архангельском соборе Кремля. После смерти князя его супруга княгиня Евдокия заложила в Москве Донской монастырь.

Дмитрий Донской был причислен к лику святых на Поместном соборе Русской Православной Церкви спустя шестьсот с лишним лет после Куликовской битвы — в 1988 году. Но за эти несколько столетий имя московского великого князя

стало символом русской воинской славы. И уже совсем недавно, в 2002 году, был учрежден Орден «За служение Отечеству» в память святого великого князя Дмитрия Донского и преподобного игумена Сергия Радонежского.

День памяти Дмитрия Донского церковь отмечает 1 июня. Потомство же сохранило о нем память как о победителе татар и ниспровергателе ордынского ига. □

Иван Шмелев

Свечка

Рассказ бывшего управляющего

1

Представляете вы себе экономию... — так называют у нас на юге — ну, в десять тысяч десятин, сто квадратных верст? Так вот, наша Стар-Новка — сорок тысяч. Тридцать два хутора, сахарные заводы, конские, овчарни... Шесть тысяч пар волов, бывало, выедут пахать... — карти — на! Тысяч пятьдесят рабочих проходило за год, со всех концов России... Сколько недоразумений, мелочишек, а я — главноуправляющий, а экономия-то княжая!.. Представляете положение?!.. Кругом — убийства, партизаны, банды... — каждый хулиган мог выдумать обиду и свети счеты... без риска! Ведь все они — герои, а я — пот-кровь сосал!.. Благоразумие толкало меня бежать. Но сознание ответственности за Стар-Новку, — это же наша гор-

дость! — отчаянные просьбы управляющих, упрасивания рабочих... многие из них здесь родились и Стар-Новку любили, как свою, гордились ею! — и чувство долга... — еще мой отец и дед ею управляли, — все это вынудило меня остаться. Семью я вывез на Кавказ. Четыре раза брали меня «на мушку», сколько я раз скрывался, и только счастливый случай, уцелевшая в людях искра — меня спасали. Самые отчаянные — вдруг проявляли великодушие! Зверь Митяш, перетопивший в наших прудах больше пятисот хлеборобов-гетманщины... Ну, об этом после, а вот — про... свечку.

При первых большевиках — власть при мне сменилась восемь раз! — я очутился на советской службе: Стар-Новку решили сохранить как образцовое хозяйство. Я же и писал доклад об этом. Ко мне приставили матроса Гайку, он ничего не смыслил, был грубоват, но, присмотревшись, понял, что и я нужен для чего-то. Он больше рыскал по подвалам, ревизовал бутылки и все нашаривал: — да де ж воны, червонцы?!.. Все банды добивались, куда я «поховал червонцы»?! Легенд ходило о наших кладах!.. Были комиссии, искали подземелье со стародавними червонцами, «от самого Мазепы»?! «Червонцы», конечно, были, — в недрах! — их можно было добыть трудом и знанием... Так и говорил я всем. Никто не верил.

Придет, бывало, Гайка в мой кабинет, развалится...

«А що наши дела, Лексей Семеныч... мабуть, шумять?..»

«Проверьте, товарищ Гайка!..»

Усмехнется, — понимает. Для прилику — за телефон...

«Подтяну их Трошки... ще больше уважения вам будэ! — Давать мне хутор... — поищете на потолке, — двадцать семь!.. — самые мои года... — Я тэбэ що кажу?!.. у-двад-цать... семь!! Расчухала... Кто дли тилихвона... товарищ управляющий?.. С вами говорить инструктор, товарищ Гайка!.. Що у вас там робють?.. Ле...хция?! Що-о?! си...лехция?.. Погодьте Трошки... Що це бачить, Лексей Семеныч, — си-лех-ция?!.. Ага... Слухаєте? Зна-

чить, у вас нашот Семенов!.. Так. Що-о?.. Ну, в эфтим деле Лексей Семенович распорядится, я на него вполне... располагаюсь! Ага... Що-о?! А прочее там... все в порядке?.. Що-о?.. Ну, айда... сам завтра погляжу...»

Ох, это «що-о»! Так в ухе и засело, на все лады. Да Гайка... — самый невинный это. Ухмыльнется, потянется... — перекусить пойдет. Боровом у нас развелся. Мой повар все завтраки ему готовил — галушки да котлеты!

И все-то как саранча...

Бывало, давали к празднику полиции, почтовым, по станциям... Становой знал свою сотнягу, урядник — красную... пустяк. А тут! То — корову, для приюта, индюшек, кур — без счету... То — сливок по ведру, масло пудами... «в ударном порядке» исполкому — пять штук баранов, сахару мешками... Саранча жрала — жрала... Экипажи растаскали, заводских лошадей облюбовали — кто повыше... Амазонки объявились, на отдых наезжают, — «после усиленной работы»! — капризы, требуют, мандаты эти свои суют, грозят!.. Тысячи властей явились... шваль такая, пшеницы от капусты отличить не может — лезет жрать в Стар-Новку! Тут уж и рабочие познали... — так наглядно! Уж и им обидно стало. Хоть и сдали они в работе, а все-таки тянули... а тут!.. И чтоб почет еще! Как-то остановил одну, попалась мне на глаза, — в цветник заехала! — представьте, еще кричит:

«Вы кто, товарищ, здесь будете?!..»

«Я-то, — говорю, — хоть и не товарищ, а берегу народное добро... главный я здесь механик!.. А вот — вы кто здесь будете?!..»

Не понял!

«Ну, так и ступайте к своей машине, — говорит, — а не командуйте!»

Родственница какого-то наркома, «с уполномочием от центра»!

А князя, бывало... — как в гости приезжали! Тихо-вежливо пройдутся, благодарят... Служащим, рабочим... — подарки, день отдыха — посетят все школы, руку подают учителям, спрашивают: довольны ли? Воспитанность какая! А в газетках-то, бывало, корреспонденты нас полощут: «Эксплуататоры»! А знали, что все доходы в Стар-Новку мы валили! Клад собирали для поколений, для России... Досталось теперь... кому?! Из благородства, из чести так поступали... Ну, теперь зато «писатели»-то те пришли лущить, довольны, чавкают... Специалисты-иностранцы поражались, книги о нас писали... Рабочие гордились! «Мы — старновцы!» Хуторяне богатели нами... — скот какой был по округе! Земство через нас гремело, не знало дефицитов!.. Взгляните, что — теперь! Я князьям в проезд давал обед. Они — ответный мне... Нет, кошмар!.. Прознали про оранжереи, — персиков подавай, белой сливы, шпанских вишен... — да примеров чтобы! Корзинами таскали. Про ананасы прочухали, — сейчас комиссию: «Буржуазная затея, прикрыть!» Попробовали под коньячок, — «Хорошо, центр запросим». Телеграмма... — «Предмет экспорта, обратить внимание, для экспертизы выслать!..» Ну, урок наглядный: отношение к России!

А мои князя застряли на Кавказе.

Слышу — крутить что-то начинают со Стар-Новкой!.. Яков Исаич прибежал, старый наш агент по хлебу, поэт своего дела и знаток. Стар-Новку любил, как колыбель, — вырос на ней и детей поставил, работал честно...

«Что я вам скажу!.. туча на нас идет!! Стар-Новку-то нашу смаклеровать хотят, крутят чего-то!..»

И рассказал: составилась компания, — люди в наших местах известные, и с капитальцем, — и ваяют дельце на хаосе... А уже были слухи, что немцы подвигаются... Иностраный капитал вернулся — зацапать русский жемчуг. Сперва я не поверил. Он другой раз прибегает, чуть не плачет:

«До завтра мне не дожить, если я соврал! Запродажную на днях подпишут в Кисловодске!..»

Так мне тут больно стало!.. Неужели князя решатся?! Посылаю запрос с нарочным. Только послал, — письмо от них, с нарочным! Князь пишет, что уезжает за границу, думает продать Стар-Новку хоть за что-нибудь... дают пять миллионов, но... «без вас решиться не могу, ответьте!» Пять миллионов тогда... ну, тысяч триста, а наша Стар-Новка, уже плохо-плохо — миллионов восемь, на прежние! Жемчужина... Соблазнили князя, что половино дают фунтами.

Ножом меня ударило!.. Поколениями ее создали, русской силой.... И — иностранцам! В тот же день послал князьям ответ: умоляю — не делать, имею данные... — «сохраните честь Стар-Новки!» А документы у меня хранились. Князья мне благодарность: «Горячо ценим преданность, были в расстройстве!..» Про мое вмешательство узнали, да и князь пошутил: «Наш Алексей Семеныч нам не разрешает...» И вот ко мне явился представитель, адвокат:

«Пять тысяч фунтов?..»

«Стар-Новка не продается».

«Десять?!..»

«Наша Стар-Новка не продается! Можно разорить ее, но не купить».

«Пятнадцать... чек на Лондон... и — выезд за границу?!...»

Бог дал мне силы.

«Не продается!..» — крикнул я в бешенстве.

Тут он:

«Англичан вам жалко?! Сделка юридически порочна... при реставрации, конечно, Стар-Новка вернется, деньги князьям вернут... куртаж тут только и выход вам!..»

Я показал ему на дверь, — слов не было...

Скоро явились немцы, князья мои уехали в Париж... Потом — все полетело, и гетман, и Петлюра... Столько пережито, что все романы — пустяк в сравнении... Большевики опять оставили меня в Стар-Новке. Гайка пропал, явился «ученый агроном», но без диплома. Этот совался всюду, а понимал не больше Гайки. И началась тут травля!.. Доносы за «саботаж», за связь с князьями, — им я берегу «яичко к празднику» — за... утайку документов!.. за разложение рабочих... Яков Исаич прибегает, плачет:

«Хотят нас скушать, что сорвался! Я знаю!.. Обыск вчера был у нас... но что я, маленький человек, могу знать?! И я сказал, что наша Стар-Новка — наша, мы на ней родились и на ней умрем... и мы должны ее беречь, как хлеб!..»

Я написал земкомиссару все откровенно. Он был сравнительно приличный и агроном... А там свое ведут, «тройка» налетела:

«Где документы на экономию?»

«У владельцев... »

«Сутки сроку, а там!..»

Рабочие вступились, телеграмму: «Стар-Новка в опасности, просим охранить нашего старшего товарища!» Загнули!! Допросы, меня в чека... Мои старновцы — делегатов!.. Тогда еще с рабочими считались. Меня отвоевали, встретили с цветами, с музыкой...

С месяц прошло — в газетке появляется заметка — «Земля в Стар-Новке». Пишут: «Между рабочих прогрессирует упорный слух, что управляющий скрыл от рабоче-крестьянской власти фамильные драгоценности сановных крепостников на тридцать миллионов золотом! Пусть знает паразит аристократии, что мозольный кулак труда бьет верно!» Подписано, конечно, «Старый рабочий»! У меня эти заметки «старых рабочих» сохранились... Показал рабочим. Говорят:

«Что ж, Алексей Семеныч... верите?»

«Вам верю, — говорю, — а «старому рабочему» не верю... »

Посмеялись загадочно... Прислали депутацию ко мне: «Подлог и клевета на нас!» Послали письмо в газетку. Не напечатала! Еду в исполком с заметкой...

«Без огня дыма не бывает!» — говорят.

«А рабочим вы верите?..»

Свечка

«Смотря... каким...»

«Тогда — отставьте!»

«А вы на этом сыграть хотите? саботаж?! извольте ехать и дожидаться!»

Тут и работай! На глазах все гибнет...

Представляете вы всю сложность руководства такой огромной экономией? У меня минуты на счету... тридцать хуторских докладов, ежедневные объезды... каждый час я должен знать, где что идет, — хозяйственный план сложный и тончайший, до волоска в хронометре, где соринка может вызвать остановку... А сколько заседаний по отраслям! На завтрак мог я тратить только семь минут... засыпал в кресле, с газетой, чтобы через пять минут вскочить и ехать! Три машины стояли в главных пунктах наготове, на случай неисправности моей, центральной... а когда выходил к кофе, он был уже налит, и бутерброды порезаны на ломтики... Это не шутка и не чудачество. Все рассчитано до четверти минуты, и подъезжал я к поезду, когда давали третий звонок. По дальним хуторам, где дороги хуже, стояли кони под седлом и тройки... Иначе я не мог бы охватить до корня все огромное, эту великую симфонию хозяйства!.. Даже Гайка, приглядевшись, сказал однажды: «Ну, вже и пе-кло вам!» Он сметкой понял и стал снимать фуражку и тянуться. Надо видеть!.. Это так же сложно, как править государством. Впрочем, иные думают, что надо только уметь болтать и отдавать приказы по телефону...

Через два дня — обыск. Разворотили полы в «Дворце» и в Главном Доме, у меня. У меня полы срывали раз пять, — просил уж: наложите хоть печати! — «С «Княжого Двора» — не отлучаться, под страхом...».

«А как же на хутора мне выезжать?..»

«Не волнуйтесь... — говорят, — можете и дальше выехать!»

Перед вечером ко мне пробрался наш конторщик, коммунист карьерный:

«Алексей Семеныч, уезжайте... может быть налет!..»

Горничная Глаша прибегает:

«Барин, барин... на вас хотят курячевцев напустить... хотят прикончить... миллионы вы будто заховали... С «конного» сейчас сказали, что курячевцы там, пьяные... кричат — клады ночью пойдем шукать с-пид пана-управителя!..»

А Куряч у нас недавно объявился. Перед войной работал в кузнице, и его прогнали за поджог омета. Он пропадал — и вот, недавно заявляется ко мне, матросом и выпивши:

«Что, Алексей Семеныч... признаете?.. теперь вы уж в нашей власти!..»

А я ему спокойно: «Я и не убежал от вас!»

Это его — с коня долой.

«Знаю, что храбрые... Да на вас сердца мы не держим, меня не опасайтесь... Жалованья даже тогда не приказали удержать... через вас обиды мне не было! Я вас даже уважаю, по работе... и чердачок у вас!.. Ну, только то-чуть на вас зубы... моих сбивают!..»

Поговорили мирно, и он ушел,— замял папироску об диван. И вот, теперь?!.. А позাপрошлой ночью на восьмом хуторе, где служил Куряч, убили управляюще-го, — с выбитыми глазами нашли за кузницей. Все говорило, что хотят прикон-чить втемную, чтобы не раздражать рабочих: налет банднтов, власть ни при чем!

Надо было бежать. Сил уже не хватало.

3

К ночи верный мне кучер подал пролетку в парк, повар вызвался проводить. Меня довели до Ступенева, маленькой станции, на перегон за нашей, — на Стар-Новке всегда толпились из экономии. По округе меня хорошо знали, и на всякий случай я оделся под прасола. В Ступеневе повар взял мне билет до О., мы братски простились, и только подошел поезд, уже в темно-те, я быстро вскочил в вагон. Это был старый вагон 2-го класса, совсем облезлый, — классов тогда, впрочем, не различали.

Пассажиров, к счастью, было не так уж много — поезд был не прямой, — и освещения ни малейшего. Храпели во тьме, а кто — не видно. Меня вряд ли могли узнать. Впрочем, да... Когда я проходил у станционного фонаря, мне показалось, что кто-то меня толкнул и пристально заглянул мне под нахлобучен-ную шапку. Невольно я отшатнулся, почувствовав что-то гадливое, — в лице ли или в манере этого человека... будто увидел гадину, — оглянулся, и мне показало-сь, что тот быстро вошел в служебное помещение. Тогда я особенного значе-ния этому не придавал.

Поезд пошел. В О. я рассчитывал затеряться. Бороться дальше было бес-цельно, а надежные знакомства у меня были. Я сидел в уголке и страшно завидо-

Свечка

вал храпевшим. Как будто солдат спал против меня, заняв всю лавку. Помню, как булькало у него во рту, и едко воняло самогоном и конюшной. Рядом со мной сидел кто-то головастый и все вздыхал. Тьма была полная. Думалось о семье... Она счастливо перебралась в Константинополь и, конечно, боялась за меня. Помню, разобрал я во вздохе моего соседа: «Господи, Боже наш...» Это меня укрепило, — родная душа рядом!

Перегона через три прошел с фонариком старичок кондуктор и все присматривался к углам. Он метнул мне в лицо фонариком и пригляделся... А может быть, мне показалось. Против меня действительно сладко храпел солдат, лицом в диванчик, а рядом со мной дремал старенький батюшка, опустив голову в тяжелой шапке на грудь. Кондуктор пошел обратно, освещая углы фонариком. Около нас он приостановился, провел светом по сапогам солдата, со шпорами, перевел к голове, на серую папаху, и ловко метнул в меня... Я невольно вздрогнул и отшатнулся, а луч стрельнул по потолку, на сетки, упал назад, где торчали мешки, ноги и головы, и на мгновение осветил старческое усталое лицо кондуктора, лохматые седые брови... И тут я узнал его, старейшего по дистанции. Конечно, он тоже узнал меня. У меня был отдельный вагон-салон — от экономии, — и, понятно, всегда с почетом, все из бригады знали... Старик опять пригляделся к храпевшему солдату, наклонился ко мне, шепнул: «Перейдите-с...» — и поманил. Я понял, что он хочет получше меня устроить, и отказался. Тогда он значительно заморгал. В этом морганье строгих бровей и в серьезном лице его я почувствовал что-то важное и осторожно пошел за ним.

В вагоне была полная тьма, а старик еще и прикрыл фонарик. Он провел меня к поперечной стенке, делившей вагон надвое, неслышно повернул отмычкой, протолкнул меня в темноту, вошел за мною и бесшумно запер.

«Поспокойнее вам тут будет, Алексей Семеныч...» — сказал он шепотом и открыл фонарик.

Это была каютка, шага полтора в ширину, с окошком, — его отделеньице, должно быть. В противоположной стенке была другая дверь.

«Только уж огоньку не зажигайте, а то в Пурикове ломиться как бы не стали!..»

Он влез на лавку, вынул из стенного фонаря свечку и сунул в карман.

«Сидите тихонько-тихонько... никак себя не оказывайте, хоть бы и стучаться стали! И от окошечка лучше подальше... и уж не курите-с!..» — шепнул он торопливо, вышел через другую дверь и замкнул без шума.

Я остался один в темноте. Ночь была черная, осенняя. Все произошло так быстро, что я даже и не поблагодарил за доставленное удобство. А растрогал меня старик. Ясной тревоги у меня не было. Осторожность его была понятна: стеснялся оказать внимание «буржу», — народ-то какой теперь! Мысли у меня были самые мрачные, а тьма еще больше удручала. Поезд чуть полз, до О. было еще неблизко. Я прилег на лавку, облокотился на кондукторский сундучок, но уснуть не мог, — всякое лезло в голову. Очень курить хотелось... Когда закуривал — заметил перед окошком на столике огарок, четверть вершка — не больше. Зажгу-ка, думаю, на минутку, приведу в порядок дневные записи, — это вошло в привычку, — только бы уйти от мыслей. Зажег, достал записную книжку, — и тут меня стала одолевать дремота... Все вдруг отяжелело во мне, словно свинцом налило, — последние ночи я совсем не спал, — и я заснул как мертвый. Мелькнуло, помню: «А ведь надо потушить огарок...» — но сон ударил, и я погрузился в небытие...

4

Пожар испугал меня?..

Меня встряхнуло, как электрическим током, и ослепило. Я вскочил, увидел мелькнувший за окном огонек и услышал громоыханье стрелок... Огарок метнул последний синий язык и потух. Должно быть, это пыланье потухшей свечки меня встряхнуло, неожиданные взрывы света... Ровно гори свеча — вряд ли бы я проснулся. Сердце колотилось в непонятном страхе, как всегда — от внезапного пробуждения. Давило тьмой, и тяжко воняло гарью. А огоньки за окошком мелькали чаще, а стрелки стучали громче: поезд подходил к Пурикову.

Из темной щели, почему-то боясь окна, я увидел слабо освещенную беловатую станцию... Куда-то бежали и орали партизаны — я их узнал сейчас же, — пьяный вооруженный сброд, в пулеметных лентах, с вин-

Свечка

товками, с болтающимися гранатками, в папах, в собачьих шапках, в полушубках и волчьих куртках... Грохот сапог и рев глоток... И вдруг под самым моим окошком вырвался сиплый окрик:

«Сзаду!.. Сзаду там, оцепляй!..»

Облава?!.. Не меня ли?..

Этот подлый вопрос — всегда! Тогда всюду ловили по дорогам, вышаривали вагоны.

Голоса стали налетать отчетливо:

«В Ступеневе он садился... рыжая шапка...»

«Черти!.. Назад глядите!..»

Ясно, — меня искали!.. И тут я вспомнил заглянувшего мне под шапку. Я дальше подался от окошка — и заметил другое, между дверями. Вагон был странный, — очень, должно быть, старый. Я присел на полу, стараясь сообразить, что же теперь мне надо... — но мысли рвались и путались. И среди этой путаницы все же была одна, совершенно цельная мысль-чувство... словно бы облегчение: «Сейчас все кончится! Скорее бы только...»

Вдруг слышу, — сиплый свирепый рев:

«Товарищ кондуктор! Старновского управителя-сволоча видал?.. Где?!»

И я разобрал голос кондуктора:

«Видал... в этом самом вагоне ехал!.. А может, что и сошел... за всеми не углядишь, сколько народу едут!..»

Голос был деловой, усталый и недовольный.

«Фонарь дай!.. дьявола тут увидишь... беспорядки!..»

«А что я, товарищи, могу тут!.. освещения не отпускают... — возвысил голос кондуктор. — Нам самим приятней, как...»

Голос замер, — и тут же зашумели в конце вагона:

«Ноги подбери!.. В рыжей шапке, высокий, не видали?..»

«Да мы спали, товарищи...»

«В угле там... кто? Прими мешок!.. Ноги подай!.. Шукай под лавкой... Тут кто — поп?.. Товарищ поп, не видал, с черной бородкой, в рыжей шапке?..»

Отозвался робеющий стариковский голос:

«Что-то я внимания не обратил, братцы... дремал, извините... ослаб... Был, думается, какой-то... да давно уж сошел, как помнится... давно!..»

Рядом затопали, и дернулась ручка двери. Во мне все натянулось и замерло... — ну вот, кинусь, и буду бить кулаками в дверь! Это ужасное состояние, как перед пропастью... сильнее только! И тошнота... То самое, когда водили меня «на мушку». Слышу за дверью жесткий, с запалом, голос:

«Чего заперто?!.. Кондуктор, чего у тебя заперто?!.. отпирай!..» И ручка двери запрыгала и бешено заскрежетала.

«В другую это половину, товарищи партизаны... — сказал спокойный голос кондуктора. — Только с другого уж вам конца придется, замок попорчен...»

И ручка опять заерзала.

«Пускай, черт старый... счас сломаю!..» — услышал я ругань и пыхтенье, дверь затрещала от удара, и ручка опять задержалась и заскрежетала.

«Ваша воля, ломайте... Раз не чинют...»

Грохнуло сапогом, прикладом, матерщиной, — но старая дверь держала: в старину крепко строили!

«Дьявол у вас тут... чинить!.. — хриплым запалом рвалось за дверью. — Штык... Хоменко?..»

«Да я ж вам говорю... с того-то конца скорей!.. там, думается, сидел!.. — заторопил кондуктор, и я услышал, как заскрежетали железом в скважине. — Я еще им сказал... свечей нам не выдают...»

«Сволочи!.. штык испортил...» — с облегчением услышал я, и в скважине затихло.

«... а они обижаются, почему такое... в рабочем управлении, а свету не дают!.. Это, говорит...»

«Будет ему зараз свет!..» — отозвался удаляющийся голос, а кондуктор за ним:

«Это, говорит, разве порядки?!.. Я, говорит...» — разобрал я тоже удаляющийся голос кондуктора и за ним брань:

«Будут ему... порядки!..»

Скорей бы только! Сил уже не хватало. Будь со мной браунинг, — шесть в дверь, седьмую себе! Вот как бы было...

Слышу — уже с другого конца шумят... Опять:

«В рыжей шапке? С бородкой?!..»

«Ну, чего спать людям не даете... чего тут в теми углядишь... ни каганца, ни алехтричества!..»

Свечка

«Да вы не шибко, товарищ... чего за ногу кобыняете?!.. Що ж такэ... спартизан! Мы сами спартизаны, матяшинцы!.. Не вмеете вы ловить... Носовцы?..»

«Ну, носовцы, а шо?»

«А вот чубары гораздо! Блох вам ловить!.. Па-на якого?»

«Старновский управитель все деньги с экономии увез, двадцать миллионов, сволочь!.. депешу дали... Курячевцы-черти в кулак свистят... с бабами заигрались...»

«Ну, его вам не поймать! Из-под нашего ушел...»

Я слышал каждое слово. После я увидел под потолком отдушину-решетку. Голоса приближались... и вдруг голос кондуктора:

«Стойте, товарищи... вспомнил! Тому три перергона, на площадке его видал... у третьем классе, и чемоданчик с ним... не так чтобы велик, а...»

«Ну?!..»

«В горку идем, 67-я верста, подъем... поезд чуть идет... он, пожалуй, и соскочил... места-то ему известны...»

Брань, удар в дверь ногой, — и загремела дру-гая ручка.

«Давешняя-то, говорил... замок испорчен!..»

«А может, еще в третьем хоронится... Я еще его спросил, куда это вы, на ночь?.. Он — молчок... знает нашу железную бригаду, первая мы опора, — не доверяет!..»

«Не втикет от нас, запетлим... оцеплено!»

«Где уж! Всякий его укажет...» — сказал кондуктор, и голоса заглохли.

Я прижался к полу и ждал... Поезд стоял, стоял... стреляли где-то, орали, лазили под вагонами... и никому в голову не пришло — пересчитать окошки! Тогда бы они поймали ускользавшее и нащупали мою щель...

Колокол, наконец... вольные три удара! — и поезд двинулся.

Я присел в изнеможении на лавку... помню, прижался к сундучку, с какими ходят кондуктора... вспоминал встревоженное лицо, суровые седые брови... Так протянулось четыре перегона. Глухие ночные станции, во тьме... нигде ни огонька. Ночь тянулась...

Вдруг — слабое царапанье, гулкий за стенкой храп, — и вот бесшумно открылась дверь и так же тихо замкнулась. Освещая сверху фонариком, стоял передо мной с хитровой усмешкой старик кондуктор...

Я его молча обнял, а он шепнул:

«Теперь доедете. Слыхали?.. Беспокоить вас не хотел... а когда еще Сагуново проезжали, телеграфист шепнул... — депеша со Ступенева была, в Пуриково, носовскому отряду... взять вас живого-мертвого! Носовцы рвали!.. как уж миллионов им хотелось!.. Куряча, говорят, купил! Куряч за него, а то бы давно прикончили!.. Так рвали!..»

«А если бы меня нашли? — спросил я старика. — Вам тогда?..»

«Ну, сказал бы... хорошего человека пожалел! В шею бы, может, дали... только и всего. Вам бы вот нехорошо было. Да разве им догадаться, дурачью! — сказал он весело. — Глаза-то разгорелись, тычутся, дьявола!..»

За меня... Куряч!.. Но кто же депешу дал?!

И тут я вспомнил вглядывание под шапку и гадливость. Кто-то устроил провокацию, бросить меня хотели в расправу диким, не знавшим меня носовцам... Кто?.. По совести, — не знаю. Правда, мешал я многим, Стар-Новку берег. Сил не хватило...

Стало рассветать, когда мы подъезжали к О. В рассвете я увидел расплывшуюся пленку догоревшей свечки с запекшимся черным фитилем. С этим беловатым пятном была связана моя жизнь... и, быть может, с той свечкой, что убрал от меня кондуктор, и — с тем огоньком, который теплился в его душе... Где-то теперь старик?..

В О. я затерялся. Много было всего.

Теперь — на французском юге, с семьей. Здесь покойно. Но где же найти размах?! Я двадцать лет огромное творил... Стар-Новка наша! Новое хозяйство, сокращал волов, тракторы вводились... А сколько было в нее засыпано!.. Уж как трепали, — а она жила! Теперь... — не знаю. И еще чего-то не хватает, — родного огонька не вижу. Столько за эти годы перевидал, народ наш знаю, соли пуды с ним съел... — и вот, скажу: злое в нем подняли и — затопили! Перед смертью не раз стоял — и сколько видел, как в самом даже безнадежном, в самом отпетом человеке... и вдруг каким-то чудом чистый огонек затеплится, засветит в нашей кошмарной ночи!.. Неужели и его погасят?!.. Ну, тогда и Стар-Новки мне не надо... □

1924 г.

История

КАЛАЧЕЙ

ДЛЯ МОСКВИЧЕЙ

Евгения Белогорцева

Булочная Филиппова, филипповские калачи, сайки — все эти слова знакомы многим из нас с детства. И мы помним, что некогда на Тверской улице продавали самую знаменитую «на Москве» выпечку от Филиппова. Но когда он жил, была ли у него семья, был ли он добр или расчетлив? Об этом мы не задумываемся, даже если порой и мечтаем о знаменитой филипповской сайке с изюмом...

Начать стоит, пожалуй, с того, что булочников Филипповых, на самом деле, было три. Родоначальник династии — Максим Филиппов, бывший крепостной, который прибыл в Москву из деревни Кобелево Калужской губернии в начале XIX века. Он и его семья трудились целыми днями в собственной пекарне, выпекая хлеб и пироги с различными начинками, которые позже стали «фирменными» в филипповских булочных. Поначалу никакой булочной, конечно, не было — пирогами и калачами торговали вразнос в торговых рядах. В те годы, собственно, и не существовало такой традиции — иметь магазин при пекарне. Первым об этом подумал и

воплотил свою идею в жизнь именно Максим Филиппов.

После смерти Филиппова-старшего дело унаследовал его сын, Иван Максимович. Именно он стал тем самым знаменитым «стариком Филипповым», воспетым Гиляровским в книге «Москва и москвичи». Поначалу же это был просто мальчишка, который вместе с рядовыми пекарями изучал процесс производства хлеба — от начала и до конца. Максим Филиппов, ничуть не сомневаясь, заставлял сына учиться, потому что сам завел непреложное правило: *«Дабы фамильное наследие сохранить и приумножить — понуждай сына с малых лет все премудрости пекарные постигать в объеме полном».*

Иван Максимович, будучи сыном послушным, учился весьма прилежно. Может, именно поэтому при нем булочные Филиппова стали поставщиком Двора Его Императорского Величества, именно про него сочинено много баек и басен, именно он сделал филипповские булочные такими, какими мы их знаем, пусть давно уже на Тверской и не пекут калачей...

Любимой присказкой Ивана Максимовича было: *«И очень просто!»* Этому человеку все в жизни казалось простым, потому, наверное, и удавалось столь многое. После смерти отца в 40-х годах Иван быстро стал купцом второй гильдии, вносящим гильдейскую повинность за право торговли в Тверской части Москвы. Вскоре он обзавелся пекарнями и в других частях города: в Пятницкой и Сретенской.

Булочные Филиппова всегда были полны народа. Покупатели толпились у прилавков с горячими сайками, калачами, хлебом, знаменитыми пирогами с начинкой: с яйцами, мясом, творогом, грибами, изюмом. Говорят, пироги были столь велики, что двумя можно было сытно позавтракать.

Успех своей продукции Филиппов объяснял так: *«Потому что хлебушко заботу любит. Выпечка-то выпечкой, а вся сила в муке. У меня покупной муки нет, вся своя, рожь отборную покупаю на местах, на мельницах свои люди поставлены, чтоб ни соринки, чтоб ни пылинки... А все-таки рожь бывает разная, выбирать надо. У меня все больше тамбовская, из-под Козлова, с Роминской*

мельницы идет мука самая лучшая. И очень просто!»

Не знали Филипповы и завозных цукатов. Заведено было договариваться с владельцами садов под Москвой, Курском, Воронежем о поставке плодов и ягод. Клюкву же везли из-под Вятки. Она шла и на взвар, и на мармелад, и в яблочную начинку, и, конечно, на знаменитую клюкву в сахарной пудре.

Филиппов лично следил за качеством товара, причем проверял свежеевыпеченный хлеб весьма оригинальным способом: он заворачивал каравай в полотенце и садился на него всем своим многопудовым весом, отчего, разумеется, хлеб становился тонким, словно блин. Через 30 секунд он должен быть вернуть свою первоначальную форму, причем корочка должна была остаться неповрежденной. Если каравай проходил испытание, Филиппов одобрительно говорил: *«С Богом!»* И партия хлеба поступала в продажу и шла к заказчикам.

Одним из таких заказчиков был сам император. К нему в Петербург сайки и калачи отправляли ежедневно, потому что Филиппов утверждал, что невская вода для выпечки хлеба никак не годится. Потом, правда, эту проблему решили, и в 1864 году на Невском, 45 открылась первая в северной столице филипповская булочная. Пекарям приходилось в курьерских поездах возить дубовые кадки с мытищинской водой, чтобы на ней месить тесто в Петербурге для придворных хлебов. Отправлял свой

*Булочная Филиппова
на Тверской улице*

хлеб Филиппов и в Сибирь. Калачи и сайки горячими, прямо из печи, особым способом замораживали, везли за тысячу верст, а уже перед самой едой оттаивали — тоже особым способом, в сырых полотенцах.

Все, конечно, помнят знаменитую байку про таракана в филипповской сайке. Напомню, на всякий случай. Генерал-губернатором Москвы в те годы был всесильный и внушавший ужас Закревский. Каждое утро ему привозили свежие сайки от Филиппова. Поскольку дом генерал-губернатора на Тверской находился почти напротив знаменитой булочной, то

*Бывшая булочная Филиппова
в Сокольниках*

свежее, чем у Закревского, сайки были только у самого Филиппова. Но вот незадача: в одной из саек градоначальнику попался таракан. Закревский загремел: «А подать сюда булочника Филиппова!» Перепуганному Ивану Максимовичу был грозно предъявлен таракан, и ему ничего не оставалось, как заявить, что это изюм, и... съесть злополучную сайку!

— Саек с изюмом не бывает! — так же грозно выкрикнул Закревский, но все же отпустил булочника.

Филиппов сразу побежал в пекарню и на глазах у изумленных работников опрокинул решето изюма

в саечное тесто. Уже через час он угощал Закревского сайками с изюмом. Мир на Тверской улице был восстановлен, а ассортимент филипповской булочной обогатился сайками с изюмом. Иван Максимович же говорил: *«И очень просто! Все само выходит, поймать сумеи!»*

Конечно, по прошествии многих лет историки убедительно доказывали, что все это вымысел, и никакого таракана, и никакого генерал-губернатора не было. Но люди любят злых начальников и находчивых купцов, поэтому будем продолжать верить в чудесное избавление хитрого булочника Филиппова от неминуемого наказания.

А вот что совершенно точно байкой не было, так это то, что Филиппов очень много средств из своих немалых доходов выделял на благотворительность. И помимо того, что помогал «несчастненьким» сам, он также участвовал и в популярном на то время роде благотворительности. Попробуем его описать,

потому что сегодня аналогов такого обычая нет.

С древних времен существовала традиция: на большие праздники — Рождество, Крещение, Пасху, Масленицу, в дни поминовения усопших, в родительские субботы — посылать в тюрьмы подаяние арестованным. Жертвователи (в основном, купечество и старообрядцы) заказывали московским булочникам огромные партии калачей, саек и просто черного хлеба. Считалось, что в благодарность за подаяние заключенные будут молиться за жертвователя, а молитвы «несчастненьких» якобы быстрее доходят до Бога.

На этой-то традиции зачастую и наживались пекари, отправляя в качестве пожертвований лежалый, черствый, не самый лучший товар.

Многие, но не Иван Максимович Филиппов. Он никогда не посылал арестантам негодий товар, только свежие калачи и сайки. Ходили даже слухи, что многие московские воришки перед большими праздниками спе-

циально старались попасть в те тюрьмы, куда поставлялась выпечка от Филиппова, чтобы полакомиться.

Также велся особый счет, по которому было видно, сколько прибыли давали эти заказы на подавание, и всю выручку Филиппов сам отвозил в тюрьму и жертвовал на улучшение пищи больным арестантам. Ему совершенно не нужны были медали благотворительных обществ, главное, чтобы все было «очень просто».

Ивана Максимовича не стало в 1890 году. На его смерть московский поэт Шумахер написал четверостишие, которое стало известно всей Москве:

*Вчера угас еще один из типов,
Москве весьма известных
и знакомых,
Тьмутараканский князь Иван
Филиппов,
И в трауре оставил насекомых.*

«Тьмутараканский князь» не стал событием первой русской революции, «разбираться» с которыми пришлось его сыну — третьему Филиппову, Дмитрию Ивановичу. В сентябре 1905 года к нему пришли рабочие (или «депутация», как они себя называли) и заявили, что с воскресенья они решили объявить забастовку. Бастовали не только «филипповские» булочники — вся страна была охвачена этим движением.

Филиппов не пожелал объединиться с другими купцами против своих же рабочих и пошел на уступки: предложил пекарям праздничный отдых и две смены, а также повыше-

ние заработной платы. Все вернулось на круги своя.

Однако неудачи продолжали преследовать Филиппова: оказалось, что компания уже давно в больших долгах. Дмитрий Иванович должен был своим кредиторам около 3 миллионов! Чтобы спасти дело, решено было объявить компанию банкротом. Однако банкротство банкротством, а калачи и сайки печь никто не прекращал. Как будто москвичам и петербуржцам было дело до каких-то там филипповских долгов, они требовали хлеба, причем ежедневно.

После всех этих событий Дмитрий Иванович сильно сдал. Умер он уже скоро — в 1908 году. После его смерти дело продолжили три его сына, хотя фактически главой фирмы стал усыновленный Филипповым-старшим Николай Иванович Филиппов. В 1915 году он организовал «Торговый дом братьев Филипповых», сохранив при этом статус Поставщика двора Его Императорского Величества.

Все закончилось известным образом. Наступил 1917 год, а с ним и странные перемены: вкусный хлеб стал никому не нужен, зато зрелищ появилось — хоть отбавляй...

...Вот уже несколько лет здание, где располагалась знаменитая филипповская булочная, находится на ремонте. Прежде, в прекрасных зеркальных филипповских интерьерах располагалась кофейня. Что же будет там после реконструкции — покажет время... □

Людмила Владимирова

Воздух полон был пьяным яблоком,
Красным чаем и томной сдобой.
День истек, будто в устье, в надобу
Тишины законной. С торбою
Одиночеств, в лохмотьях горестей
Ждет ноябрь у ступеней — подати.
Ни дождей у него, ни совести —
Нищий мытарь в холодном омуте.
Не сдержат тебя оберегами.
Испеку пирог, словно снадобье.
Золотою айвовою негою
Истекает ночь в утра надобу.

ТАМ, ГДЕ БРОНЗА ЛИСТЫ

Одиссей, ты вернулся? Из каких же глубин?
Мне б тебе улыбнуться... Постарел. И один...
Да и я оплошала, фреской будничных дней
Осыпаясь устало на щербатость камней.

Ты вручаешь мне осень. Сокровенный трофей...
Ради этого бросил остров наш? Одиссей?
Ты приносишь мне осень? — прелой памяти жмых?
Что же... Прошлое просит поздний пир на двоих.
Вот вино. Вот ягненок. Помолчим, так верней.
День, невинный ребенок, тише стал, холодней.
Столько лет у причала с ноябрем на плечах...
Все, что раньше прощала, — пало пылью впотьмах.

Мне бы тоже вернуться на Итаку весны,
К цикламеновым буйствам, к пробуждению лозы,
Ощутить свою нужность там, где бронза листья
Опадает недужно в безнадежные сны.

Может, стала мудрее, может, боль все острее.
Но меня в Мантинее не ищи, Одиссей.

ФЕНИКС

Вторичность зла или добра, спирали одиноких судеб...
Приходит новая пора и поглощает то, что будет.
Первичность боли и любви. Как Каин, напитавшись
млеком,
Выходит мир из полыни убийства — сыном, человеком.
Его не спросишь, где твой брат? Он сам себя
за первородство
Вновь убивает. Он бы рад иметь совсем иное сходство.
Но в нем живет бессменно страсть изведать глубину
паденья,
Чтобы, меня ипостась, взлетать в огне самосожженья.

ЗАЗЕРКАЛЬЕ

Мой сон был потревожен
дуновеньем.

Я отворила окна в старый сад...
Мосты вздохнули, подались назад
И подняли ладони для молений.

И плыли мимо окон корабли,
И дирижабли плыли над морями,
На ниточках качались оригами —
И тихо покачнулась ось Земли...

Там звуки позабытой
колыбельной
Летели мотыльками на огонь,

Ложились белым пухом на ладонь,
Витали меж деревьями бесцельно.

А я смотрела из окна на мир:
Торжественная тополей ротонда
Кружилась вместе с музыкою.

Сонно
Прелюдию доигрывал клавир...

Тонули скверы в пухе тополином,
Баюкала дремота старый дворик.
И мимо окон мчался белый кролик,
Спеша к какой-то странной
герцогине.

Повремени немного... Не спеши
На дно щербатой чашки — ни души
В кофейной гуще не отражено.
Нет никого... Но скрипнет
нижней «до»

Дощатый пол, — там ходит
домовой,
И не находит выхода домой...

Но вслушайся в качнувшуюся
мглу:
Так дождик дребеденит по стеклу,
Так стрелки на часах стальных
бредут,
Выстраивая прочерки минут,

Так время заполняет окоем,
Где тени чьи-то плавают вдвоем,
Так тишина сплетает сеть ветвей,
И голоса сомнений все темней...
Но устремляет карандаш строку
К развязке ночи... Где-то наверху,
В соседском надэтажье,
среди снов,
Кукушка деревянная, основ
Мироустройства вовсе не признав,
Кукует вновь. Никто из нас
ни прав,
Ни виноват... И смолкнет тишина.
Твой минотавр насытился сполна...

ЧЕЛОВЕЧЕК

Никто не окликнет не скажет войдите
Никто не откроет последнего царства
И вы над осокою острой парите
И верите в силу превратного шанса
Но также за морем и где-то за миром
Живет человек в озябшем полесье
Он видит как в небо вонзается клином
Нелепая робкая чуждая песня
Он слушает песню он смотрит на небо
И нет оправданья ему до заката
И нет утешенья идущему следом
Оттуда откуда и он был когда-то
И нет утешенья ему до рассвета
И нет берега на этой дороге
Идет человек за кромкою лета
Вдыхая пожухлые прелые строки
Простите простите за мной не идите
Поймите что узится тропка лесная
Где вы над судьбою окольной парите
Ни имени времени неба не зная

И, кажется, нет смысла говорить,
Периметр пространства, мир на ощупь,
Когда звенит натянутая нить
В момент разрыва, и луна полощет
Медовый свет в раструбе полыни,
А эти, за столом, живут незнаньем
Того, что стены будут сожжены,
Что к ним выходят ангелы из тьмы
И собирают агнцев для закланья. □

Две любобвицы

КОРОЛЯ-СОЛНЦА

Традиционно считается, что французский король Людовик XIV, которого также называли «Королем-Солнцем», так как он любил лично исполнять партию Солнца в придворном балете, и который прославился фразой «Государство — это я», имел бесчисленное число фавориток, ибо ни одна женщина не могла устоять против его обаяния — как мужского, так и королевского.

Вынужден разочаровать любителей романтики: настоящих любовниц у Людовика было за всю жизнь всего четыре, плюс три мимолетные связи, о которых вообще мало что известно. По прихоти судьбы, и первая, и последняя любовницы короля оказались чрезвычайно набожными женщинами. Луиза де Лавальер постриглась в монахини, а Франсуаза де Ментенон сделала фактически монахом самого короля. Правда, это произошло уже тогда, когда король пресытился чувственными удовольствиями и стал задумываться о спасении своей души...

Денис
Логинов

*Король Франции
Людовик XIV*

О личной жизни короля до его женитьбы на испанской инфанте Марии-Терезии известно на удивление мало. Авторы бесчисленных исторических романов приписывали ему увлечение племянницами всесильного первого министра и мorganатического супруга его матери — кардинала Мазарини. Но... дело ограничивалось нежными взглядами, возможно, пыльными записками, не более того. Как бы ни упрекали Джу-

лио Мазарини в непомерном честолюбии, он не пожелал видеть французской королевой свою родственницу. Государственные интересы были для него выше интересов семейных.

Людовику исполнился 21 год, когда он вступил в брак со своей ровесницей и кузиной. Мария-Терезия была миловидна, не слишком умна и очень набожна — как всякая испанка. Историки всячески подчеркивают то, что король каждую ночь по-

сецал спальню своей супруги, но стыдливо умалчивают, что эти визиты обычно продолжались менее получаса, а через год свелись к четверти часа: супруга больше не интересовала Людовика как женщина.

Набожная, но и крайне ревнивая, Мария-Терезия пожаловалась своей тетке-свекрови, вдовствующей королеве Анне Австрийской. Та в ответ лишь рассмеялась:

— Дочь моя, у вас могут быть законные дети и без короля, но у коро-

**Слева: брак
Людовика XIV**

**Справа:
Мария-Терезия
Австрийская
(Испанская) —
супруга
Людовика XIV**

ля без вас законных детей быть не может.

Слабое утешение, особенно если учесть, что Людовик увлекся другой своей кузиной, супругой младшего брата принцессой Генриеттой Английской. А среди фрейлин этой принцессы была юная, знатная, но не слишком красивая девушка — Луиза де Лавальер...

Луиза родилась в обедневшей дворянской семье. Она любила природу, животных и особенно лоша-

дей. Любовь к ним для Луизы стала роковой: в детстве, упав со строптивой кобылы, девочка сломала ногу и на всю жизнь осталась хромой.

Когда сестры Луизы, повзрослев, начали встречаться с молодыми людьми, она искренне верила, что ее, хромую и некрасивую калекку, не сможет полюбить ни один юноша. Девушка все время проводила в одиночестве, была очень застенчивой и скромной. Именно эти редкие при дворе качества оценила супруга

Филиппа Орлеанского и сделала Луизу своей фрейлиной. Спустя много лет про нее скажут:

«Она стыдилась быть любовницей, матерью, герцогиней».

Луиза слыла некрасивой, невзрачной, но была в ней какая-то особая, внутренняя красота, которая, казалось, лилась из ее глубоких грустных глаз. Генриетта Английская — супруга Филиппа Орлеанского, двоюродного брата короля Людовика XIV, — была дамой живой, остроумной и достаточно красивой. С утра до вечера она развлекалась на охоте, балах, в театрах. Ее муж мало обращал внимание на жену. Все знали, что его не интересовали женщины, а страсть он испытывал к молодым привлекательным юношам. Генриетту это, впрочем, беспокоило мало. С первого взгляда она влюбилась в короля, и Людовик XIV отвечал ей взаимностью. Однако на глазах у всех подобный роман посчитали бы оскорбительным, поэтому тайные любовники решили сделать так, что король якобы увлекся фрейлиной Генриетты, отчего его частые визиты в покои невестки выглядели бы вполне невинно. В наперсницы себе герцогиня Орлеанская выбрала хромоножку Луизу, которую и представила королю.

Ветреный монарх прекрасно справлялся с ролью влюбленного, а Луиза искренне и нежно полюби-

ла Людовика, тем более что король тоже был неизлечимым калекой — он родился без носовой перегородки, и во время еды большая часть пережеванной пищи вываливалась у него через нос.

Однажды Людовик подслушал разговор Луизы с ее подругой. Мадемуазель Лавальер делилась с ней своими сокровенными чувствами. Покоренный искренностью и отчаянной любовью молодой фрейлины, король вдруг испытал какое-то странное, необъяснимое чувство, которое со временем еще больше усиливалось.

Он боролся с ним, пытался заглушить его, но не мог. И тогда не нашел ничего лучшего, как признаться во всем Луизе и просить стать его любовницей. Девушка долго сопротивлялась, не решалась совершить грехопадение, пряталась от короля. А он, еще больше распаленный ее скромностью и чистотой, однажды влез к ней в окно... И девушка все-таки сдалась — в этот час невзрачная хромоножка стала любовницей короля Франции. В этом нет ничего удивительного — ведь Людовик и сам еще был молод и застенчив, он только-только становился монархом, избавившись от постоянной опеки-диктата Мазарини, и ему нужна была покорная, любящая женщина, а не ослепительно-прекрасная и капризная дама.

По словам Вольтера, Лавальер доставила Людовику то редкое счастье, что «он был любим только ради себя самого». Впрочем, чувства, которые король питал к Луизе, тоже имели все свойства истинной любви. В подтверждение этого ссылаются на множество случаев. Некоторые из них кажутся столь необыкновенными, что с трудом можно в них верить. Например, однажды во время прогулки разразилась гроза, и король, скрывшись вместе с возлюбленной под защитой ветвистого дерева, в течение двух часов стоял под дождем, прикрывая ее своей шляпой. Пикантность ситуации придавало то, что на прогулке присутствовал весь двор, включая обеих королей и принцессу, которые, не имея возможности сесть в карету, ибо этикет запрещал делать это раньше короля, вынуждены были мокнуть под ливнем все то время, пока Людовик опекал Луизу. Популярности при дворе это «хромоножке», разумеется, не прибавило. Более того, принцесса Генриетта под первым попавшимся предлогом отказалась от услуг своей фрейлины.

Людовик буквально обезумел от любви. Из капризного и ветреного молодого человека он превратился в галантного, самоотверженного мужчину. Осыпал возлюбленную подарками, все время проводил с Луизой, и даже когда в 1661 году законная

жена короля ждала наследника, а мадемуазель де Лавальер слезно упрасивала его хранить верность супруге до рождения ребенка, король категорически ответил отказом. Он не желал расставаться с обожаемой фавориткой.

Королева была женщиной весьма недалекой и всегда всем недовольной. Она никуда не выходила и лишь изредка показывалась на светских вечерах. Зная о многочисленных любовных интригах царствующего супруга, Мария-Терезия предпочитала не выяснять отношений с Людвигом и не обращала внимания на его бесчисленные измены.

Счастью Луизы и короля завидовали многие. Самые красивые женщины французского двора не могли объяснить загадку «хромоножки». Одни приписывали ей колдовские таланты, другие и вовсе придумывали непристойные объяснения. А бывшие фаворитки короля ждали любого удобного случая, чтобы уколоть свою соперницу.

Случай представился очень скоро. В Париж приехал бывший поклонник Луизы, когда-то желавший жениться на ней, и потребовал у нее написанные им когда-то любовные письма. Весть о сопернике дошла до самого короля, и он, разгневанный и сжигаемый ревностью, в первый раз за долгие месяцы не пришел к Луизе ночевать.

Бедная женщина прождала любимого до утра, а на рассвете, решив, что он разлюбил ее и больше не желает видеть, направилась в ближайший монастырь. Там она молила Бога простить ее и обещала постричься в монахини, чтобы искупить непоправимый, страшный грех — безумную любовь к королю. Луиза прорыдала до вечера и, обессиленная, упав на каменный пол, потеряла сознание. Она не видела, как в собор вбежал Людовик и у всех на глазах поднял посиневшую от холода девушку на руки. Он унес Луизу из монастыря, плакал, беспрестанно просил прощения.

Тогда же король решил осуществить свою мечту — перестроить для возлюбленной прекрасный дворец, получивший потом название Версаль. Два известнейших французских архитектора Ленотр и Лебрен днем и ночью трудились над возведением самой великолепной постройки Франции.

А Луиза жила в затворничестве, никуда не выезжала и принимала у себя только короля, целыми днями занятого на строительстве Версаля и приехавшего в Париж, только чтобы навестить любимую, носившую под сердцем его ребенка. Увы, родившаяся девочка прожила всего несколько дней.

Версаль, наконец, был достроен, и весной 1663 года мадемуазель

Лавальер на правах официальной фаворитки французского монарха переехала во дворец. Король устраивал в честь нее балы и театральные представления, желал развлечь Луизу, но та все больше стыдилась своего положения. Спустя год она родила вторую дочь, которая тоже довольно быстро умерла.

А в начале 1666 года скончалась мать Людовика, вдовствующая королева Анна Австрийская. Король больше не стыдился своей пылкой привязанности к фрейлине и не расставался с ней ни на минуту. Он подарил ей титул герцогини де Вожур, дал третьему ребенку Луизы — сыну свое имя и титул графа де Вермондуа, не желая слушать никаких разговоров о морали и приличиях. Он был любим, и хотел любить так же преданно и самоотверженно.

Родившуюся затем дочь король также узаконил, дав ей имя мадемуазель де Блуа. Впоследствии она стала супругой герцога Филиппа Орлеанского и выслушала немало попреков со стороны родственников за свое происхождение.

Людовик мужал и уже не нуждался в самоутверждении как мужчина. Лесть окружавших его придворных, прежде всего дам, сделала свое дело, и постепенно монарх стал забывать о кроткой Луизе. Теперь он пылко влюбился в самую

*Луиза
де Лавальер*

красивую при дворе женщину — маркизу Атенаис де Монтеспан.

Маркиза была не только ослепительно красива, но и умна, точнее, остроумна. Говорили даже, что она приворожила короля приворотным

зельем, которое постоянно подсыпала в еду Людовика, и участвовала в черных мессах, где во имя королевской любви зарезали не одну сотню младенцев. Было ли это на самом деле — неизвестно, однако

Франсуаза-Атенаис де Монтеспан

некогда нежный и любящий король быстро превратился в циничного, развратного и жестокого любовника.

Людовик поселил Атенаис в соседних покоех с Луизой и настоял на том, чтобы женщины поддерживали теплые и дружеские отноше-

ния. Фаворитки разыгрывали роли близких подруг, вместе прогуливались по парку, обменивались любезностями, играли в карты, а общий любовник пристально следил за их поведением. Жестокая и властная Атенаис очень быстро превратила

безответную Луизу практически в одну из своих камеристок, а та безропотно сносила это, надеясь сохранить хоть какое-то место в сердце короля. Увы...

В марте 1669 года Атенаис родила от Людовика дочь, а через год сына, чем еще больше привязала короля к себе. С тех пор монарх редко бывал у Луизы, которая находила утешение только в религии: от вчерашней фаворитки отвернулись все придворные, потянувшиеся к новой звезде.

Прошло три года, и маркиза де Монтеспан родила еще одну дочь. Людовик, не заботясь о чувствах Луизы, заставил ее стать крестной матерью ребенка. На следующее утро «фаворитка в отставке» попыталась постричься в монахини, однако настоятельница монастыря кармелиток, известного строгостью своего устава, наотрез отказалась принять женщину со скандальной репутацией, любовницу короля. Она выгнала Луизу и велела никогда больше не появляться на пороге обители.

В приступе отчаяния Лавальер осмелилась упрекнуть своего царственного любовника в равнодушии и бессердечии. Но вместо раскаяния и примирения, которых ожидала Луиза, произошел окончательный разрыв. Разгневанный король бросил ей на колени маленькую собачку и сказал:

— Возьмите, сударыня, вам довольно и такого общения!

В ту же ночь Лавальер покинула дворец и Париж. Она поселилась в небольшой деревушке возле монастыря кармелиток и каждое утро приходила к монастырю — часами стояла на коленях на голой земле. Через два месяца строгая настоятельница, видя отчаяние молодой женщины, наконец, смягчилась. В 1675 году в возрасте тридцати лет мадемуазель Лавальер постриглась в монахини и стала сестрой Луизой. Сентиментальный король впал в уныние, долго плакал, но обратно фаворитку не вернул, предпочел забыть ее в объятиях обожаемой Атенаис.

Луиза де Лавальер находилась в монастыре долгих тридцать шесть лет и поражала сестер-монахинь выносливостью, терпением и самопожертвованием. Король ни разу не навестил бывшую фаворитку. Лишь королева Мария-Терезия перед смертью приехала однажды к бывшей сопернице и, уходя от нее, не смогла сдержать слез. Монахини считали Луизу святой и говорили, что, когда она умерла в 1710 году, тело ее было окутано светящимся ореолом.

Маркиза де Монтеспан и по внешности, и по характеру была полной противоположностью Лавальер: красивая, пылкая, яркая, она была совершенно лишена томности и нежности, свойственные ее сопернице.

Обладая ясным и практичным умом, она хорошо знала, что ей нужно, и готовилась очень недешево продать свои ласки. Долгое время король, ослепленный любовью к Лавальер, был совершенно нечувствителен к чарам красавицы-маркизы. Но когда прежние чувства потеряли свою остроту, пробил час торжества Атенаис.

Особенно сблизил их военный поход 1667 года в Бельгию, превратившийся в увеселительное путешествие двора по местам военных действий. Хрупкая и болезненная Лавальер не могла стать спутницей короля в подобных «прогулках», а железное здоровье маркизы позволяло ей не слезать с седла чуть ли не до последних дней очередной беременности. Она родила королю семерых детей, из которых выжило четверо, но ни одного из них не оставила подле себя — всех отправляли «на воспитание» к тихой, скромной и умеющей хранить чужие тайны вдове. Король иногда навещал своих побочных детей, маркиза — никогда.

Расчетливая Атенаис прекрасно знала, чего может добиться от короля в обмен на свою любовь. Только в первый год знакомства с маркизой Людовик выдал ее семейству 800 тысяч ливров для уплаты долгов. Золотой дождь не оскудевал и в дальнейшем. При этом де Монтеспан активно покровительствовала многим писателям и другим людям ис-

кусства. Она была некоронованной королевой Франции на протяжении 15 лет и совершенно отодвинула в тень несчастную Марию-Терезию.

Впрочем, Людовик не хранил верности и прекрасной маркизе. За это время у него было множество других романов, более или менее серьезных. В 1674 году принцесса де Субиз родила сына, очень похожего на короля. Вниманием Людовика пользовались и г-жа де Людр, и графиня де Граммон. Но все это были мимолетные увлечения.

Более серьезную соперницу маркиза встретила в лице мадемуазель де Фонтанж, которой Людовик даже пожаловал титул герцогини, чего тщетно добивалась от него сама маркиза. Мадемуазель, по отзывам современников, «была хороша, как ангел, но до чрезвычайности глупа». Бедняжка не сумела надолго завоевать монарха: беременность ее обезобразила, говорить с ней Людовику было не о чем, а роды закончились трагически: произведя на свет мертвого ребенка, свежеиспеченная герцогиня де Фонтанж скончалась от родильной горячки в полном одиночестве, к великой и нескрываемой радости маркизы де Монтеспан.

Но ведь недаром говорят, что хорошо смеется тот, кто смеется последний. Дети, которых король очень любил, продлили его связь с Атенаис. Ее же безразличие к ним и лю-

*Мадам
де Монтеспан
с детьми*

бовь, которой побочных детей Людовика окружила их воспитательница, в конце концов, оборвала эту связь и обрекла всеильную фаворитку на изгнание и забвение.

Место маркизы заняла женщина, во всех отношениях уникальная. Франсуаза д'Обинье была внучкой знаменитого поэта и сподвижника

Генриха IV Агриппы д'Обинье. Но ее отец — Констан — вел более чем распутный образ жизни, несколько раз попадал в тюрьму и, в результате, был сослан с семьей на остров Мартиника, из-за чего позже его дочь получила прозвище «Прекрасная индианка». Франсуаза получила строгое протестант-

*Франсуаза
д'Обинье*

ское воспитание, но была крещена по католическому обряду.

Когда Констан скончался, вдова его, женщина ничем не примечательная, оказалась в жесточайшей нужде и смогла каким-то чудом перебраться с дочерью в Ла-Рошель. Там их приютила тетка маркиза де Виллет, строгая пуританка. Но по-

сле смерти матери другая родственница, католичка де Нельян, отдала Франсуазу в монастырь в Париже, где девочка после долгого сопротивления обратилась в католичество.

По некоторым сведениям, в процесс запутанного религиозного воспитания дочери и внучки известных

гугенотов вмешалась лично Анна Австрийская, но это маловероятно: слишком незаметное положение занимала девушка.

Два года спустя родственница выдала Франсуазу замуж за знаменитого поэта Скаррона, который был на двадцать шесть лет старше супруги, часто болел, и она в течение восьми лет была вынуждена ухаживать за тяжело больным мужем. Нельзя сказать, что к такому неудачному браку девушку принудили. Замуж она шла вполне добровольно, если можно назвать добровольным выбор между браком со Скарроном и монастырем.

И все же брак этот оказался филиалом ада на земле: Поль Скаррон был парализован, писать мог только с помощью специального приспособления, паралич скрючил его буквой S... Из-за страшных болей ему приходилось принимать опиум... Уход за ним лег на плечи Франсуазы. Но, несмотря на свою молодость, девушка отличалась редким характером, и она сутками не отходила от постели мужа, стараясь облегчить его страдания.

В 1660 году Скаррон умер. Вдова осталась практически без средств существования. Но так как Скаррон при жизни был известным поэтом, Франсуаза оказалась вхожа в различные круги общества, в том числе и в высший свет. Мадам де Монте-

спан решила, что спокойная и рассудительная Франсуаза будет прекрасной компаньонкой и воспитательницей. К тому же, молодость мадам Скаррон прошла, она всегда одевалась очень строго, была чужда кокетству, и Атенаис не сомневалась, что женщина такого типа привлечь короля не способна.

Мадам де Монтеспан не ушла одного: любви короля к своим детям. Ведь он не только признал детей, рожденных вне брака, но даже внес в список наследников престола старшего из них, герцога Мэна. Атенаис же была больше занята собой, поддержанием своей репутации самой блестящей и прекрасной дамы Франции, чем воспитанием детей. А добрая Франсуаза привязалась к своим маленьким питомцам всем сердцем.

Король долгое время действительно не обращал внимания на их воспитательницу, но однажды, беседуя с маленьким герцогом Мэном, был весьма поражен его меткими ответами.

— Сир, — сказал ему мальчик, — не удивляйтесь моим разумным словам: меня воспитывает дама, которую можно назвать воплощенным разумом.

Этот отзыв заставил Людовика более внимательно взглянуть на гувернантку сына, и, беседуя с ней, он не раз имел случай убедиться в

справедливости слов герцога Мэна. Недаром же Франсуаза восемь лет своего первого брака провела в обществе самых остроумных и красноречивых людей Франции, регулярно посещавших дом Скаррона.

Франсуаза обращалась со своими маленькими воспитанниками с такой любовью и лаской, какой они никогда не видели от родной матери. С самим королем вдова держалась с почтением и достоинством. Они много разговаривали. Король с удовольствием вслушивался в тихий приятный голос, следил за плавными грациозными движениями, а глаза вдовы Скаррон сулили ему райское блаженство.

Франсуаза еще и писала королю в то время, когда он находился в армии, но не о нарядах, балах и политике, как мадам де Монтеспан, а — о детях. О его детях. Кроме того, письма были написаны прекрасным литературным языком, что тоже было крайне привлекательно для Людовика.

Мадам Скаррон воспитывала детей Людовика XIV, а он все внимательнее приглядывался к этой серьезной, воспитанной, начитанной женщине — прямой противоположности шумной, капризной, раздражительной Монтеспан. Кроме того, это ангельское создание так красиво говорило о Боге, о душе, что не могло не привлекать короля, уже

основательно уставшего от бурной жизни.

Маркиза де Монтеспан беспокоилась, начала интриговать против мадам Скаррон, помыкать ею, даже позволяла себе оскорбительные выпады в ее адрес в присутствии короля. Тот как бы ничего не замечал, но однажды, когда прекрасная Атенаис особенно едко высмеяла брак Франсуазы с «никчемным калеккой, который оставил вдове только долги и никчемное имя», король внезапно вмешался в разговор и сказал готовый расплакаться Франсуазе:

— Благодарю вас за ваши неоценимые услуги нам, мадам де Ментенон.

Эта простая фраза произвела эффект разорвавшейся бомбы. В одну секунду Людовик перечеркнул прошлое Франсуазы и поднял ее до уровня придворной дамы, приближенной к королевской особе. К новому имени прилагалась должность первой статс-дамы у дофины и имя Ментенон в сорока километрах от Версаля, с очаровательным маленьким замком и прекрасным парком. Франсуаза уже предвкушала тихую жизнь в этом райском уголке — она приближалась к сорока годам и устала от всех перипетий жизни, но... судьбе было угодно совсем иное.

Встречи и душевные разговоры короля и мадам де Ментенон все учащались. Вдова рассказывала Лю-

довику XIV о всевидящем Боге и о неминуемых карах за грехи людские, что было королю в новинку. Осуждала как бы невзначай легкомысленное поведение подруги. А также пыталась «наставить монарха на путь истинный», вернув в лоно семьи.

Когда однажды король сделал попытку склонить Франсуазу к более близким отношениям, вдова ужаснулась такому предложению со стороны обожаемого и горячо любимого мужчины, и посоветовала ему обратитесь всю свою нежность и ласку к супруге.

Людовик XIV и в самом деле сблизился со своей женой Марией-Терезией. Звезда маркизы де Монтеспан окончательно закатилась в 1678 году, когда король одной ледяной фразой отправил свою многолетнюю пассию в изгнание, чем очень обрадовал и двор, и королеву, и... мадам де Ментенон.

Постепенно Франсуаза заняла при дворе очень высокое положение. Она влияла на политику страны, всевозможные решения короля, и ни один приказ не подписывался монархом без ее предварительного одобрения. При этом Франсуаза делала вид, что совершенно не интересуется государственными делами, и вела себя очень строго и осторожно.

Решительные перемены в жизнь де Ментенон внесла смерть королевы 31 июля 1683 года. Мария-Тере-

зия умерла в возрасте 53 лет. В начале своей болезни она испытывала лишь недомогание, но медицина в те времена была варварской. Первый врач короля приказал вскрыть болевой вену и пустить кровь, хотя один из его помощников предупредил, что это может грозить королеве смертью. Через несколько часов после кровопускания Мария-Терезия скончалась.

Король, казалось, был потрясен смертью жены. В это трудно поверить, хотя во имя собственного престижа внешне Людовик XIV соблюдал приличия: изображал нежного супруга, неизменно проводившего ночи в семейной спальне. После смерти Марии-Терезии что-то надломилось в сознании Людовика. Устав от развлечений, он преисполнился религиозного страха, боялся небесного наказания за земные грехи.

Обстановка в Версале изменилась: придворные вели себя более сдержанно и осторожно. Впрочем, нравы при дворе остались прежними, просто, опасаясь гнева короля, трусливо скрывалось то, что раньше демонстрировалось открыто и нагло.

Мадам де Ментенон все-таки стала любовницей короля, а очень скоро — в глубочайшей тайне — и... его супругой. Людовику в ту пору было 45 лет, а ей — 48.

Франсуаза в постели была холодна, и ей приходилось мириться с постоянными изменами мужа. Зачастую чопорность супруги раздражала самовлюбленного короля, но самообладание и выдержка Франсуазы не имели границ, и уставший от своей разгульной жизни Людовик XIV ценил покой и умиротворение, которые обеспечивала ему жена, а так-же ее верность и преданность. Вместе они прожили тридцать два года.

Итак, Франсуаза д'Обиньи, внучка гугенота, вдова поэта, стала женой короля Франции. Но разве бывает полное, безоблачное счастье? Брак мадам де Ментенон остался для всех тайной, он не был узаконен, публично не объявлен при жизни Людовика (а тем более, после его смерти). Фаворитка так и осталась фавориткой. Король жестоко поступил по отношению к любимой женщине! Он не решился возвести на трон вдову несчастного Скаррона, а Франсуаза на всех официальных церемониях вела себя как придворная дама и жила в очень скромных апартаментах, правда, вплотную примыкавших к королевским покоем.

Современники относились к мадам де Ментенон довольно критически:

«Мадам де Ментенон была женщиной не только суровой и жесткой:

все в ней подчинялось приличиям и расчету. Ее набожность была не пылкой, порывистой, как у Лавальер, а сдержанной, обдуманной. Ее щепетильность всегда была выгодной для ее материальных интересов. Не лживая, но очень осторожная; не вероломная, но всегда готовая если не пожертвовать друзьями, то, по крайней мере, покинуть их; скорее создающая видимость добра, чем творящая добро. Без воображения, без иллюзий, эта женщина превосходила других скорее рассудком, чем сердцем. Она была вооружена против всех соблазнов. Страх скомпрометировать свое доброе имя защищал ее от всех опасностей».

Справедливости ради стоит отметить, что супружеская жизнь с Людовиком была для Франсуазы тяжелым испытанием. Эгоизм короля не знал границ. В угоду своим желанием он не считался ни с чем и ни с кем. Ментенон, больная, с высокой температурой и головной болью, должна была посещать балы, отправляться в различные поездки вместе с двором. Она боялась сквозняков — он настежь открывал окна в любую погоду. Она любила рано ложиться спать — он работал допоздна и непременно хотел даже ночью иметь собеседницу.

Зато и прочность ее положения была очевидной. Члены королев-

ской семьи, министры, придворные через нее нередко обращались к королю. В Версальском дворце

она сидела в кресле в присутствии Людовика, его сына — наследника престола, его брата и английских

коронованных особ. При этом избегала дорогих нарядов, не носила драгоценностей, одевалась со вкусом, но скромно, не по возрасту. Ее называли «дамой в черном», хотя платья черного цвета Ментенон носила редко — король этот цвет не любил.

Попасть на прием к маркизе было не легче, пожалуй, чем к самому королю.

В апартаментах Ментенон Людовик XIV работал, а его супруга читала или вышивала. Присутствующие разговаривали очень громко. Ментенон делала вид, что поглощена своим занятием, но ничто не ускользало от ее внимания. Маркиза редко высказывала свое мнение, но король сам советовался с ней. Ответы всегда были сдержанные. Она никогда не проявляла заметного, видимого интереса к тому или иному событию или лицу.

Занималась Франсуаза и благотворительностью. Именно маркиза де Ментенон создала в 1686 году учебное заведение для девушек из небогатых дворянских семей. Находилось оно в Сен-Сире, неподалеку от Версальского дворца. В институте обучалось 250 дворянок. Они здесь и жили. Все было обставлено с большим вкусом: тщательно окрашенные, сверкающие чистотой учебные классы, спальни, скромная, но удобная мебель, на стенах — географические карты.

Король питал к маркизе глубочайшее уважение и доверие, под ее влиянием он отказался от всяких любовных связей, стал вести более нравственный образ жизни и сделался очень религиозным. Впрочем, большинство современников считали, что Людовик из одной крайности перешел в другую — от распутства к ханжеству. Как бы то ни было, в старости он совершенно оставил шумные сборища, праздники и спектакли. Их заменили проповеди, чтение нравственных книг и душевспасительные беседы с иезуитами.

В конце жизни король запретил при своем дворе любые любовные интриги и измены, излишнюю откровенность между мужчинами и непристойные выражения. После смерти Людовика XIV Франсуаза де Ментенон уединенно жила в Сен-Сире, где и умерла в 1717 году.

История только через 170 лет, уже во время Французской революции, официально поставила ее в один ряд с членами королевской семьи, похороненными в базилике Сен-Дени в Париже: их прах одновременно был развеян по ветру восставшими парижанами. В этот день к основательнице Сен-Сира в первый и в последний раз отнесли как к королеве.

Sic transit gloria mundi... (Так проходит слава мирская...) □

Сахарная ДЕВОЧКА

Ольга
Займенцева

Аромат восточных благовоний, медитативная музыка и белый чай, только что привезенный друзьями из Китая. Джамбей в углу, а над головой болтают своими длинными язычками колокольчики. Швейная машинка у окна, ветерок красиво развивает штору из органзы.

Девушка, сидя в позе лотоса, рассказывает о йогических практиках... И, кажется, готовится к левитации, но...

*Заготовка
трав*

Стоп. В этой рубрике я обычно пишу о молодых талантливых художниках. Причем тут йога и любовь к шитью? Ах, да, нужно было просто повернуть голову, чтобы увидеть на столе два больших монитора, плотно придвинутых друг к другу так, чтобы образовать один большой, и припиленные к стене листы с рисованными раскадровками. Да, мы в мастерской художника. А листы с рисунками — не что иное, как эскизы к мультипликационному фильму из популярного цикла «Гора самоцветов». На сей раз работа идет над новгородской сказкой. А девушка — йогиня — художница Марина Цукерман, выпускница Всероссийского государственного университета кинематографии.

Конечно, кроме графики, создаваемой на экране компьютера, у Марины хранится огромное количество рисунков, этюдов и живописных работ, сделанных за многие годы обучения живописи, а художники, как известно, учатся всю жизнь.

Марина родилась в Екатеринбурге, в 1986 году, училась в детской художественной школе, сразу после девятого класса гимназии поступила в Екатеринбургское художественное училище им. Шадра, на отделение художника анимационного фильма, под руководством знаменитого анимационного режиссера и художника-карикатуриста Сергея Айнутдинова. Любители авторского кино помнят его по таким мультипликационным фильмам как

«Аменция», «Аутизм», «Белка... и стрелка», «Айнунизм», «Шуточный танец», «Шаг в сторону» и др.

В 2005 году Марина поступила на художественный факультет ВГИКа, в мастерскую художника анимационного фильма Сергея Алимова. Мастерами по живописи и рисунку были Борис Михайлович Неменский и Сергей Рябов.

Дипломная работа — эскизы к анимационному фильму по мотивам «Сказки о Царе Салтане», художественный руководитель Михаил Алдашин — замечательный режиссер и художник. Изначально Марина хотела сделать диплом в стиле кубизма или супрематизма, но потом отказалась от этой смелой идеи. А жаль. Как было бы любопытно взглянуть на иллюстрации, далекие от академизма, как было бы интересно увидеть превосходство цвета над всеми остальными свойствами живописи. Ведь эта простая идея, провозглашенная Малевичем, жива и по сей день.

Живопись Марины Цукерман смело можно назвать зрелой. Даже будучи студенткой, она уже работала на уровне профи. Во время учебы во ВГИКе участвовала в разных анимационных проектах: «Лягушачий рай» на ЦНФ-Анима, «Ошибка профессора Мамина-Папина», «Гора самоцветов» на «Пилоте». Впрочем, она не советует студентам совмещать учебу и работу, немного сожалея сейчас, что работа отнимала время и силы от учебы. По ее мне-

*В юрте.
Кадр из м/ф «Рогатый хан»*

нию, на пользу образованию это не пошло, ведь мастера были замечательные, нужно было брать от них как можно больше.

В годы учебы важно выработать свою собственную систему. У каждого она должна быть своя. Способы достижения цели можно образно сравнить с горкой. Стратегически лучше подниматься по лестнице, а не забираться каждый раз с разбега по наклонной плоскости. Один раз хватит норова и скорости забежать на нее, другой раз хватит,

но одно неверное движение, чуть меньше энергии — и ты, не дотянув до верха, скатишься вниз, к самому старту. А, взбираясь по ступенькам, упадешь всего на одну-две, и пойдешь дальше. Так что нельзя надеяться только на везение и вдохновение, а постепенно и методично нарабатывать свое мастерство.

Несмотря на сожаление по поводу недостаточного внимания, уделенного учебе, одного взгляда на работы Марины Цукерман, в том числе мультфильмы, хватит, чтобы

Завод. Из серии Карабаш

понять, какая она скромница. Среди ее рисунков масса иллюстраций к известным литературным произведениям. Это и «Крошка Цахес», и эскизы по произведениям Гоголя, и «Винни-Пух», и «Сказка о Царь-Салтане»...

Потрясающе реалистичен цикл «Аэропорт» — удивительно, как этой хрупкой девушке удастся передавать мощь тяжелой многотонной техники, которая, кажется, только благодаря ее кисти, ее мастерству и может взмыть в небо! Тяжеловесные аппараты становятся легкими и изящными на ее холсте. Замечателен цикл работ, сделанный в Санкт-Петербурге, и, пожалуй, самая интересная серия была создана в городе Карабаш. Это очень опасная экспедиция, которую предприняла ху-

дожница ради того, чтобы привлечь внимание зрителя к экологической проблеме.

На одной из вгиковских летних практик нам была поставлена задача — сделать серию работ на какую-либо интересную тему. Кто-то выбрал морской порт, кто-то питерские красные дома, кто-то подводные исследования аквалангистов. А я вспомнила о давно волновавшем меня загадочном городе, по слухам похожим на «зону», в которую ходят сталкеры. Название Карабаш по-татарски означает «черная голова». Градообразующее предприятие — завод «Карабаш-медь». Находится этот город в Челябинской области, недалеко от мест, где я бываю почти каждый

Взлетная

год, в гостях у родни по отцовской линии. Удивительно, что в этом краю чистых озер, медоносных лугов и душистых сосен есть такое «черное пятно»...

Поехали мы туда на машине. За 10 километров по извилистой дороге — еще никаких признаков погибшей природы. Но вдруг из-за поворота показались горы-терриконы — отвалы отработанного шлама. Березки становились желтее, реже, а скоро и вовсе остались лишь редкие, торчащие из потрескавшегося «марсианского» грунта, огарки. Это берега реки Сак-Елги, 100 метров от нее растительность вся погибла. Вода в реке отравлена — уровень железа в ней в 500 раз превышает норму.

Мы остановились возле завода «Карабашмедь». Я гуляла по окрест-

ностям, намотав рубаху на лицо вместо респиратора. Из труб завода в это время валил дым. Мои спутники предпочли сидеть в машине, не открывая окон. Невыносимую тоску нагоняли местные пейзажи. А ведь это город, в котором живут люди. Они каждый день вдыхают отравленный воздух, едят овощи, выращенные на своих огородах, постоянно орошаемых кислотными дождями. Как я узнала потом из форумов в Интернете, здесь высочайший уровень генетических и приобретенных заболеваний: раковые опухоли, экзема, камни в почках, дефекты внутриутробного развития, слабоумие, церебральный паралич...

Были мы там недолго. Я успела сделать всего несколько набросков и фотографий, чтобы писать

потом в мастерской. Дышать было трудно, и нам пришлось уехать.

Безусловно, это место экологического бедствия. Но, с эстетической точки зрения, оно весьма интересно. Пейзажи напоминают поверхность Марса, коровы, «пасущиеся» на пыльных безжизненных территориях, эрозии от стока отработанных вод, голые горы из шлама, рыжий маслянистый ручей вместо реки... Думаю, Карабаш может быть колоритной локацией для съемок фантастического фильма про мрачное будущее планеты.

Я думаю, что природа сильнее человека, и она сможет в один момент стряхнуть с себя мелких вредителей. Но в таком случае вместе

с отравляющим предприятием погибнут и простые люди, живущие здесь. Так что надо торопиться. Скорее прибраться самим, а не ждать критической точки, когда поможет только наводнение или землетрясение, чтобы прекратить этот разрушающий процесс.

Моя серия на тему Карабаша это, с одной стороны, любование странной декорацией, созданной человеком, а с другой — попытка привлечь внимание к наплевательскому отношению к экологии нашей родной земли.

В будущем Марина хочет создать свой собственный анимационный фильм, взяв за основу притчу или

Слева:
Чаепитие.
Н.В. Гоголь
*«Повесть о том,
как поссорился
Иван Иванович
с Иваном
Никифоровичем»*

Справа:
*Обрушка
шишки*

народную сказку. По ее словам, это будет мудрая и светлая история, перекликающаяся с ее жизненным опытом и приносящая радость и очищение. Пока форма, в которой будет воплощен фильм, окончательно не найдена. Марина думает над ним, параллельно работая над другими проектами.

Работа над мультипликационным фильмом «Рогатый хан» из цикла «Гора самоцветов» стала для Марины большим испытанием, ведь все эскизы, рабочие фоны, персонажи к нему делала она сама! А это колос-

сальная работа, быть художником-постановщиком. Ответственность за все изобразительное решение фильма ложится на плечи одного человека. Производство этого мультфильма заняло 9 месяцев. А время, затраченное для просмотра, другими словами, хронометраж, составил всего 11 минут и 29 секунды. Кстати, еще она сделала толстый альбом с персонажами и эскизами к этой сказке, так что фильм можно посмотреть и на бумаге.

И снова Марина за работой, целыми днями рисует эскизы к оче-

Утлый мостик. Трека

редной сказке из серии «Гора самоцветов» «По колено ноги в золоте, по локоть руки в серебре».

Так и хочется пожелать, чтобы и золота и серебра ей хватало, хотя она признается, что материальные ценности для нее не стоят на первом месте — главное богатство внутри. Зарабатывать, конечно, тоже, надо, но когда ты настраиваешься только на материальное, этим лишь растрачиваешь себя. Она размышляет над созданием детского развивающего центра, где в игровой форме можно было бы давать детям основы изо-

бразительного творчества и анимации. Ведь в процессе живого совместного творчества могут рождаться интересные мысли и свежие идеи, которые очень полезны и профессионалу. А замыкание на себе — это не очень продуктивно...

Своим творчеством я не собираюсь тешить свое самолюбие, а хочу поделиться с миром тем прекрасным, что есть у меня внутри.

Мечтаю создать анимационный фильм в духе Мишеля Дюдока де Вита. Это голландский режиссер и ху-

Тигра в засаде. Винни-Пух. Милн

дожник нескольких короткометражек — «Отец и дочь», «Монах и рыбка», «Аромат чая» и других, сделанных в очень чистом, лаконичном стиле. Я давно влюбилась в его творчество, и с тех пор перепробовала множество разных техник. Мои художественные вкусы, конечно, со временем поменялись, но я по-прежнему его люблю. «Отец и дочь» я смотрела очень много раз, и даже писала подробный его анализ, но это нисколько не притупило переживаний, он всегда попадает в самое мое сердце и трогает до слез.

У Марины Цукерман все еще впереди, хотя уже сделано немало: она — художник по персонажам в полнометражном 3D анимационном фильме «Лягушачий рай», художник-постановщик в анимационном проекте студии «Пилот» «Гора самоцветов» и фильма «Рогатый хан», участница многочисленных выставок и фестивалей. Так что остается только пожелать ей удачи в творчестве и продолжать радовать зрителей яркими красочными по-настоящему профессиональными работами и эскизами к фильмам-сказкам. □

«**Б**ыть может,
ей и в небе счастья
нет?..»

Эти строки из стихотворения Марины Цветаевой посвящены другой Марине — художнице Марии Башкирцевой. В статье о ней французский искусствовед Герро описывает аллегорическую скульптуру «Бессмертие», когда-то украшавшую Люксембургскую галерею в Париже. Молоденький гений умирает у ног ангела смерти, а тот держит в руке свиток, где перечислены все замечательные художники, преждевременно сошедшие в мир иной, в расцвете лет и творчества. На свитке этом есть и русское имя... Имя нашей соотечественницы — Марии Башкирцевой.

Эпоха, которую она рисует и даже воспевает, очень далеко отошла от нас... Иной раз кажется, что ее и вовсе не было. Но картина той эпохи, как ее видела Мария Башкирцева, замерла для нас на мгновение благодаря искусству художницы.

Первые уроки рисования она получила, когда ей было всего девять лет. Но, как это часто и бывало с детьми состоятельных родителей, карандаш и кисть нагоняли на девочку только невыносимую тоску. Только в конце 1877 года, когда ей исполнилось семнадцать, Марина пришла в частную академию Жулиана, и теперь эти занятия полностью изменили все ее существо, завладев ее сознанием чуть не до одержимости: «Я хочу от всего отказаться ради живописи. Надо твердо помнить это, и в этом будет вся жизнь».

Новизна будущего XX века светила за ее зашторенным окном, окном ее эпохи, где старая культура вдруг засияла предсмертной чудесной вспышкой: в живописи, в музыке, в литературе. Уже появился на свет Пруст. Он вскоре и напишет о том Париже, о том круге, к которому и принадлежала Башкирцева. Уже были известны всему миру Вебер и Вагнер, Шенберг и Малер, а также наш Скрябин. В Царском Селе жил Иннокентий Анненский, и уже родился Александр Блок! А Федор Достоевский к этому времени написал все лучшее, и Лев Толстой успел сказать все главное...

Аристократизм, богатство и родовитость Башкирцевой имели глубокие корни. После крупнейшей усадьбы князя Кочубея их имение во всей Полтавской губернии было вне всяких сравнений. Отец Марии Константинович был предводителем местного дворянства, дед, генерал Павел Григорьевич Башкирцев, — герой Крымской войны. По линии матери род был

еще более древним, род Бабаниных. И второй дед Марии до конца своих дней гордился, и не без оснований, своей генеалогией, происходящей от татарских князей первого нашествия.

Может быть, отсюда и проистекает, в определенном смысле, ее царственная гордыня и почти маниакальное стремление к славе? Вот как она писала в своем дневнике:

«Я была вообще худа, хила и некрасива, что не мешало всем видеть во мне существо, которое, несомненно, неизбежно должно сделаться со временем всем, что только может быть наиболее красивым, блестящим и прекрасным. Однажды мама отправилась к гадалыцику-еврею.

— У тебя двое детей, — сказал он ей, — сын будет, как все люди, но дочь твоя будет звездой...

Один раз, когда мы были в театре, какой-то господин сказал мне, смеясь:

— Покажите-ка вашу ручку, барышня. О! Судя по перчатке, можно с уверенностью сказать, что вы будете ужаснейшей кокеткой.

Я была в полном восторге. С тех пор, как я сознаю себя — с трехлетнего возраста, все мои мысли и стремления были направлены к какому-то величию. Мои куклы были всегда королями и королевами, все, о чем я сама думала, и все, что говорилось вокруг моей матери, — все это, казалось, имело какое-то отношение к величию, которое должно было неизбежно придти».

Умерла Башкирцева совсем юной девушкой, не дожив даже до полных двадцати четырех лет, но сумела в этот крайне малый срок написать удивительную книгу — свой собствен-

*Портрет женщины
с букетом сирени*

Справа:
Жоржетта

ный дневник. Она его выстраивала как некий храм, день за днем, чуть ли не с того времени, как научилась держать в руке перо. Именно благодаря этому дневнику у нас, потомков, и сложился ее почти легендарный образ.

Эксцентричность ее характера оказалась, как ни странно, весьма продуктивной для творчества. Было в этой хрупкой и красивой девушке что-то тайное, запретное, необузданное... и не высказанное до конца, даже в ее откровеннейшем дневнике. И все это запретное, тайное ярко проявилось в ее работах.

Глядя на «Сходку», трогательного «Жан-Жака», «Молодую женщину», читающую Дюма, становится понятно, что их место в Салоне, рядом с ее кумирами — Роббером Флери и Бастьен-Лепажем.

Но вот «Трем улыбкам», «Обнаженной» — с одним спущенным чулком на ноге, сидящей верхом на стуле против человеческого скелета, и, наконец, «Парижанке», полунатурщице-полубалерине кафешантана, — место совершенно в ином ряду! Они ближе к художественным изысканиям Тулуз-Лотрека, Бердслея, нежели к буржуазной галерее на Елисейских полях...

«Три улыбки» художница писала, можно сказать, на «рубиконе» Жизни и Смерти. Оставался всего год ее земного бытия... Явно, что даже тяжелейшая болезнь не смогла погасить в ней божественный огонь жажды жизни! Эта работа красноречивее всяких слов...

А вот интересный эпизод из воспоминаний Анастасии Ивановны Цве-

таевой о 1910 году: « В ту весну мы встретили в гостях художника Леви, и эта встреча нас взволновала: он знал — говорил с ней, в Париже — Марию Башкирцеву! Как мы расспрашивали его! Как жадно слушали его рассказ! Вот что я помню, кроме (кажется, иронического) упоминания об ее неудачной переписке с Гюи де Мопассаном: «Мария Башкирцева, несомненно, страдала слуховыми галлюцинациями. Помню такой случай: мы сидели, беседовали. Внезапно Мария настораживается, теряет нить беседы (прислушивается): звонок! Мы уверяем ее, что никакого звонка не было. Спорит, уверена в обратном. Так бывало не раз. Спала на очень узкой железной кровати в своей мастерской. Знала греческий. Читала в подлиннике Платона. Была очень красива».

Демонстрация

Леви, уже пожилой, скорее полный, чем худой, русый, с небольшой остроконечной бородкой, казался нам почти дорог, отражая свет виденной им Башкирцевой. Мы уходили домой, будто рукой ее коснувшись, не сразу вошли в свою жизнь. Сказала ли я, что Марина стала переписываться с ее матерью, что та прислала Марине несколько фотографий дочери? От нее Марина узнала, что дневников Мари было много, но напечатаны они будут через десять лет

после ее, матери, смерти. Мешало изданию нежелание семьи вскрывать их семейные отношения. С той переписки прошло полувека. Об этих дневниках не слышно. Погибли ли в огне войны? Как бесконечно жаль...»

Свою первую книгу «Вечерний альбом» Марина Цветаева посвятила Марии Башкирцевой.

То, что она не жилец, художница знала всегда, ибо, «свеча, разрублен-

*Портрет
Александры
Патченко*

ная на четыре части, горит со всех концов», поэтому понятно ее чувство своей исключительности, своего изгойства, постоянная подготовка к уходу: « Я уже сказала, что или я хочу иметь все то, что Бог дал мне понять, и тогда я буду достойна достигнуть всего этого, или я умру. Но Бог, не будучи в состоянии дать мне все, не заставит жить несчастную, которой Он дал понимание и желание обладать тем, что она понимает».

И правда, все свершалось очень быстро, и ее биография, несмотря на сотни исписанных страниц, смогла бы уложиться в два абзаца: родилась в усадьбе Гавронцы, близ Полтавы в Украине, воспитывалась блестяще образованным дедом, поклонником Байрона и англоманом, и двумя гувернантками — русской и французской. И все же ни богатство, ни родовитость счастья их дому не дали: спустя всего два года родители разве-

Весна

лись, а сама девочка была настолько болезненна, что, сопровождаемая домочадцами и врачом, была отправлена на лечение в Ниццу. (С тех пор она приезжала в Россию всего три раза, живя постоянно за границей.)

Там, в Ницце, в свои четырнадцать лет, она вдруг почувствовала боль в правом легком, и уже через два года врачи объявили, что легкое повреждено чахоткой. В восемнадцать она стала глухнуть, а в девятнадцать, с превеликой горечью, оплакивала потерю от горловой болезни своего сильно развитого сопрано, голоса, который сделает ее властительницей мира, поскольку самое главное ее же-

вание выражалось одним словом, как записано в ее дневнике — «прекрасным, звучным и опьяняющим «Ла Глория» — Слава!»

Суббота, 13 апреля.

В двадцать два года я буду знаменитостью или умру.

Да, да, чтобы вы там не говорили... впрочем, вы ведь ничего не говорите, но я клянусь вам головой Пинчио (собака Башкирцевой), что буду знаменитостью; клянусь Вам, серьезно клянусь Вам, клянусь Вам Евангелием, страстями Христовыми, что через четыре года я буду знаменитостью...

Цель — «остаться на земле во чтобы то ни стало», оправдывала ее лихорадку, и в той, теперь уже окончательно как дым развеванной жизни, она дрожала от ужаса, что может бесполезно потерять хоть день, отсчитывая дни буквально по пальцам: «Любовь уменьшается, когда не может больше возрастать».

Наверное, это и наложило отпечаток не только на ее творчество, но, собственно, и на саму жизнь. Мария как бы металась среди людей, выплескивала нелицеприятные эмоции, разочаровывалась и никогда ни с кем близко не сходилась, всегда считая себя выше и даже презируя их. Она была занята только собой и жила только для себя.

Возможно, именно здесь таится причина некой несостоятельности и крушений ее большой мечты. Какого-то особого места в истории не заняла, в живописи как бы устарела, да и в литературе, страстно рассказывая о своих устремлениях и надеждах, была не слишком сильна. Похоже, именно это духовное одиночество и повернуло ее в конце жизни к Богу. Так в 1880 году она обращается к самому горестному сюжету Евангелия, к дням оплакивания Христа. Но ее задуманной работе не дано было свершиться. Ее «Святые жены» остались в эскизах и этюдах...

Суббота, 9 августа.

Моя картина уже набросана красками. Но часто силы оставляют меня. Я должна бросать кисти и лежа отдыхать; а когда поднимаюсь, голова у меня так кружится, что на несколько секунд я ровно ничего не вижу... И до такой степени, что в пять

часов я должна была бросить мой холст и отправиться в лес, погулять в его пустынных аллеях.

Так, прощаясь с жизнью, она начала писать природу... Большая работа «Весна». Девушка, точнее молодая женщина, сидит, прислонившись к дереву. Сидит на молоденькой нежной еще, изумрудной траве, с закрытыми глазами. На губах застыла мягкая улыбка, будто в сладкой грезе. Она окружена мягкими, светлыми бликами. Над нею бело-розовые цветы яблони и персиковых деревьев, и повсюду пробиваются ростки цветов...

Понедельник, 2 января.

Я начинаю чувствовать настоящую страсть к моей живописи; не считаю еще себе вправе сказать «мое искусство»; чтобы говорить об искусстве (о своих стремлениях в этой области), нужно что-нибудь из себя представлять.

Воскресенье, 17 декабря.

Настоящий, единственный, великий Бастьен-Лепаж был у нас сегодня.

Раздраженная и униженная тем, что мне нечего было показать ему, я приняла его, была неловка, смущена и встревожена. Он оставался больше двух часов, осмотревши все решительно холсты, какие только были в комнате; я же была нервная, смеялась некстати и старалась мешать ему рассматривать мои работы. Этот великий художник очень добр, он старался успокоить меня, и мы говорили о Жулиане, который виноват в моем ужасном отчаянии.

Бастьен не смотрит на меня как на светскую барышню; он говорит то же,

что Роббер Флери и Жулиан, но без этих ужасных шуточек Жулиана, который уверяет, что я ничего не делаю, что все кончено, и что я погибла. Это сводит меня с ума.

Бастьен божественен, т.е. обожаю его талант. И мне кажется, что в моем смущении я деликатно и неожиданно говорила ему лестные вещи. Ему должно было сильно польстить уже и то, что я приняла его.

Очень яркий, почти осязаемой образ Марии Башкирцевой оставил в своих воспоминаниях, в предисловии к каталогу посмертной выставки ее картин, известный в то время критик и искусствовед Франсуа Коппе. Он видел ее всего-то какой-то час, но запомнил, по его словам, — навсегда!

Пришел он в дом Башкирцевых «на минутку», встретиться с кем-то из знакомых русских, но был очень радушно принят и усажен за стол подле самовара. Пить чай ему так и не пришлось: внимание его привлек большой портрет одной из присутствующих девушек, поразительного сходства, написанный широко, свободно, мастерской кистью.

— Это моя дочь Мари написала портрет своей кузины, — сказала мадам Башкирцева.

Коппе описывает, что начал было хвалебную фразу, но закончить не успел: увидел другой холст, третий, десятый... Работы удивили его, а при каждом восклицании Башкирцева-маша все повторяла с гордостью:

— Это моя дочь Мари! Это все моя дочь!

Потом пришла и сама Мари... Небольшого росточка девушка, худая и очень красивая, с тяжелым узлом золотых волос, «источающая обаяние, но производившая впечатление воли, прячущейся за нежностью, энергией, скрытой в ее грации. Все обличало в этой очаровательной девушке высший ум. Под женской прелестью чувствовалась железная, чисто мужская сила, и невольно приходил на память подарок Улисса Ахиллу: меч, скрытый между женскими уборами».

Поднялись в мастерскую. В углу, на стеллажах до потолка, громоздились книги — многочисленные тома на многочисленных полках. И это вовсе не были книги «библиотечные», выставленные напоказ, но настоящие, потрепанные книги, читанные-перечитанные, изученные. Платон лежал на столе, раскрытый...»

Подле стоял открытый рояль, за ним огромным веером голубела арфа. Все остальное пространство занимали картины, пюпитры с начатыми холстами, папки рисунков, эскизы-статуй. Долго говорили об искусстве. И странно, в минуты той беседы гость испытывал какую-то внутреннюю тревогу, какой-то страх и даже предчувствие. При виде этой бледной страстной девушки ему «представлялся необыкновенный тепличный цветок — прекрасный и ароматный до головокружения, и тайный голос шептал в глубине души: слишком много сразу».

Франсуа Коппе описал их летнюю встречу, а осенью ее уже не было в живых.

Суббота, 30 августа.

Так вот он, конец всех треволнений! Столько стремлений, столько желаний, столько проектов, столько... чтобы умереть в 24 года на пороге всего!..

И ведь я предвидела все это: Бог не мог дать мне — без особенного, несправедливого пристрастия ко мне — все необходимое для моей жизни, и потому пошлет мне смерть.

А в мае она записала в дневнике:

Я нахожу, что с моей стороны очень глупо не заняться единственной вещью, стоящей того, единственной вещью, дающей счастье, заставляющей забывать все горести — любовью; да, любовь — само собой разумеется.

Но было поздно...

Мария Башкирцева умерла через несколько месяцев — 31 октября 1884 года.

Родственники привезли из Франции, как говорили, более ста картин Марии Башкирцевой. Они попали на Украину, в места, где было их родовое имение. И там же погибли от бомбы в самом начале войны с фашистами. И теперь холсты с автографами самой художницы — «Марие Константиин Русс» или «М. Башкирцевф» очень редки: несколько работ в Русском музее, две-три в Ницце, а еще две-три в экспозиции Люксембургской галереи — между прочим, это единственная русская живопись, представленная в стенах крупнейшего французского собрания.

Кажется, что сегодня совсем не актуальны ни живопись, ни дневниковые

записи Башкирцевой, ни тому, ни другому не было суждено вырваться за бытийную оболочку своего времени и стать искусством великих новаций, которое уже при ее жизни представляли импрессионисты и тот же Густав Моро. В этом смысле она — вся не выплеснутая, не реализованная, вся в достаточно узком кругу полудомашнего воспитания и своего однозначного взгляда на мир, который отразился лишь каким-то одним, специфическим рефлексом, так и не удовлетворив ее законное честолюбие. Законное, потому что речь, безусловно, шла и идет о гении... □

Масовы и входы

Татьяна
Харламова

В последнее время вокруг образования подрастающих поколений скрещивают шпаги и педагоги, и родители, и политики, и представители самых разных слоев общества. Пожалуй, ни одна тема сегодня не вызывает столь острых дебатов. Какой должна быть современная школа и какой будет школа будущего? Этот вопрос не может не волновать каждого, потому что от воспитания и образования наших детей зависит будущее не только их, но и всей страны. Безусловно, школа должна меняться, потому что жизнь идет вперед, меняются и сами дети, и страна, и даже карта мира. Но что конкретно должно измениться, чтобы не оказались утрачены лучшие завоевания отечественной педагогики?

На поле педагогики

На этой «волне» сегодня появились авторские программы образования, пропагандирующие глубокие гуманные преобразования школы. В августе 2011 года прозвучал «Манифест гуманной педагогики», в котором выдающийся педагог Шалва Амонашвили собрал лучшие идеи этого движения.

ДУША РЕБЕНКА УСКОЛЬЗАЛА ОТ НАС

Имя Шалвы Александровича Амонашвили — известного ученого, профессора, доктора психологических и педагогических наук, знают далеко за пределами бывшего СССР. В 60–70-е годы он возглавлял в школах Грузии массовый эксперимент, ко-

завтрашнего дня? Ведь основное его педагогическое кредо — «школа должна повернуться лицом к ученику».

— В течение длительного времени мы создавали так называемую авторитарную педагогику советской школы, — считает Шалва Александрович. — Партийные догмы находили прямое отражение в

Советский образ жизни не признавал сферы духовной, а теперь пора взглянуть на это иначе. Кто будет лелеять душу ребенка, если не учитель? Кто, если не учитель, может сотворить из него достойного члена общества — творческого, созидательного, мудрого? Это очень трудная задача, но вполне выполнимая, если всем учителям взяться за нее

торый получил отклик во всем мире как новое научное направление гуманного личностного подхода к детям. В то время были написаны его книги «Здравствуйте, дети!», «Как живете, дети?», «Единство цели», которые позже объединились в трилогию «Педагогическая симфония». Сейчас Шалва Амонашвили — президент Международного центра гуманной педагогики. По-прежнему много ездит, проводит семинары по собственной системе «Школа жизни».

В чем суть его «Педагогической симфонии», которую оспаривают многие педагоги? Какие ошибки «педагогического прошлого», по его мнению, необходимо исправить? Какой он видит школу сегодняшнего и

воспитании. Советский образ жизни не признавал сферы духовной, душа ребенка ускользала от нас. Теперь пора взглянуть на это иначе. Кто будет лелеять душу ребенка, если не учитель? Кто, как не учитель, может сотворить из ребенка достойного члена общества — творческого, созидательного, мудрого, не способного творить зло? Это очень трудная задача, но вполне выполнимая, если всем учителям дружно взяться за нее.

Каждый учитель создает свое «педагогическое поле», а единомышленники могут усилить его во много раз.

Мне очень хочется верить, что России предписана особая миссия в развитии человечества, как написано во многих мудрых книгах. К при-

меру, Америка тоже имеет свою миссию — показывает миру власть богатства и грубой силы. Хочу верить, что через Россию придет духовное возрождение человечества, потому что наш народ внутри себя толерантен и духовен. Упустим момент, и миссия наша пропадет, поэтому от учителей зависит сегодня очень многое — можно сказать, будущее нашей страны.

*Шалва Александрович
Амонашвили*

— У каждого поколения есть свои проблемы и драмы. В чем они выражаются сегодня?

— К сожалению, существует много причин трагедии нынешнего подрастающего поколения. Одна из них: взрослый не может или не хочет понять ребенка, живущего совершенно в ином мире и в ином измерении. Он хочет принудить ребенка выдать из себя это восприятие, и, тем самым, связь поколений, говоря «высоким стилем», обрывается. Благие намерения родителей не воспринимаются как благо, в результате возникает конфликт, которого могло бы не быть и который порой выливается в жестокость по отношению к окружающему миру. А ведь только

в гармонии с ним ребенок может развиваться духовно и чувствовать себя счастливым.

Что же касается школы, самое главное для меня — преданность учителя детям.

Многие спрашивают: как же можно в школе без отметок? Я различаю эти вещи: оценки и отметки. Оценка — процесс, вид деятельности, отметка — материализованная реальность этого процесса. Отметок можно поставить сколько угодно, но надо учиться взращивать в детях оценочные суждения и поступки, то есть, личностные качества. Не бывает среднего балла в знаниях. Человек либо знает, либо нет. Отметка — тромб в познавательной дея-

тельности ребенка, это стресс. Если мы сможем хотя бы начальную ступень школы освободить от града отметок, которые ведут к искажению нравственности личности, мы все только выиграем, потому что жизнь ребенка без отметок есть чистая устремленность к познаниям от природы.

Школа должна повернуться лицом к ученику. Педагогика до сих пор не нашла «золотую серединку» в обучении детей. Мы все еще остаемся заложниками науки — каждый преподаватель считает свой предмет, свой урок главным. Как выйти без потерь из этого замкнутого круга? При синтезе науки можно было бы без ущерба сократить учебный план, пока же остается только мотивировать ребенка на обучение, чтобы он сам хотел это делать, а учителя должны создавать истоки этих мотивов. Нужно, чтобы ученик любил учителя, с желанием и с удовольствием шел на его урок. Только с помощью любви образовательный процесс становится экологически чистым. Тогда дети, без ущерба для здоровья, будут выдерживать колоссальные на сегодняшний день учебные нагрузки.

Я не приемлю ЕГЭ, считаю его личностным подходом к ребенку. На проведение ЕГЭ тратятся огромные средства, в то время как в стране растет количество детей-бомжей. Разве можно определить знания ребенка глупым вопросом типа: «что общего между молоком и ежом», который встречается в тестах? Догадался ученик, что и то и другое

сворачивается, — сдал экзамен, не догадался — нет.

Также я всегда был против платного образования. Есть развитые государства, которые дают своему молодому поколению бесплатное обучение. С первого класса и до окончания вуза. Но наша страна шагнула в мир капитализма, и мы взяли из него самое худшее: как быстро разбогатеть, схватить, присвоить. Надеюсь, со временем произойдут перемены к лучшему, но... сколько судеб успеем поломать!

Мы с воодушевлением взялись за частное образование. Я сам работал в одной частной московской школе, к тому же, очень известной, где обучаются дети самых высоких персон. Стоимость обучения — 5–8 тысяч долларов в год. Платят учителям прилично, и за эти деньги они делают все, что им прикажут. Я, конечно, не выдержал и из этой школы ушел. Им нужно было мое имя, а не гуманные идеи. Мое мнение — коммерциализация образования уродует детей, и это страшно. Только гуманистическая частная школа имеет право на жизнь, но таких школ, к сожалению, совсем мало. Все-таки было бы лучше, если бы государство взяло на себя все заботы о школе, о чем мечтал еще Сократ.

Рецепт счастья от Шалвы Амонашвили:

Возьмите чашу терпения, бросьте туда сердце, полное любви, две пригоршни щедрости, плесните юмора, посыпьте добротой, добавьте как

можно больше веры и все это хорошо перемешайте. Потом намажьте на кусок отпущенной вам жизни и предлагайте всем встретившимся вам на пути.

И ЛИРИКИ И ФИЗИКИ

Во все времена воспитание считалось едва ли не важнее образования. Школа должна не только давать знания, но и учить отличать добро от зла, понимать, что такое любовь, долг, трудолюбие. В этом и заключена краткая суть «Манифеста» Амонашвили, и на этой шкале нравственных ценностей строят свою воспитательно-образовательную стратегию лучшие школы страны, как, например, экспериментальная школа Михаила Щетинина.

Она была создана в 1994 году в поселке Текос Краснодарского края. Суть эксперимента: сочетание учебы в первой половине дня с трудом во второй, сокращение времени уроков, отмена оценок и домашних заданий. Ученики живут и учатся здесь в красивых деревянных домиках, напоминающих древнерусское поселение, по возможности, выезжают домой навестить родных. Такая система интернатского типа давно принята в европейских колледжах.

Строительство, ремонт, обслуживание помещений осуществляется самими учащимися — явно взята на вооружение педагогическая система знаменитого Макаренко. Здесь отказались от стандартных форм обучения, и занятия проводятся кру-

глый год. Преподаются как классические науки, так и йога, этнические танцы, различные системы рукопашного боя. В школе постоянно обучаются и живут 350 человек. Основным критерий отбора — личные характеристики, степень приживаемости в коллективе, уровень самостоятельности. Конкурс большой, отбор — жесткий, а само обучение остается бесплатным несмотря на финансовые трудности. За год учащиеся осваивают программу десятилетнего курса обычной школы. После проверки деятельности школы Михаила Щетинина, вокруг которой кипели нешуточные споры и страсти, специалисты ООН признали ее лучшей в мире, не имеющей аналогов.

Свою авторскую школу в Донецке создал Виктор Федорович Шаталов, народный учитель СССР, участник Великой Отечественной войны. Четверть века назад его имя гремело на всю страну. Его воспитанники заканчивают десятилетний курс обучения за семь лет, и все, без исключения, поступают в вузы. Педагогическое кредо Виктора Шаталова: не бывает необучаемых детей, бывают непрофессиональные учителя.

Идти от целого к частному, опираться не на зубрежку, а понимание, — основа методики Шаталова. Если ученикам представить сначала всю картину в целом, то потом им легче собирать ее по кусочкам, которые быстро находят свое место, и мозаика складывается.

По мнению Шаталова, «рецепт успеха ученика прост: нужно верить в ребенка и при малейшей возможности давать ему высказаться, чтобы над ним не висел страх оценки, страх отчуждения и осуждения. А во-вторых, учитель должен все очень четко объяснять. Не один раз и не два, а столько, сколько нужно».

Многие ученики Шаталова стали мастерами спорта, кандидатами и докторами наук в области математики, физики, философии.

Одна из самых молодых авторских школ — знаменитая москов-

ют» настоящих «звезд» театра, кино и эстрады, и многие дети уже снимаются в кино. Еще одна легенда: первого сентября ребят встречают арбузами, в которых горят свечи, и везет их на телеге сказочный ослик. А первое июня, День защиты детей, начинается «кучей-малой» во дворе школы, где дети и взрослые резвятся от души, потом переходят в здание на настоящие театральные подмостки, и начинается волшебное действо, все дети становятся актерами... Есть в школе и танцевальный зал, студия звукозаписи, издательский дом с типографией, музей камней, греческий амфитеатр...

метка — трюмб в познавательной деятельности ребенка, это стресс. Если мы сможем хотя бы начальную ступень школы освободить от града отметок, мы все только выиграем, потому что жизнь ребенка без отметок есть чистая устремленность к познаниям от природы

ская школа № 686 под названием «Центр-класс», которую создал и которой руководит заслуженный учитель России Сергей Казарновский.

Чтобы вырастить из детей «звезд» и просто порядочных людей, нужно научить их любоваться звездами — таково кредо педагогов этой школы, о которой ходят легенды. Например, говорят, что дети здесь днюют и ночуют, не хотят после занятий домой уходить. Где это видано? Или рассказывают, что здесь «выращива-

— Это все правда, — смеется директор школы Сергей Зиновьевич Казарновский. — Только телегу с арбузами ослик везет не первого, а седьмого сентября, в день рождения школы.

Накануне моего визита здесь произошло ЧП. Внизу, у входа, об этом сообщалось на черной доске белым мелом: «В нашей школе случилось ЧП. Кто-то написал на стене нецензурное слово. Мы будем с этим беспощадно бороться!»

Вот такое заурядное для любой школы событие возведено в ранг чрезвычайного. Мимо доски никто равнодушно не проходит, останавливаются, делятся впечатлениями. Грязные словечки и атмосфера школы — несовместимы, «старички» это знают, а новенькие скоро почувствуют...

Что же такого особенного все-таки в этой школе? Чем она отличается от сотен других?

клоны сошлись в воздухе, вот и выходит, что наши знания по метеорологии в данном случае вторичны. Это лишь маленький пример того, что мы на девяносто процентов живем чувствами...

Конечно, необходимо изучать физику, математику, химию, но гораздо важнее развивать мир чувств.

Трудно не согласиться с Сергеем Казарновским. Помню, как мучилась, зубрила химические формулы,

Хотя бы тем, что здесь, прежде всего, учат чувствовать, а потом — понимать.

— Позапрошлым летом, — начинает несколько издалека Сергей Зиновьевич, — сами помните, какая была жара. Мы просыпались утром, выходили на улицу, и противно было смотреть на бледное небо и расплавленный асфальт. Возникало ощущение беды — невозможно москвичу жить в такой жаре, и ему абсолютно наплевать, какие циклоны и антици-

чтобы благополучно и намертво забыть их, едва ступив за порог школы. Разве это так важно, из каких молекул состоит вода? Но вкус ее и цвет волнуют всех. А это уже из области ощущений.

В отечественной школе всегда был перекокс в сторону знаний, разума. Механическая зубрежка, запоминание массы формул, которые могут пригодиться в жизни лишь узким специалистам. А что касается воспитания чувств, развития души, восприя-

тия прекрасного, пожалуйста, — на внеклассных занятиях, по собственному желанию.

В школе № 686 все наоборот.

Здесь с первого класса, наравне с другими, привычными для нас предметами, преподают музыку, хореографию, изобразительное искусство. Здесь Бог и Царь — творчество.

— К сожалению, сегодня стало стандартным требование многих родителей — компьютер и английский язык, — сетует Сергей Зиновьевич. — Все это нужно, никто не спорит, но, между тем, в Америке, на которую мы так часто оглядываемся, взрослые уже опомнились и стали первоочередное внимание уделять эстетическому воспитанию детей. А знаете —

почему? Потому что поняли — в мире воцарились насилие и жестокость, количество преступлений катастрофически растет, но ведь из этого не следует, что преступники глупы, необразованны и не знают, что дважды два — четыре. Убийства и теракты совершают далеко не идиоты, многие из этих убийц прекрасно владеют и иностранными языками, и компьютером. Просто они в другом смысле «недоразвитые» — души у них черствые и тупые...

В каждом классе на стене висит «Орфографическое правило № 1 — самая главная приставка в русском языке СО»:

СО-чувствие, СО-страдание, СО-действие, СО-участие, СО-пережи-

вание. Девиз школы: «Не только знать, но и чувствовать».

— Сергей Зиновьевич, а вам не попадают «трудные дети», души которых уже безнадежно искалечены? Сегодняшний мир никого не щадит...

— Я не знаю, что подразумевают под словом «трудные». Меня, например, настораживают вялые, спокойные, покорные ребята. А экстраверты, подвижные, темпераментные, задающие тысячу вопросов, иногда очень неожиданных, — это нормально. И с такими детьми работать интереснее...

Иду я как-то по коридору и вижу, что мальчик выходит из женского туалета. Спрашиваю, в чем дело. А мне интересно, отвечает он. Не стал изворачиваться, что-то придумывать. Или приехали в загородный

только входит в класс и уже видит, как Никита тянет руку... «Трудный» мальчик? Я считаю, что совершенно нормальный. К сожалению, попытка убить все живое в традиционной школе остается до сих пор, и искоренить ее не так просто.

Научить чувствовать, ощущать этот мир, его красоту, пластику — через краски, движения, звуки, — это главная задача педагогов школы. Научить любить, сочувствовать и сопереживать — вторая цель, высшая ступень. Ведь лучше, выше, прекраснее такого чувства, как любовь, до сих пор ничего не придумано.

Сергей Зиновьевич — сторонник контекстного образования. Главное, по его мнению, показать ребенку, что в человеческой культуре, как и в мире, все взаимосвязано.

Я

не приемлю ЕГЭ, это неличностный подход к ребенку. Разве можно определить его знания глупым вопросом типа: «что общего между молоком и ежом», который встречается в тестах ЕГЭ? Догадался ученик, что то и другое сворачивается, — сдал экзамен, не догадался — нет

лагерь, пообещали ребятам дискотеку, но по времени не получилось. Уже дали «отбой», а тот же мальчик все не спит. Так и не смог уснуть, пока не пришел и не выяснил, почему все-таки обещанная дискотека не состоялась. Учитель

Разговор о химических формулах может плавно перейти в рассказ об искусстве керамики, или о литературных персонажах, или о театральном спектакле.

Сам Сергей Казарновский закончил один из лучших театральных

вузов страны — Щукинское училище при столичном театре имени Вахтангова. Так что ему, как говорится, и карты в руки... И он разыграл эти «карты» с блеском.

— Главное, объединить детей общим делом — это прекрасно умел Макаренко, — и в процессе конкретного дела можно заниматься воспитанием, — считает Сергей Зиновьевич. — В нашем случае — это спектакли, концерты, выставки. Театр — это же способ научить мир воспринимать многоцветным, каким он и является. Чтобы сыграть определенный персонаж — надо его понять, посмотреть на ситуацию его глазами. Театр и музыка — вот инструменты, с помощью которых мы учим детей.

В школе создан и свой джазовый ансамбль, который знают сейчас не только в Москве, но и за ее пределами. Ребята уже не раз выступали вместе с самим Олегом Лундстремом.

Но любимое детище Казарновского, естественно, театр. В конце года вместо экзаменов устраивается большой спектакль, где есть роль для каждого школьника и каждый может продемонстрировать то, чему научился. Этот спектакль обычно превращается в праздник.

Здесь давно прижилась еще одна традиция — ребята приглашают в гости детей-инвалидов, своих сверстников из специнтерната.

— Мне часто доводилось бывать за рубежом, — рассказывает Сергей Зиновьевич, — и повсюду я ви-

дел инвалидов, спокойно разъезжающих по улицам в инвалидных колясках. Такое ощущение, что только у нас нет инвалидов, все здоровы. На самом деле, эти люди просто не выходят из дома, они выброшены из жизни. Так возникла идея оборудовать школу всем необходимым для приема гостей — детей-инвалидов. Сделали специальные рельсы, лифты. Событием для нас стал приезд детского театра инвалидов из Мюнхена. Мы волновались, как все это будет выглядеть, как пройдет, и напрасно. Дети с костылями и в колясках играли так раскованно, как будто коляски и костыли были лишь театральными атрибутами.

Самое главное, наши школьники учатся сопереживать, помогать своим сверстникам так, чтобы последние не чувствовали унижительной жалости, ощущали себя полноценными людьми. У этой программы — большое будущее...

— Сегодня особое внимание уделяется обучению в начальных классах. В Европе это давно принято. Чем принципиально отличается наша отечественная начальная система образования от зарубежных?

— Наверное, прежде всего, подходом и к учителю, и к ребенку как к личности.

На ежегодной выставке Европейского образования в Париже есть специальный раздел, где работают специалисты-консультанты, к которым подходят люди, желающие получить консультации по следующим шагам в образовании. Это родители

с маленькими детьми, подростки, выпускники лицеев.

— Я как-то попросил разрешения послушать, о чем они говорят, — вспоминает Сергей Зиновьевич. — Мама с мальчиком лет пятнадцати говорила с консультантом о выборе колледжа. Белокурый, богемного вида, мальчик бойко отвечал на вопросы об отметках, пристрастиях к разным предметам, и на вопрос, кем бы он хотел стать, ответил, практически не задумываясь: психологом или учителем начальных классов. То, что я услышал в ответ, оказалось для меня совершенно неожиданным. Каким учителем начальных классов? С такими отметками и кругозором как у тебя, о начальной школе и речи быть не может. Психологом — другое дело. Для учителя же начальной школы нужно очень много разного знать, нужна серьезная подготовка. В частности, необходимо разбираться в музыке, спорте, театре. Как говорится, без комментариев. Видно, давно во Франции работают по нашим школьным стандартам. Мы их придумали, но сами не всегда соблюдаем.

В сущности, образование — это просто. Это столкновение с Личностями. Чем с большим количеством Личностей сталкивается ребенок, тем весомее его образование. А учитель начальных классов — это первый учитель, который должен быть первой Личностью.

У японцев есть алгоритм организации любого дела. Схема такая: человек — технология — капиталом-

вложение. Но — не наоборот. Ой, как на нас непохоже! Как часто мы начинаем думать про Человека в последнюю очередь. А если заглянуть в историю, там есть чему поучиться. Вот, например, «Инструкция по образованию и воспитанию» Екатерины II от 13 марта 1784 года (выдержки):

«Во главе образования поставить нравственное воспитание, стремление к добру, физическому здоровью и развитию без всяких принудительных мер, чтобы учителя и воспитатели были лишь помощниками, облегчающими детям их самостоятельность...»

...Питая в детях веселость нрава, нужно отдалять от их глаз и ушей все плохое и противное, как-то: печальные выражения, наводящие уныние рассказы...

Не оставлять никогда детей в праздности. Детям трудно иметь прилежание. Страхом научить нельзя, а когда учиться будут непринужденно и добровольно, то заниматься будут охотно, так же как играть.

К учению не принуждать, а за отличие хвалить. Искусство учителей будет состоять в том, чтобы насколько возможно облегчить детям учение.

Обходиться с детьми вообще как со взрослыми людьми, и для того говоря с ними, употреблять здравый рассудок и выражения с летами воспитанников сходные. Выговор чинить детям наедине и всегда со спокойным голосом, а хвалить всегда при свидетелях...

И вот тогда мы сравниваемся с лучшими европейскими странами во всех свободных науках, а также обеспечим будущее нашим детям...»

Чем не «Манифест гуманной педагогики»?! А ведь инструкция составлена три столетия назад.

А что говорят о школе № 686 сами ребята?

Сергея, третьеклассник:

— Школа похожа на театр, здесь весело, интересно. На день рождения школы у нас даже был потрясающий фейерверк!

Аня, восьмиклассница:

— А вы видели громадный торт из папье-маше у входа? Каждый может положить туда свое поздравление имениннику. Вчера меня здесь жда-

ла целая гора открыток... Я даже чуть не расплакалась — так приятно.

Ксюша, десятый класс:

— Это дом, где тебя ждут, где каждый может почувствовать себя центром Вселенной и, в то же время, частичкой всеобщего Братства...

А самым ценным подарком для Сергея Казарновского в день рождения был звонок, который раздался в час ночи. Его бывший ученик сказал, что очень торопился первым объясниться в любви к Учителю.

КОММЕНТАРИИ, ИЛИ ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

Недавно стали сенсацией результаты Международной естественно-

научной Олимпиады юниоров, которая проходила в ЮАР. Школьники из России доказали, что в знаниях физики, биологии, химии им нет равных. Героев Олимпиады — 15-летнего Айнура Максудова и 13-летнего Максима Дидина — роднит то, что оба они из небольших городов, учатся в обычных школах,

денег», она выше, потому что успешная учеба в школе для них — это возможность попасть на бюджетные места в лучшие вузы страны.

Вы, кстати, знаете, что на физматах и мехматах университетов взяткок никто не дает и не берет? Какой смысл: ну, принесешь конвертик, поступишь... А дальше-то

7

аучить чувствовать, ощущать этот мир, его красоту, пластику через краски, движения, звуки — это главная задача педагогов. Научить любить, сочувствовать и сопереживать — вторая цель, высшая ступень. Ведь выше и прекраснее чувства, чем любовь, ничего не придумано...

растут в многодетных семьях со скромным достатком.

Мальчики щелкали «олимпиадные задачи», как орешки. Как это объяснить?

По мнению народного учителя России Ефима Рачевского, в самых обычных провинциальных школах произошло то, что на языке педагогов называется «встречей». Талантливый ученик встретился с талантливыми педагогами. Встреча Личностей. Закономерно и то, что ребята учатся не в частных, а в государственных школах. В наших частных школах занимаются далеко не самые способные дети. К тому же, важна еще и мотивация. У детей, за которыми «не стоят мешки

учиться надо! Даже самые способные студенты, случается, отсеиваются после первого курса. Нагрузки здесь очень серьезные.

...Многие педагоги и эксперты сходятся во мнении, что качество инженерно-технического образования в России намного выше, чем в европейских странах и США. Поэтому и преподаватели этих дисциплин, и выпускники технических вузов легко находят применение своим знаниям и талантам за границей.

А вот в гуманитарном, так называемом «личностном» образовании, похоже, «педагогическое поле» учителям еще пахать и пахать... □

Любовь Аркадьева

ЛИШНЯЯ

ПЛОТЬ

В приведенном ниже дневнике каждую главку предваряет не дата, а вес автора дневника в килограммах на момент ее написания

61

Сплошной жир, думала я, пробежавшись взглядом по своему телу. Мы с Виком лежали на тахте в моей медведковской квартире. Работал телевизор. Я втянула живот и расстегнула пуговицу джинсов, которые купила на размер меньше в твердой уверенности, что похудею. Не получилось. Повернувшись к своему жениху, хотела, было, сказать:

— Я...

— Нет, ты не толстая, — не глядя на меня, тут же перебил он. — И сегодня на этот вопрос я ответил в последний раз.

— Ты женишься на мне, если я буду весить девяносто килограммов?

— Ты и весишь девяносто килограммов, не так ли? — хмыкнул он.

Я двинула его локтем. Это ведь он сказал: «Если ты наберешь вес, все лишнее соберется у тебя на ляжках». Мы тогда едва не разругались.

— Надеюсь, тебе больно, — хмыкнула я, наблюдая, как он потирает ушибленный бицепс.

Вик приподнялся на локте, поцеловал меня в губы и улыбнулся:

— Да, я женюсь на тебе, если ты будешь весить девяносто килограммов, — и, зарывшись в подушки, мы занялись изучением топографии наших тел.

— Атакуй! — внезапно взревел телевизор. — Атакуй врага!

Мы оторвались друг от друга и повернулись к экрану. Миниатюрная мускулистая женщина в облегающем спортивном костюме, с гривой огненных волос, металась на маленькой сцене, демонстрируя приемы карате. У сцены в больших креслах сидели около пятидесяти толстух. Миниатюрная женщина перестала рубить воздух, повернулась лицом к толстухам и телезрителям и представилась Люсиндой Штурм. Голос хриплый, осипший, возможно, из-за того, что ей приходилось много кричать.

— Когда-то я была такой же толстой, как и она, — указала Люсинда на брюнетку, едва помещавшуюся в кресле. На белой стене за ее спиной высветился слайд: женщина-гора, с рыжими волосами, сидит на раскладном стуле у проселочной дороги и машет рукой. Люсинда встала левее картинки, и все ахнули. — Вот-вот, — покивала она. — Такой я была. Многие годы боролась с весом. Как вы можете убедиться сами, — ткнула пальцем на женщину со слайда, — вес побеждал. Каждая новая диета знаменовалась очередным поражением. — Толстухи засмеялись, я тоже не удержалась, а вот Вик оставался серьезным. — Но я научилась бороться, — продолжала женщина. — Я научилась атаковать жир чистой водой, фруктами и физическими упражнениями. Я боролась изо всех сил и победила. Посмотрите, какой я теперь стала! — Люсинда забросила ногу выше головы, словно профессиональная танцовщица. Не удивительно, конституция позволяла. Но вода, фрукты и физические упражнения? Не очень-то оригинально. Я сразу потеряла интерес к происходящему на экране и повернулась к Вику за новой порцией объятий и поцелуев.

— Но больше всего мне помог «СИСТЕМ ПЛЮС», новейший диетологический препарат, — добавила вдруг Люсинда Штурм, и я насторожилась — на этот раз ее слова меня по-настоящему заинтересовали. А Люсинда уже расхваливала препарат, созданный диетологами из Медицинского центра Южнокалифорнийского университета: — Я весила на девяносто килограммов больше положенного и нуждалась в профессиональной помощи. Поэтому два года назад предложила создателям «СИСТЕМ

ПЛЮС» испытать действие препарата на мне. За первые три дня приема препарата, — она выдержала паузу, — я похудела на девять килограммов. Да уж, поверьте мне. И вы можете добиться того же. — Далее последовало предложение купить комплект видеокассет, книги с ее рецептами диетических блюд и, естественно, чудодейственный препарат с подробной схемой его применения. Затребованная сумма произвела впечатление. На экране вспыхнул номер, начинающийся с цифр 8-926.

Катая по лбу запотевшую бутылку пива, Вик выключил телевизор и предложил:

— Может, мне следует разработать свою систему похудения и отправиться с ней на «ти-ви»? Слоган у меня уже есть — «ЕШЬ МЕНЬШЕ!» — Он бросил в рот картофельный чипс. — Думаю, на это клюнут.

— Как же ты жесток к людям, Вик, — ответила я, при этом подумав: «Почему бы и не позвонить, номер Люсинды я запомнила».

— Надеюсь, ты не собираешься звонить по этому номеру? — словно прочитав мои мысли, спросил Вик. — Послушай, Лариса, худеть тебе ни к чему. Ты в идеальной форме. — Вик крепко обнял меня и поцеловал, чем помог на несколько часов забыть о еде.

61,5

Полкило я смело отбрасываю, потому что у меня еще мокрые волосы. При росте 165 см я должна весить порядка 59 кг. Таблицы в кабинете врача с годами становятся все более милостивыми к полным. В недалеком будущем с такими показателями я, скорее всего, перейду в разряд худышек.

До свадьбы оставалось двадцать два дня. Мое платье (белый шелк) уже готово. Если я потеряю еще килограмм-другой, времени на подгонку хватит. Вик ушел, когда я мылась в душе. Крикнув в ответ слова прощания, я бросила взгляд на зеркало, и мне показалось... Но я тут же отогнала от себя эту мысль — нет, ничего лишнего на моих бедрах неросло...

Я пишу статьи для журналов, этим и зарабатываю на жизнь. Над двумя работа в полном разгаре: для «Родителей» — о методах нетрадиционного обучения, и для «Космополитена» — убеждающую, что в сексуальном контакте на первом же свидании нет ничего плохого.

Сев за компьютер, я включила «макинтош» и, уставившись в еще темный экран, вдруг увидела в нем себя и Вика, танцующих на нашей свадьбе в доме моих родителей в Жуковке, под Москвой. Я в свадебном платье, которое едва на мне сходится. А телефон — вот он, рядом, только протяни руку.

Двадцать два дня — не такой уж большой срок. Разумеется, телевизионная реклама всегда выдает желаемое за действительное. Я подумала об одной фотографии из свадебного альбома моей сестры, той самой, что запечатлела меня в ужасном платье из тафты, с руками-сардельками, решительно набрала номер и тут же услышала хрипловатый голос Люсинды Штурм: «Вы только что совершили самый важный поступок в вашей жизни. Вы решили все изменить, взять под контроль собственную жизнь. Решили атаковать врага. Атаковать жир. Мне удалось одержать верх. Вам тоже удастся. Пожалуйста, подождите и внимательно выслушайте все сведения, необходимые вам для того, чтобы правильно оформить заказ. Приготовьте ручку, имейте под рукой номер вашей кредитной карточки».

Я заказала двухнедельный курс «СИСТЕМ ПЛЮС», обошедший мне в восемьдесят долларов. Книгу с рецептами и календарь с изображениями Люсинды в различных каратистских позах брать не стала.

Снадобье прибыло на следующий день. Первые полчашки я выпила в тот же вечер. Густая белая жидкость вкусом напоминала вишню. На всякий случай я добавила еще четверть чашки.

64,5

Неделей позже я устроила скандал в химчистке. Они чистили мои джинсы на пару, потом сушили при максимально допустимой температуре, и, в результате, я едва в них втиснулась.

А я ненавижу узкие джинсы — они вызывают у окружающих нездоровые ассоциации.

Неделя прошла у меня в бегах: три ланча с издателями, два обеда с подругами. В ресторанах я ничего не могу с собой поделать, особенно, если все настоятельно просят не отказываться от десерта. Я выхожу замуж через две недели, поэтому имею право побаловать себя, к тому же, нет времени на приготовление чего-нибудь низкокалорийного. Когда же я пришла в гости к Вику, он поджарил на ужин два стейка. Диетическим блюдом стейк, пожалуй, не назовешь.

Джинсы я сменила на свободные шорты. И правильно, неподходящая сейчас погода для джинсов, от жары меня просто раздуло. Этим все и объясняется, сказала я себе — жара, пиры в ресторане. И в инструкции к «СИСТЕМ ПЛЮС» указано, что сначала я чуть наберу вес, а потом начну худеть. Обмен веществ в организме перестраивается постепенно, и я не должна впадать в панику из-за того, что разом не превратилась в тростинку. Все придет в норму, говорилось в инструкции.

Поправившись еще на два килограмма, я перепугалась. Последние несколько дней Вик ночевал у себя дома. В этот вечер он уже собрался перевозить вещи, но, когда он видел меня в последний раз, я весила почти 65 килограммов, так что я позвонила ему на работу и попросила не приезжать ко мне, сославшись на жуткое самочувствие. Мне действительно было как-то не по себе. А главное, все время хотелось есть.

Я вновь набрала номер, по которому покупала «СИСТЕМ ПЛЮС». Надеюсь, что автоответчик, в конце концов, выведет меня на телефонистку, а уж с ее помощью я свяжусь с кем-то из менеджеров. Нетерпеливо выслушав вводную речь Люсинды, потом перечень товаров, которые можно заказать нажатием телефонных кнопок, так и не дождалась от автоответчика, как выйти на телефонистку. Я раз пять прослушала всю запись, прежде чем убедилась, что не пропустила заветного телефонного номера.

Тогда я внимательно осмотрела коробку с «СИСТЕМ ПЛЮС» в поисках адреса компании или другого телефонного номера. Нашла адрес «Штурм, инк.», вернее, не адрес, а абонементный ящик почтового отделения в Южном Бутово. Телефона обнаружить не удалось. Отчаявшись окончательно, я отыскала в Интернете номер Медицинского центра Южно-калифорнийского университета. Позвонила в Калифорнию и достаточно быстро выяснила, что диетологи университета никогда не разрабатывали чудодейственное средство для похудения под названием «СИСТЕМ ПЛЮС». Вот тут я запаниковала. А, запаниковав, выдула пару банок «ки» и слопала две вафли в шоколаде.

Я смогу разобраться, что к чему, убеждала я себя, не зря же два года занималась в газете подбором информации на заранее заданную тему. Вот и теперь надо представить себе, что готовлю статью.

Прежде всего я позвонила в Ассоциацию защиты прав потребителей. Там работала моя подруга Катя. Я попросила ее проверить, есть ли у них что по «Люсинде Штурм» или «Штурм, инс.»

— Не та ли эта каратистка, что рекламирует средство для похудения? — спросила Катя. — Ты пьешь «СИСТЕМ ПЛЮС»?

— К сожалению, да.

— Расследованием деятельности «Штурм, инк.» занимается Фармакологический комитет. Они тестируют этот препарат, и результаты неутешительные. — Катя сообщила, что они получили несколько сотен жалоб от потребителей, которые начали набирать вес, принимая «СИСТЕМ ПЛЮС». Штурм прокрутила свой рекламный ролик три раза в течение

одной недели, а потом его сняли в связи с начатым расследованием. Телефонный номер, по которому принимаются заказы, все еще функционирует, несмотря на запрет комитета.

— Я набрала чуть ли не шесть килограммов, — честно призналась я, — а через две недели у меня свадьба.

— Лариса, немедленно обращайся к врачу, — вздохнула в ответ Катя.

Я положила трубку и заплакала. Какая же я дура! Меня обвели вокруг пальца только потому, что боязнь располнеть превратилась в навязчивую идею. Вся в слезах, прошествовала на кухню. Стресс никоим образом не отразился на аппетите. Готовя толстый сэндвич с ростбифом, позвонила отцу — он у меня врач — и попросила порекомендовать мне хорошего эндокринолога. Он сразу заволновался, но я сказала, что эндокринолог нужен моей подруге. Тогда отец продиктовал мне телефон Фаины Иосифовны из Института эндокринологии, своей давней знакомой.

Остаток дня я провела в попытках связаться с Люсиндой Штурм. Особые надежды я возлагала на рекламный отдел телекомпании «Аргун-ТВ», по каналу которой крутили ее ролик. Я знала, что у них есть адрес фирмы, куда они отправляли счет, но мне его не дали. В итоге я со злостью швырнула трубку на рычаг и положила остатки «СИСТЕМ ПЛЮС» в сумку, чтобы на следующий день захватить с собой к врачу.

Легла я рано, но заснуть не смогла. Повернувшись на бок, почувствовала, как накопившийся на животе жир перекатился на матрац. Теперь я носила легкие платья свободного покроя. И чувствовала, как при ходьбе трутся ноги. На внутренней стороне бедер появилась красная сыпь. Очень чесалась кожа. Я также заметила, что пахну по-другому. Не то, чтобы неприятно, но по-другому. Эти перемены вызывали у меня ненависть к самой себе. Я ворочалась, ворочалась, но так и не уснула.

А в три часа ночи поднялась и прикончила остатки обеда, задавшись вопросом, а не «СИСТЕМ ПЛЮС» — причина моего возросшего аппетита?

70

Вот уж не думала, что можно набрать три с половиной килограмма, перекусив после полуночи. Но теперь на прибавку в весе указывали не только весы, но и зеркало. Раньше в глубине души я твердо знала, что никогда не растолстею.

И вдруг стала такой жирной. Двух мнений тут быть не могло — десять килограммов лишку, а то и больше.

Я глубоко вдохнула и попыталась не смотреть на себя, мысленно давая зарок никогда больше не прибегать ни к каким чудодейственным сред-

ствам. Через час у меня встреча с врачом, и нужная таблетка все вернет на круги своя. Я даже улыбалась, надевая платье, в котором ходила два последних дня. Бюстгальтер стягивал меня, как корсет, не позволяя вдохнуть полной грудью, я едва втиснула распухшие ступни в сандалии. А когда шла к станции метро, ноги терлись друг о друга, а ягодички безбожно тряслись.

Проходя мимо группы школьников, я увидела, как несколько мальчишек рупором приложили руки к губам, и тут же вслед мне послышалось: «Му-у-у». Остальные захихикали. От изумления я не сразу отреагировала, а когда обернулась, они ехидно лыбились, тыча в меня пальцами. Вот тут стало понятно, что и другие люди видят, какая я толстая и безобразная. Ведь несколько дней я не выходила из квартиры и где-то уже убедила себя в том, что наяву такого со мной случиться не может, что все это выдумка, некая галлюцинация. Теперь же окончательно ясно, что все происходит на самом деле. Му-у-у, сказали мальчишки, потому что увидели во мне корову. На эскалаторе я споткнулась и судорожно схватилась за поручень. Из глаз брызнули слезы, и при каждом всхлипе наросший жир трясся, как студень. Поезд подкатил, когда мне удалось взять себя в руки. Люди пытались обойти меня, толкались, что-то бормоча себе под нос, и я видела презрение в их глазах: толстуха загородила всю дорогу. Раньше, сталкиваясь с толстяками, я с облегчением думала, какое счастье, что я не такая. А теперь совсем другие мысли одолевали меня: «Жаль, что испытываемая мной горечь не чувствовалась в батончике «Марс», купленном мной на платформе».

74

Одиннадцать дней до свадьбы. Врач ничего не сделала, только взяла кровь на анализ. Результаты будут готовы через несколько дней. Посоветовала прекратить прием «СИСТЕМ ПЛЮС» — до этого я и сама уже додумалась — и прописала легкий стимулятор щитовидной железы. Я увеличила дозу в два раза.

На всякий случай я договорилась еще об одной примерке с моей портихой. Сказала, что, возможно, понадобится кое-что подогнать, и я подъеду за неделю до свадьбы. У меня четыре дня, чтобы похудеть (Господи!) на 13 килограммов. Мой гардероб состоит теперь из шортов и нескольких рубашек, которые Вик оставил в моей квартире.

Вчера вечером мы с ним серьезно поссорились. Он заявился ко мне после работы, без приглашения.

— Лариса,пусти меня, — сказал он в домофон. Слава богу, ключи от моей квартиры он забыл на работе.

— Я же просила тебя не приезжать, — ответила я, дрожа от ужаса при мысли, что он увидит мой жир сквозь стены.

— Нам надо поговорить, — настаивал Вик. — Мы уже целую неделю не спали вместе.

— Мне нездоровится. Ты же не хочешь подхватить простуду перед самой свадьбой?

— Я хочу быть с тобой, Лариса, — в его голосе слышалось раздражение. — Плевать на твою простуду! Мне нужна ты!

Я представила его, приникшего к домофону, и едва не заплакала:

— Ты мне тоже нужен, но впустить не могу. Пока. Скоро увидимся. Обещаю.

— Лариса, ты не одна?

Я на какое-то мгновение лишилась дара речи от изумления, а придя в себя, прошептала:

— Нет, разумеется, нет.

— Если я выясню, что ты не одна, свадьбы не будет.

Я закричала, что никого здесь нет, но Вик уже ушел. Я приняла еще одну таблетку стимулятора щитовидной железы. Затем пошлепала на кухню, чтобы прикончить картофельный салат, оставшийся от обеда.

78,5

Я решила, что происходящее со мной надо воспринимать как научный эксперимент. Теперь я втискиваюсь только в халат, который обычно надевала после ванной. В квартире чертовски жарко, особенно, если ходишь в халате. Я бы ходила голая, но у меня два зеркала в полный человеческий рост.

Три дня я сидела дома, с того момента, как вернулась от врача. Еду приходилось заказывать по телефону. Я пользуюсь услугами только тех ресторанов, которые принимают к оплате кредитные карточки, — китайского, мексиканского, пиццерии, гриль-бара. Мама звонила каждый день и спрашивала, что со мной. У меня странный голос, говорила она. Это от нервов, отвечала я, волнуюсь перед свадьбой.

Вика все сложнее было держать на расстоянии. Пока он соглашался со мной, что до свадьбы мы не должны спать вместе, чтобы первая брачная ночь стала для нас праздником. Мне всегда нравилась сентиментальность Вика, но я засомневалась в его интеллекте после того, как он поверил моей лжи.

Я уже поняла, что за странный запах идет от моего тела — я потею. Раньше-то за мной такого не наблюдалось. Мои шея и запястья стали такими толстыми, что мне пришлось убрать все ожерелья и браслеты (кольца, включая обручальное, я убрала, когда весила на пять килограммов меньше). Ни одна пара туфель не лезет на мои распухшие ноги, так что я не могу выйти из дома, даже если бы и захотела. У меня сыпь на лице, спине, груди, а желудок так растянулся, что чувство голода возникает уже через час после еды. Я «уговорила» целый флакон с таблетками стимулятора щитовидной железы. При всем при этом, никак не могу заставить себя сесть за журнальные статьи, только смотрю очередную телевизионную «мыльную оперу».

Сидя перед экраном, я услышала, как зазвонил телефон. Не дай бог, редактор «Космополитена».

— Слушаю вас.

— Лариса?

— Фаина Иосифовна, какое счастье, что это вы!

— Лариса, слушай меня внимательно. Я хочу, чтобы ты немедленно приехала в Институт эндокринологии. — Голос ее был настолько нарочито спокоен, что из глаз тут же полились слезы — я что, при смерти? — Лариса, вызови такси и немедленно приезжай. Постараюсь тебе помочь. Можешь вызвать такси? — Она говорила со мной, как с ребенком.

— Приеду как можно быстрее, — ответила я, немного успокоившись.

83,5

Я провела в клинике Института два дня. Как приятно ходить в удобном больничном халате, без бюстгалтера и других причиндалов. Пару раз проверяла автоответчик, но не званивалась тем, кто звонил мне. Редакторы ждут статей.

Вик в панике. Катя сообщила, что готовится коллективный иск к Люсинде Штурм. У нее есть адрес адвоката и его телефон, так что я могу их у нее получить, ему же дала мой номер телефона. О самой Люсинде Штурм никакой информации у нее нет.

Как только я приехала в Институт, Фаина Иосифовна предельно откровенно поговорила со мной. Разве я не знала, что у меня пониженная функция щитовидной железы? Я ответила, что уже догадалась об этом, иначе не раздулась бы, как дирижабль, за какие-то две недели. Но она имела в виду совсем другое: знала ли я об этом до того, как начала принимать «СИСТЕМ ПЛЮС»? Я отрицательно покачала головой. Фаина Иосифовна протянула мне коробку из-под чудодейственного средства, которую я от-

дала ей при нашей первой встрече, и указала на абзац инструкции, набранный мелким шрифтом: «Если у вас пониженная функция щитовидной железы или какое-либо другое отклонение от нормы, пожалуйста, проконсультируйтесь с врачом, прежде чем принимать препарат».

— Я этого не читала, — призналась я.

— Твоя щитовидная железа подверглась массажированному воздействию. Я хотела бы поддержать тебя в клинике несколько дней. Внутривенными вливаниями почистим организм, посадим на водяную диету. Боюсь, что такая резкая прибавка в весе негативно сказалась на работе сердечной мышцы. Содержание сахара в крови у тебя зашкалило, так же, как и холестерина. Тебе двадцать восемь лет, а над тобой нависла угроза инфаркта.

Атака. Жировая атака. Я чуть не плакала.

— Через неделю у меня свадьба.

— Позвонить жениху? — нахмурившись, спросила Фаина Иосифовна.

— Нет, он не поймет.

А может, поймет? Он же говорил, что женится на мне, даже если я буду весить двести фунтов. Если так пойдет и дальше, то ко дню свадьбы я подойду к этому рубежу. Я сказала Фаине Иосифовне, что сама позвоню родителям.

81

Мой вес «стабилизировался», более того, я потеряла два килограмма. У меня появилась надежда. Я позвонила портнихе, договорилась, что она примет меня за два дня до свадьбы, и предупредила, что немного располнела. Я надеялась сбросить двадцать килограммов за следующие четыре дня, хотя в глубине души понимала, что такое невозможно. С другой стороны, я ведь и представить себе не могла, что наберу эти самые двадцать килограммов за две с половиной недели.

Я-таки позвонила отцу и рассказала, что со мной произошло. Он сначала пришел в ярость, а потом поинтересовался, не отменяется ли свадьба, и я ответила, что нет. Я уже худею, и Вик любит меня, а не мое тело, на которое теперь не налезает висящие в шкафу платья. Я позвонила и Кате, объяснила, где нахожусь, и попросила не волноваться: все образуется.

Отец, должно быть, перезвонил Вику, потому что на следующий день он примчался в больницу с цветами. Папаша, видимо, предупредил, какое зрелище его ждет, потому что Вик, увидев меня, не выскочил из палаты, как ошпаренный. Я улыбалась и плакала. Сказала ему, что вовсе не лгала,

мне действительно нездоровилось, но теперь я пошла на поправку. Он поцеловал меня в лоб, тоже поплакал, затем спросил, сколько уйдет времени на сгонку веса. Я не имела ни малейшего понятия. Несколько месяцев. Годы. Это не важно, отмахнулся он и добавил, что любит меня, как бы я ни выглядела, и всегда будет мне надежной опорой. После его ухода мое сердце буквально пело от счастья.

Неожиданно позвонил адвокат, о котором говорила Катя, и попросил меня присоединиться к коллективному иску, добавив, что более двух тысяч женщин попали в такую же передрыгу, принимая «СИСТЕМ ПЛЮС». Расследование, проведенное Фармакологическим комитетом, показало, что рекламируемое средство для похудения на самом деле подавляет функцию щитовидной железы, и его использование приводит к увеличению веса. Он считает, что вся затея строилась на том, что люди, сразу не добившись результата, будут заказывать «СИСТЕМ ПЛЮС» в большем количестве. Вчера Люсинда заявила, что ее тоже обманули. Она, мол, всего лишь актриса. Ее настоящее имя — Наталья Пыхтина. Она дистанцировалась от компании, производящей препарат, и настаивала на том, что ничего не знала об обмане потребителей.

Я попросила адвоката дать мне адрес компании. Поначалу он упирался, но, в конце концов, адрес я получила. В том же Южном Бутово, что и абонементный ящик «СИСТЕМ ПЛЮС». Адвокат сказал, что телефон они отключили, стараясь избежать общения с рассерженными потребителями, и дал мне другой номер, не внесенный в телефонный справочник.

81

Фаина Иосифовна, после длительной беседы с отцом, за два дня до свадьбы отпустила меня в родительский дом в Жуковку. Побывать одной в медведковской квартире мне не разрешили. Следить за приемом лекарств и вести учет потребляемых мною калорий поручено отцу. Папочка даже не обнял меня, ему явно не нравились мои габариты. Однако навесы во дворе уже поставили, а фирма, заключившая договор на обслуживание нашей свадьбы, установила в гараже дополнительные плиты.

Я сумела подъехать к портнихе в оговоренный час. Она чуть не упала в обморок, когда я вошла в мастерскую. Сказала, что за два дня внести необходимые коррективы не удастся, понадобятся значительные переделки, в частности, вставки на боках и груди. Но я умолила ее попытаться, предложив сумму, перед которой она не смогла устоять. Мы договорились, что я заберу платье в день свадьбы, ранним утром.

Вик позвонил, чтобы убедиться, что все в порядке. Признался, что моя ложь сильно огорчала его, он чувствовал себя преданным мной. Я извинилась, и он согласился все забыть. Мы обменялись заверениями в том, что любим друг друга, и ждем не дождемся свадьбы. Мне показалось, что я уловила сомнение в его голосе, но предпочла его не заметить.

Еще сорок восемь часов, и я стану новобрачной.

82

Ко дню бракосочетания я прибавила килограмм. Причина — полночный визит к холодильнику, в который мама поставила заранее приготовленные закуски. Мама плакала, увидев, какое побоище я устроила среди жульенов с грибами и запеченных в тесте яблок. Я пообещала, что до конца своих дней не притронусь ни к первым, ни ко вторым.

Потом поехала за платьем. Его словно не сшили, а только наметали. Швы торчали наружу. Портниха протягивала мне платье со слезами на глазах. Я попыталась его надеть и увидела в зеркале мастадонтшу, затянутую в белый атлас. «Оно было такое красивое», — только и вздохнула портниха.

Вины за собой я не чувствовала, а вот депрессию — да. Началась она с того момента, когда по дороге от портнихи я свернула с шоссе, чтобы купить «бигмак». Что это со мной, думала я, я на грани инфаркта, платье на мне чуть ли не лопается по швам, а я все ем и ем? Неудивительно, что Фаина Иосифовна не доверяла мне. Я сама у себя вышла из доверия.

82,5

Свадьба задерживалась на час. По словам родителей Вика (они пришли в ужас, увидев меня), он должен был приехать давным-давно. Мама уже кусала губы, папа смотрел на мои жиры и бормотал: «Такие деньги псу под хвост».

Я не идиотка, поэтому телефонный звонок (Вик позвонил из аэропорта перед самым отлетом в Римини) меня несколько не удивил.

— Лариса, я очень сожалею.

— Я же не останусь толстой навсегда, Вик.

— Врач говорит, что можешь остаться. Ты не контролируешь свой аппетит, а вернуть твою щитовидную железу в норму уже не удастся.

— Это не моя вина. Меня обманула эта женщина. Люсинда Штурм.

— Ты набирала номер не под дулом пистолета.

— Я сделала это для тебя. — Еще одна ложь.

— Мне это тоже нелегко, Лариса, — ответил Вик. — Я теряю тебя.

Тут я окончательно поняла, что с ним все кончено. После таких слов он никогда ко мне не вернется. Неужели уходит только из-за того, что я поправилась на двадцать килограммов? Ерунда. Он говорил, что женится на мне, даже если я буду весить девяносто. А до девяносто мне еще толстеть и толстеть.

— Ты же обещал, Вик.

Я оглядываю себя. Толстуха.

— Прощай, Лариса, — и в трубке раздались гудки отбоя.

84

Гостям сообщили ужасную новость, и все разъехались по домам. Теперь им надо думать, чем занять этот субботний вечер. Несколько моих подруг захотели остаться, чтобы морально поддержать меня, но я не могу выносить их взгляды, поэтому отослала их и осталась одна-одинешенька. Осталась наедине с паштетом, свадебным тортом, шампанским (за все уплачено) и обиженными, злыми лицами родителей. Я испортила день, который мог стать одним из самых счастливых в их жизни. Испортила этот день и себе. Я поднялась в свою комнату, захватив с собой тарелки, полную семги, ростбифа, сыра, и заперла дверь. Пока опустошала тарелки, думала о том, что за какие-то три недели погубила свою жизнь. И все из-за «СИСТЕМ ПЛЮС». Я вспомнила, что в сумочке у меня лежит номер «Штурм, инк.», и, дожевывая сэндвич с помидорами, набрала номер. Трубку долго не снимали, и я уже хотела отключиться, как вдруг раздался женский голос:

— Юра, это ты?

— Что-что? — не поняла я.

— Юра? Я тебя пришибу, если ты немедленно не приедешь. — Голос хрипловатый, до боли знакомый. Это она. Люсинда Штурм. Актриса, которая заявила, что не хочет иметь ничего общего с фирмой, продающей «СИСТЕМ ПЛЮС», и при этом отвечающая на звонки по номеру, не включенному в телефонный справочник. В Южном Бутово. Расположенном не так уж и далеко от Жуковки. Она продолжала честить незнакомого мне Юру, а мне вспомнился рекламный ролик. Атакуй жир. Я похудела, следовательно, сможете похудеть и вы. Слайд — триста фунтов ее плоти (может, и не ее), и изящная Люсинда, демонстрирующая приемы карате. Тут до меня, наконец, дошло — она никогда не была толстой. Теперь у меня отпали последние сомнения. Я положила трубку на рычаг и схватилась за сумочку.

В гостиниой мама плакала в объятых отца. Они даже и не заметили, как я достала ключи от автомобиля из маминой сумки, села в «субару» и подала в Южное Бутово.

До трехэтажного административного здания, в котором располагалась компания «Штурм, инк.», я добралась за тридцать пять минут. Все в том же свадебном платье. Вошла в холл (входную дверь не удосужились запереть). Ни дежурной, ни охраны. Я поднялась на второй этаж. Повернула ручку двери, на которой висела табличка с нужным мне номером, но та не подалась. Я нажала на кнопку звонка, и она, наконец, открылась.

На пороге стояла Люсинда Штурм. Миниатюрная, в жизни она была даже меньше, чем на экране телевизора. Килограммов сорок пять, не больше. При росте 160 сантиметров. С коротко подстриженными рыжими волосами. Привлекательная женщина, особенно в джинсах и топике. Я тоже ходила в таком наряде, когда джинсы сходились на мне.

Она бросила взгляд на мое свадебное платье и вежливо произнесла:

— По субботам фирма не работает. Если вы хотите что-нибудь заказать, звоните. Боритесь с врагом. Атакуйте жир, — и начала закрывать дверь.

Но я всей своей массой навалилась на нее, решительно вошла в комнату и с ходу заявила:

— Вы погубили мою жизнь, Люсинда Штурм.

— Какого черта? Господи, еще одна. Выметайся отсюда! — окрысилась Люсинда. — Послушай, толстуха, я разве что выступила по телевизору. Если бы тебе действительно хотелось похудеть, ты бы меньше ела и больше занималась спортом. Но ты хотела, чтобы все вышло само собой. Без лишних усилий.

Я подумала о Вике и его «ЕШЬ МЕНЬШЕ».

— Меня из-за вас бросил жених.

— В том, что ты ленива, моей вины нет.

— Вы сыграли на человеческой слабости.

— Ничего такого я не делала.

— Вы обманули всех этих людей. И вам придется за это ответить.

— Мне-то ничего не грозит, жирный кусок дерьма. — Ее лицо перекошилось от злости. — Меня тошнит от одного твоего вида. От тебя так и прет потом. Ты отвратительна. Приходится сожалеть, что ты думаешь, будто я — причина того, что с тобой произошло. Должна тебя разочаровать — никто тебя за руку не тянул, ты все сделала сама. А теперь выволакивай отсюда свою толстую задницу, пока я не вызвала ментов.

Безграничная ярость обрушилась на меня и выплеснулась наружу. Трусливо сбежавший Вик. Несостоявшаяся свадьба. Бедные родители.

Я шагнула к ней. Она подалась назад, испуганная, неуверенная в себе. Еще шаг. Люсинда приняла боевую стойку, словно вспомнила о карате.

— Тебе придется заставить меня уйти, — процедила я, продолжая двигаться на нее.

Нога Люсинды рассекла воздух в пяти сантиметрах от моего лица. Я подняла руки, чтобы заблокировать удар, и, каким-то образом поймав ее за щиколотку, задрала ее ногу вверх. Она упала на спину, но второй ногой смогла ударить меня по коленям, и я шмякнулась прямо на нее. Когда приземлялась на ее грудную клетку, услышала какой-то хруст, и Люсинда во весь голос закричала от боли.

Перед моим взором возникли мы с Виком, в тот самый момент, когда по телевизору впервые показали ее рекламный ролик. Мы целовались. По моей круглой щеке скатилось несколько крупных слезинок. Я уже не слышала ни хруста, ни хрипов Люсинды. В ушах звучали слова «Атакуй врага!» Я начала подпрыгивать на Люсинде, которая все еще пыталась выбраться из-под меня. Но мы явно находились в разных весовых категориях — я перевешивала ее почти на тридцать пять килограммов, — так что борьбы на равных не получилось. Через несколько минут она затихла, и я, поднявшись, увидела, что губы ее начали синеть. В тон сахарным цветам на моем свадебном торте.

Я нашла на столе салфетки, вытерла с лица пот и слезы и вышла из кабинета.

Но, сев в машину, поехала не к родителям, а к Москва-реке. Внезапно у меня возникло желание ополоснуть руки пусть в грязной, но воде. Через десять минут дыхание пришло в норму. Я стояла у парапета, смотрела на медленно накатывающие друг на друга мутные волны, и в хаосе мыслей вспыхнула одна, принесшая хоть небольшое, но облегчение: драка — тяжелая работа, но наверняка во время ее мне удалось скинуть килограмм-другой... □

Д

Андрей Дышев

ИССЕРТАНТ

Глава 1

Представительница
древнего рода

— Аристарх Сазонович...

— Софронович!

И что за имя у старика! Никак не запомню. Я постарался придать голосу оттенок торжественности:

— Аристарх Софронович! Мы с Настей любим друг друга и хотим создать семью. Я прошу руки вашей дочери.

Вот и все. Красиво и коротко. Дело в шляпе.

Журнальный вариант

Диссертант

Отец Насти, шестидесятилетний академик и профессор филологии, словно из какого-то старого кинофильма вывалился. Он ходил по комнате в длинном стеганом халате, шаркал тапочками по скрипучим половицам и пыхтел трубкой. Он долго молчал. Не думаю, что моя просьба застала его врасплох. Я достаточно часто бывал в его доме, и профессор не мог не предполагать, к чему это, в конце концов, приведет.

— Для вас, молодой человек, знакомство с Настей — это не заурядное событие, — менторским тоном заговорил профессор. — Вам посчастливилось обратить на себя внимание представительницы древнего и весьма почтенного рода.

Кажется, папаша начал набивать цену. Естественно, все родители переоценивают своих чад.

— Ведь вам даже в голову прийти не могло, — продолжал он, — что мой дед, Алексей Спиридонович, имел честь работать в главной палате мер и весов под началом Дмитрия Ивановича Менделеева. А мой отец, да будет вам известно, был другом Отто Струве, и в двадцатом году лично провожал его на теплоход, отбывающий в США...

Я все больше расслаблялся на диване, смотрел на старика преданными глазами и с трудом сдерживался, чтобы не зевнуть. Притомил он меня своей рекламной паузой! Настя сидела на стуле в противоположном углу комнаты, сложив ладони на коленях лодочкой, и делала страшные глаза. Но я, хоть убей, никак не мог соорудить на лице умное выражение. Папаша моей возлюбленной оказался редкостным занудой.

Он подошел к столу, принялся выбивать трубку в пепельницу и, наконец, завершил свою рекламную паузу:

— А потому знакомство с Настей и, тем более, женитьба на ней, вас ко многому обязывает... Первый вопрос: чем вы думаете зарабатывать на жизнь, молодой человек?

— На сегодняшний день, да будет вам известно, я — заместитель директора фирмы «Гормашнас», — произнес я не без гордости. — У меня приличный оклад и более тридцати человек в подчинении.

Папаша повернулся ко мне, нацепил на нос очки и принялся рассматривать меня с каким-то лабораторным интересом.

— Очень хорошо, — с едким сарказмом почти процедил он. — Простите, не расслышал, как ваша фирма называется? Мыш-Дур-Нос?

— «Гормашнас», — повторил я, чувствуя себя незаслуженно обиженным.

— А позвольте узнать, что ваша фирма производит?

— Мы продаем насосы, — ответил я с достоинством. — В том числе, и для нефтяной промышленности. Надеюсь, вы представляете себе, что такое нефть?

— Ага, — кивнул старик. — Распродаете то, что было создано великой российской империей. Вы, как пиявки, сосете кровь у умирающей акулы. Бьюсь об заклад, что вы даже в общих чертах не представляете себе устройство насоса для ассенизатора. Зато с важным видом катаетесь на своем дорогом автомобиле и с презрением смотрите на обнищавшую интеллигенцию.

— Продать тоже надо уметь... — заметил я, но старик не стал меня слушать:

— Если научить обезьяну продавать бананы, она станет миллионершей очень скоро и разорит человека, потому что а ловчее лазает по деревьям... Вот если бы вы сказали, что возглавляете конструкторское бюро по созданию насосов нового поколения, я бы с открытым сердцем пожал вам руку.

— Папа! — заступилась за меня Настя. — Нельзя же так! Он уже покраснел!

— Это хорошо, что покраснел. Значит, еще не огрубел окончательно, и мои слова вызывают в нем сильные эмоции. Теперь второй вопрос: ваше образование? Какое учебное заведение вы окончили?

Видимо, он решил унижить меня окончательно. При чем тут образование? Сейчас спрашивают о толщине кошелька, а не о дипломах.

— Я окончил только среднюю школу, — небрежно произнес я. — Потом посещал курсы...

— Стоп! — перебил меня профессор и показал мне свою ладонь, будто хотел отгородиться от моих слов. — Можете не продолжать. Мне все ясно. Вот! Вот в чем кроется корень всех наших бед! Сегодня вы заместитель «Мышнавоза», а завтра? А если в стране переворот? А если вас выкинет на необитаемый остров? Что вы еще умеете делать, кроме того, как спекулировать? Как вы будете содержать семью, поднимать на ноги своих будущих детей?

Я стал злиться. И что этот нафталин из себя корчит? Кто он такой? Подумаешь, академик! Быть нищим академиком позорнее проститутки.

— Вы меня, Аристарх Софронович, совсем опустили, — произнес я, не скрывая иронической усмешки. — Не такой же я инфантильный, каким вы меня представляете. У меня дорогая машина. Я купил вторую квартиру, где намерен жить с Настей. Работаю в преуспевающей фирме. Меня очень ценит мой директор, а это о многом говорит. Это гарантия материального достатка в будущем.

— Гарантия? — с едкой иронией повторил профессор. — Какие же вы, молодые, самоуверенные! А если вас сравнят с землей конкуренты, и ваша фирма разорится? А если вы, извиняюсь, тяжело заболаете, вас уволят, и вашу квартиру придется продать, чтобы сделать вам дорогостоящую операцию? А если вас посадят в тюрьму по ложному доносу?.. Вы даже не представляете себе, сколько в жизни может быть этих «если»!

— Папа! — воскликнула Настя. — Немедленно прекрати унижать Сергея! Он уже глаза от стыда поднять не может!

— Ничего, критика пойдет ему на пользу... — добродушно рассмеялся старик. — Не обижайтесь на меня, молодой человек. Возможно, на старости лет я стал брюзгой, но во мне говорит житейская мудрость. И еще во мне говорит чувство долга за Настю. Это хрупкое и легко ранимое существо. И я пока не уверен, что вы способны обеспечить ей счастливую семейную жизнь. Но дерзайте! Она вас подождет и с лихвой отблагодарит за ваше усердие.

Я вздохнул с облегчением, когда мы с Настей уединились в ее комнате.

— Кажется, — сказал я, ослабляя галстук, который тугой петлей сжимал мою шею, — твой папочка намерен стоять насмерть. Вот уж не думал, что в наше время еще можно найти такое ископаемое! Неужели материальное положение его совсем не интересует, и он с радостью выдал бы тебя за нищего с дипломом в кармане?

— Увы, — ответила Настя с грустью и опустила руки мне на плечи. — Как-то ко мне набивался в

женихи один тип из модельного бизнеса. Образование — восемь классов, зато своя вилла в Подмосковье. Так папа с ним вообще разговаривать не стал, сразу за дверь выставил... Ты очень расстроился?

— Не то слово! — ответил я. — Придется пополнить строй великих ученых.

— У-у! — протянула Настя и махнула рукой: — Тогда мне точно не дожидаться венца. Пропала личная жизнь!

Глава 1

Пьющий, безработный,
бедный

Я встретил Настю после занятий. Мы сели в мой «аудишник», я включил обогрев салона и музыку. Мы курили и думали.

— Отец поставил вопрос ребром, — тихим голосом начала Настя. — Говорит: «Или ты выйдешь замуж за образованного человека, или не выйдешь вовсе».

— Не драматизируй, — ответил я. — К счастью, теперь за деньги можно все. Твой папа хочет, чтобы у меня был диплом? Будет диплом. Может быть, даже красный.

— Диплома мало. Он хочет, чтобы ты вдобавок к диплому получил ученую степень.

— А это еще что такое?

— Стал кандидатом наук.

Я выкинул окурок в окно, приглушил музыку и внимательно посмотрел на Настю:

— А он не хочет, чтобы я стал нобелевским лауреатом? В принципе, возможно и это, только придется много заплатить.

— Хочешь, я поругаюсь с ним и уйду из дома?

Не ожидая от нее такой решительности, я привлек Настю к себе, обнял и ласковым голосом проговорил:

— А зачем ругаться с моим тестем? Его надо любить и уважать. И еще считаться с его маленькими капризами. Стану я кандидатом наук. Завтра к вечеру. От силы — послезавтра.

— И как ты это сделаешь? — спросила Настя.

— Очень просто. Выйду из машины и спущусь в метро. Там можно купить какой хочешь диплом. О том, что я окончил вуз. И о том, что я кандидат наук. Можно купить даже свидетельство о том, что я дальний родственник Ньютона.

— Нет, отца на этом не проведешь, — отрицательно покачала головой Настя. — Он сделает запрос в вуз, где якобы проходила защита, и получит ответ, что никакую диссертацию ты не защищал.

— Милая моя, — нежно сказал я, — все покупается и продается. Везде берут взятки. И в ученом совете тоже.

— Но кроме взятки ты должен принести туда что-то отдаленно напоминающее диссертацию. Должен быть научный труд. Плохой, слабый — это второй вопрос. Но сначала должен быть текст, который в ученом совете засчитали бы как диссертацию.

— Где же мне взять такой текст?

— Кто-то рассказывал, что можно нанять людей, которые за деньги возьмутся писать диссертацию на любую тему.

— Что ж это за люди такие, которые могут писать диссертации для других?

— Невостребованные специалисты, — ответила Настя. — Сотрудники развалившихся НИИ, безработные преподаватели. К отцу постоянно ходят всякие подозрительные типы, похожие на бомжей. Просят его, чтобы помог устроиться на преподавательскую работу. Один меня вообще чуть до смерти не напугал: грязный, оборванный, рот беззубый, из кармана пальто бутылка торчит. А как папа представил его, так я чуть с лестницы не упала: доктор филологических наук, профессор кафедры русского фольклора! Представляешь?

— Отлично! — обрадовался я. — Ставлю тебе задачу: найти адрес этого профессора.

— Нет, этот профессор не пойдет. Во-первых, он настолько спился, что уже двух слов связать

не сможет, а во-вторых, в филологии отец слишком хорошо разбирается. Если потом он вдруг решит поболтать с тобой на тему диссертации, то мгновенно поймет, что ты ни в зуб ногой. Надо выбрать такую науку, в которой мой папочка полный нуль.

— Надеюсь, такие науки еще есть? — с некоторой опаской спросил я.

— К счастью, — кивнула Настя. — Например, физика. Он даже уроки у меня проверить не мог и отсылал к маме. Говорил, что от правила буравчика и теории относительности у него мозги закручиваются в спираль.

— Решено, — серьезно сказал я. — Буду кандидатом физико-математических наук. Осталось найти безработного физика. У тебя нет на примете какого-нибудь бедного Эйнштейна?

— Найти такого не сложно, — сказала Настя. — Открываешь газету, просматриваешь объявления, где предлагаются услуги репетиторов, и начинаешь обзванивать всех подряд. Но я бы не советовала тебе так делать.

— Почему?

— Опасно вести такое щепетильное дело с первым встречным. Ты должен быть на все сто процентов уверен, что человек, который напишет для тебя диссертацию, никому и никогда не признается в своем авторстве. Неужели у тебя нет знакомых, которые могли бы написать для тебя диссертацию? — со слабой надеждой в голосе спросила она. — Подумай, вспомни.

— Нет, — потухшим голосом ответил я.

— Может, в армии с умными ребятами служил?

— Да откуда в разведротте умные? — махнул я рукой. — Мы там только боксом занимались и кирпичи об голову разбивали.

— А в школе? Неужели у вас в классе не было отличников?

— Где? В школе? — И тут вдруг меня осенило: — Есть такой! — крикнул я.

— Ты о ком? — вздрогнула Настя.

— То, что надо! Физик! Пьющий, безработный, бедный! До недавнего времени работал в каком-то научно-исследовательском институте. Институт закрыли, всех сотрудников вышвырнули на улицу.

— Да кто же это?

— Мой одноклассник Витька Чемоданов! Я с ним пару месяцев назад случайно встретился. Умнейший парень! В школе физику знал лучше учительницы!

— Ты с ним дружишь?

— Друзьями мы, конечно, не были, — поморщившись, ответил я. — Случалось, немного и конфликтовали. Но это все в прошлом.

— А он возьмется за это дело? Ты уверен?

— А куда он денется! — без тени сомнений воскликнул я и потер руки от предвкушения. — Он мне давал свой адрес... Куда же я его записал?

Лишь бы не выбросил! Стоп! Где-то в органайзере... Живет в Подмоскowie, по-моему, не женат. Главное, чтобы он сейчас не был в запое.

Я порывисто обнял Настю и поцеловал ее в щеку. А все-таки молодец ее папаша! На какое дело меня подтолкнул! Надо же, я стану кандидатом наук, зятем академика, профессора! Буду общаться с элитой российской науки, принимать участие в симпозиумах и семинарах, дремать в тиши читальных залов библиотек... Таблицу умножения для начала повторить, что ли? А то все калькулятор да компьютер.

Глава 3

Бред какой-то!

Настя очень волновалась, чтобы я не спасовал, не передумал, и разбудила меня телефонным звонком без четверти семь утра.

— Ты еще в постели? — возмутилась она.

— А зачем так рано? — удивился я, не в силах открыть глаза.

— Затем, чтобы твой физик не успел опохмелиться!

Вот как девчонке замуж захотелось! А у меня про все истинные желания лучше спрашивать утром. Если бы сейчас состоялся какой-нибудь божий суд, и меня бы спросили, хочу ли я защищать диссертацию, чтобы жениться на Насте, я бы честно ответил: нет, не хочу. И завалился бы досыпать.

Я подобрал ее на Варшавке, и мы помчались в сторону Серпухова. Выглядела она сегодня не-

важно: лицо припухшее, кожа землистого цвета, под глазами синяки, взгляд потухший.

— Плохо спала? — спросил я, сворачивая с трассы на лесную дорогу.

— Не отвлекайся, — не ответила на вопрос Настя.

Машина едва ползла по каким-то жутким ухабам. С одной стороны торчали красные от ржавчины цистерны какого-то заброшенного завода, а с другой — мрачные пятиэтажки. Я всматривался в номера домов. Номеров не было. Людей, у которых можно было бы спросить, тоже не было. Я остановился и полез за блокнотом, в котором был записан адрес.

— Поселок Промышленный, — бормотал я, читая адрес, — улица Рабочая, дом шесть, квартира тринадцать.

— Я сейчас умру, — призналась Настя.

— Никто не заставляет тебя ехать со мной, — ответил я, трогаясь с места и объезжая сгнивший автомобиль без колес, лежащий на въезде во двор.

— Наверное, вот этот дом шестой! — недовольным тоном сказала она и ткнула пальцем в стекло.

— С чего ты решила, что этот?

— Сосчитала!

Я кое-как заехал во двор. Посреди, словно старая воронка от авиабомбы, чернела огромная лужа. Вокруг нее росли деревья с обломанными ветками и больными стволами, покрытыми странными надписями. На единственной скамейке, стоящей у первого подъезда, сидели подростки и плевали себе под ноги.

— Шестой дом? — спросил я у них, опустив стекло.

— Ну, — ответил один из подростков, прыщавый, худой, с глупыми и жестокими глазами.

— Так да или нет?

— Ну... — повторил он, сплевывая, и покосился на машину.

— Посмотрим здесь, — сказал я и стал отыскивать место, где бы припарковать машину.

— А чего смотреть? — ответила Настя и взялась за ручку, чтобы открыть дверь. — Тебе же сказали, что это шестой дом. — Она вышла из машины и, хлопнув дверью, направилась к подъезду.

Я догнал ее, открыл скрипучую дверь, и мы, переступая через подозрительные зловонные лужи, поднялись на последний этаж. Настя остановилась перед дверью, неряшливо обшитой коричневым ледерином. Вверху на одном гвоздике болталась металлическая цифра 1. «Тройку», наверное, кто-то украл, и число было дописано мелом.

Я потянулся пальцем к кнопке звонка, а Настя постучала кулаком. Сорок процентов я давал на то, что Чемоданова нет дома, а пятьдесят — что он вдупель пьян. Но выпало на оставшиеся десять. Он открыл, причем не так, как открывают двери в Москве — ровно настолько, чтобы прицелиться незваному гостю нос, а открыл нараспашку, во всю ширь, выпустив на лестничную площадку тяжелый запах жилья.

— Серенька! Откуда? Каким ветром?

«Вот человек, — подумал я, — которому мы с Настей будем обязаны своим счастьем».

На пороге стоял круглолицый, коротко постриженный мужик с рыхлым желтоватым лицом. На нем была тельняшка и короткие шорты из обрезанных джинсов. Рот Чемоданова был чуть приоткрыт, между мясистых губ проглядывали редкие крепкие зубы. Глаза круглые и карие, как два каштана, а на лице застыло выражение легкой растерянности.

Чемоданов молча развел руками, сдержанно улыбнулся, сдержанно обнял меня, трижды поцеловал в обе щеки и хриплым, ломающимся голосом произнес:

— Очень вовремя! У меня есть такая ма-аленькая вобляшка. А ты пива, случайно, не принес? Хотя бы пару бутылочек?

Мы с Настей зашли в тесную прихожую. Чемоданов с третьего раза сумел захлопнуть дверь и только после этого обратил внимание на Настю.

— Очень приятно, — промурлыкал он, пожимая ее руку, и вдруг громко расхохотался, сложившись почти пополам: — Ты помнишь нашего физрука?.. Как он учил девочек на брусья садиться?.. Ах-хи-хи-и-и...

Настя взглянула на меня, словно хотела спросить: а этот физик нормален?

Мы прошли в комнату.

— Вы не удивляйтесь, девушка, — вытирая слезы, сказал Чемоданов. — У нас с Сергунчиком в

молодости такое было! Такое было! Но я не могу понять, как ты меня нашел?

Комната, куда он нас завел, была маленькой, пыльной, до предела забитой хламом. Книжный шкаф прижимался к платяному, а тот, в свою очередь, упирался в диван, в изголовье которого стоял испорченный холодильник. Стулья и табуретки были завалены смятой одеждой, тапочками, носками и книгами. В углу пристроилась печь-буржуйка, от которой через отверстие в форточке выходила вытяжная труба. Я протиснулся к окну, где, как мне думалось, воздух был чище, и нечаянно наступил на консервную банку, в которой лежала какая-то гадость.

— Осторожнее! — мягко упрекнул меня Чемоданов. — Это моего кота каша. Кис-кис, Васюнька, иди, доедай, пока твою кашу по полу не размазали!

Но Вася на призыв хозяина не среагировал. Спрятавшись под стулом, он с урчанием разгрызал какую-то добычу, и до наших ушей доносился хруст да треск.

Чемоданов ахнул, повалился на колени и после непродолжительной борьбы отобрал у кота какой-то предмет, похожий на сухую сосновую щепку.

— Вот же, гад! — с ненавистью процедил он и кинулся за котом, который со всех ног помчался на кухню. — До моей вобляшки добрался!

Я с опаской посмотрел на Настю. Она была бледна, но держалась стойко. Все же мне стоило побережь ее легко ранимую психику и отговорить от поездки к физику. Я скинул со стула тряпье, усадил ее и прошептал:

— Мы скоро поедem.

Чемоданов вернулся, держа в руке воблу, от которой остался почти один хребет. Обнюхивая ее, сел на заваленный книгами диван, а потом принялся вытаскивать их из-под себя.

— Мне кажется, ты пришел не просто навестить старого дружочка, — хитро посмотрел он на меня и неожиданно произнес: — А помнишь, как математичка о мой портфель споткнулась и на пол рухнула? — И опять: ах-хи-хи-и-и!

— Ты занимаешься наукой, Витя? — спросил я, пытаюсь упорядочить в этой комнате хотя бы наше общение.

— Что ты! Как наш институт закрыли, я с физикой завязал. Иногда, правда, просматриваю свежие наработки... — С этими словами он вытащил из-под себя какой-то мятый журнал на английском, зачем-то понюхал его и протянул Насте: — Здесь, например, есть несколько исследований в области использования равенства безразмерных критериев подобия. Я имею в виду числа Маха, Струхала, Коши — ты, наверное, в курсе, чего я тебе объясняю?

Я кинул на Настю взгляд, не лишенный гордости, словно хотел спросить: как тебе истинный облик моего одноклассника? Бедная обстановка и чудаковатость — это всего лишь материальная, мирская сторона жизни молодого ученого, фаната формул и уравнений, а все прекрасное вершится в его замечательных мозгах.

Настя без интереса листала журнал, в котором не было ни одной картинки — одни формулы и чертежи. Я же, поняв, что мы приехали не зря, начал издалека:

— Ты, наверное, уже защитился?

— Да что ты! — отмахнулся Чемоданов. — Не успел. Кандидатский минимум сдал, диссертацию почти написал, а потом — обаньки! — моя же нулька попала под машину.

— Какой ужас! — воскликнул я.

— Не то слово! На ней была шубка, такой скромненький шубенчик за тысячу долларов — так тоже пострадал! Колесом рукав оторвало. Я с водилой из-за этой шубки до сих пор сужусь. Не хочет, гад, компенсировать убыток. Говорит, что шуба еще до наезда рваная была...

— И где теперь эта твоя диссертация? — осторожно перебил я его, чувствуя, что кандидатство уже сыпется мне на голову, как штукатурка с толка.

— Где, где, под диваном валяется. Я ею печь растапливаю.

— Да ты что?! Ты это серьезно?

— Вот те крест! — заверил Чемоданов. — У нас ведь батарейки холодненькие, печурку топить надо. Так я из-под диванчика один листок — жмык! На формулы погляжу, смахну со щеки слезунчик, а потом спичечкой — чирк! И туда его!

— Тебя за это убить мало! — произнес я.

— Господи, как ты долго! — вдруг не выдержала Настя и посмотрела на Чемоданова: — Продайте нам вашу диссертацию!

— Диссертацию? — переспросил Чемоданов. — Запросто. Три бутылочки пивунчика — и она ваша.

— Правда? — не поверил я. — Дорогой мой, да я тебе сейчас ящик пива принесу!

— Идет! — согласился Чемоданов. — Только, Серенька, позволь поблобытствовать: а на кой хрен тебе сдалась моя диссертация?

Я несколько мгновений колебался: говорить правду или не говорить? Потом представил, каким жалким покажусь Чемоданову, если расскажу, что без диссертации не могу добиться расположения родителей Насти, так что пришлось извиваться червем и лгать:

— Да мой начальник с ума сошел, приказал защититься. Вроде бы для того, чтобы выйти на новый уровень в работе с иностранными партнерами.

— Так что ж такое получается? — округлив глаза, в упор посмотрел на меня Чемоданов. — Ты хочешь защитить кандидатскую по моей диссертации?

— Ну да, — подтвердил я, и мне вдруг стало стыдно. — Я ведь тебе заплачу за это. Ты как бы продаешь мне свой труд.

— Э-э, Серенька, так не пойдет! — покачал головой Чемоданов.

— А ты думал для чего она мне? Печку топить?

— Да лучше печку топить! — с негодованием выкрикнул он и вскочил с дивана. Подошел ко мне и уставился своими сливовыми глазами: — А ты ловкач, Серенька! Ловкач! Я, значит, три года пахал, как папа Карло, в лаборатории гнил, ночами не спал, а ты мой труд себе приписать хочешь?

— Но это нормальный бизнес! — защищал я свое честное имя. — Ты произвел продукт, который я покупаю. За свой труд ты получишь приличные деньги.

— Откупиться хочешь! — надломанным голосом произнес Чемоданов, поднимая с пола кота и прижимая его к своему лицу. — Мне, значит, твои поганые деньги, а тебе — слава и почет?

— Что ж ты сам славы и почета не добился? — не на шутку разозлился я. — Почему не защитился? Почему не довел дело до конца?

— Я уже тебе говорил, — низким голосом ответил Чемоданов, сделав каменное лицо, — жена под машину попала.

— А я думаю, что твоя диссертация оказалась никому не нужна.

Он подскочил ко мне, встал почти вплотную, так, что кот провел своим хвостом у меня под носом, и прошипел:

— А вот об этом не тебе судить!

Я обернулся и с мольбой в глазах посмотрел на Настю — ее прирожденная целеустремленность могла спасти положение.

— Я устала, — только и сказала она. — Больше не могу здесь... Короче: сколько вы хотите за диссертацию?

Чемоданов засопел, пошевелил губами, кинул кота на диван, принялся ходить по комнате и, наконец, произнес, не глядя мне в глаза:

— Штуку.

— Какую штуку? Чего штуку? — уточнил я.

— Баксов, Серенька. Естественно, штуку баксиков.

Однако у этого опустившегося физика аппетит непомерный.

— А не много ли для старой, никому не нужной диссертации? — спросил я.

— Торг не уместен, — жестко произнес Чемоданов. — Я продаю тебе свой загубленный талант...

— Это нормальная цена, — кивнула Настя. — Больше времени и нервов потратим. Соглашайся!

— Черт с тобой! — не выдержал я. — Сейчас пятьсот, и еще пятьсот после защиты.

— Всю сумму сразу! Или я сжигаю ее в печке, — намертво стоял на своем Чемоданов.

— Я больше не могу! — закатывая глаза, произнесла Настя. — Я задыхаюсь здесь! — Она и в самом деле неважно выглядела. На лбу выступили капли пота, лицо побледнело.

— Ладно, — сдался я. — Показывай диссертацию.

Чемоданов щелкнул пальцами, хлопнул в ладоши и, пританцовывая, полез под диван. Он вытащил оттуда потрепанный портфель с ручкой, заматанной изолентой, и, открыв его, бережно положил на диван упакованную в продуктовый пакет стопку машинописных листов.

— Вот она, моя диссертулечка! Первый экземпляр, все чистенько, без поправок и помарок.

Я взял наугад одну страницу, пробежал глазами по тексту и формулам, протянул ее Насте, пусть посмотрит своим опытным глазом, нет ли здесь какого-либо обмана, и спросил:

— А ты лапшу мне на уши не вешаешь?

— Серенька, сладкий ты мой! Обижаешь! — ответил Чемоданов и приложил ладонь к тельняш-

ке. — Я ж тебе специально смотреть даю. Вот, гляди... — Он взял из стопки еще один лист и стал водить пальцем по строчкам: — Здесь я раскладываю коэффициенты в ряд Тейлора по кинематическим параметрам движения... Как положено, все по порядку... Тут уже перехожу к линейным членам разложения...

— Ну, ладно, не надо комментариев. Чего тут не хватает? Сколько ты уже успел сжечь?

— Да это я так! — махнул рукой Чемоданов. — Болтунчики на меня напали. Тут только по мелочам. Ну, титульного листа нет, содержания нет... Это все ерунда! Я тебе сейчас все напишу... Только ты мне баксышки сразу отсчитай, ладно?

— Я жду на улице, — произнесла Настя и решительно направилась в прихожую.

Когда хлопнула дверь, я сел на диван, положил на колени драгоценную диссертацию и достал бумажник. Перед столь волнующим моментом Чемоданов заерзал, стал хихикать и вслух вспоминать, как когда-то давно мы заперли на швабру в туалете чертежника. Я отсчитал десять сто долларовых купюр, протянул их Чемоданову и предупредил:

— Имей в виду, никто не должен знать, что диссертацию писал ты. Забудь о ней навеки, понял?

— Какой разговор, Серенька! — заверил Чемоданов, торопливо заталкивая деньги в карман шортов. — Все будет шито-крыто. Сейчас я тебе тему напишу... Сейчас, только лист чистый найду.

— И еще, посоветуй, куда мне с ней пойти, кому показать. Чтобы только надежно было!

Чемоданов снова сел рядом со мной и задумался.

— Чтобы надежно было, — бормотал он, почесывая наморщенный лоб. — Чтобы надежно... Вот что! Иди-ка прямиком в РИФА на кафедру динамики.

— Что такое РИФА?

— Как? — чрезмерно удивился Чемоданов. — Ты не знаешь? Ты не знаешь, что такое РИФА? Это Российская инженерно-физическая академия!

— И к кому мне там подойти?

— А я тебе все напишу, — пообещал Чемоданов. — Дам подробнейшие координаты, к кому и когда подойти. Лучше это сделать сегодня же... Ручечку только найду... Вот! — протянул он обрывок газетного поля, на котором были небрежно написаны адрес, телефон и незнакомое мне имя. — Этот человек поможет тебе на первых порах. — После этого он настойчиво подвел меня к двери и выпроводил из квартиры.

Я вышел из подъезда, окончательно убежденный в том, что поступил правильно. Оглядевшись по сторонам и вдохнув сырого тумана, собрался

уже поскакать через лужи к машине, как вспомнил про Настю. Она обещала ждать меня на улице, но ее нигде не видно! Пришлось сесть в машину и завести мотор. Какое отвратительное место! Знал бы светлейший Аристарх Софронович, какие болота мне приходится преодолевать, выполняя его прихоть. Прочь, прочь отсюда!

Но где же Настя, черт возьми?

Для начала я несколько раз протяжно посигналил, но это не вызвало никаких изменений во дворе, даже шелудивый пес не перестал чесаться. Потом я медленно объехал другие дворы, но нигде не нашел никаких признаков жизни. Везде одно и то же: туман, голые деревья, огромные лужи, изрисованные стены домов и развешанные на бельевых веревках тряпки. «Наверное, Настя не дождалась меня и пошла пешком на трассу, — подумал я. — А чему удивляться? Из этого места ноги сами прочь несут».

Для очистки совести я вернулся во двор Чемоданова, и вдруг мне показалось, что в дверях подъезда, где жил Чемоданов, мелькнуло красное пальто.

Я снова начал сигналить, чуть прибавил газу, но машина тотчас ухнула в какую-то яму и ударилась днищем о камни. Мне как ножом по сердцу! Я выругался, подкатил к подъезду и заглушил мотор. Показалось мне, или Настя, в самом деле, зашла в этот подъезд? Может быть, пока я искал ее в других дворах, она вернулась сюда, увидела, что машины нет, и решила спросить обо мне у Чемоданова?

С некоторой опаской я вышел из машины, забежал в подъезд и кинулся вверх по лестнице. Добежав до верхнего этажа, принялся колотить в дверь Чемоданова.

— Настя! — кричал я. — Я здесь! Не бойся, Настя! Я не уехал! — Дверь не открывалась, и из глубины квартиры не доносилось ни звука. Тогда я начал стучать в нее ногами: — Чемоданов! Не дури, открой! Настя у тебя?

Гробовая тишина в ответ! Я начал спускаться вниз, но не успел миновать один пролет, как услышал, что на верхнем этаже клацнул замок. Я остановился, развернулся и снова стал осторожно подниматься.

— Эй! Кто там? Витя, это ты?

По площадке пятого этажа разгуливал кот, обнюхивавший пол и углы. Ледеринская дверь была приоткрыта, и в узком проеме торчал нос Чемоданова.

— Кис-кис, — тихо звал он кота. — Иди сюда, гадина...

— В чем дело, Витя? — произнес я, медленно приближаясь к нему.

— Ни в чем, — испуганно ответил он и захлопнул дверь перед самым моим носом.

— Где Настя? — крикнул я, обрушив на нее град ударов.

— А я откуда знаю? — отозвался Чемоданов из-за двери. — Я спал... Я ничего не знаю... Не ломись, деньги все равно не отдам!

С ощущением полного оупения я снова спустился вниз к машине, сел за руль и, чувствуя страшную усталость, поехал прочь из поселка.

«Ноги моей здесь больше никогда не будет! — подумал я. — И Чемоданова видеть не хочу!»

Глава 4

Совершенно бездарная работа

Пока я ехал в Москву, во мне зарождалась обида на Настю. Подумаешь, какая брезгливая! Не могла подождать меня. Наверное, поэтому, приехав в Москву, я не стал звонить ей домой и справляться, благополучно ли она добралась, а сразу отправился в инженерно-физическую академию, которая находилась где-то на востоке города. С сотового позвонил человеку, чье имя было нацарапано на газетном клочке: Календулов Павел Герасимович.

— Я буду вас обязательно ждать, — ответил он мне глухим невыразительным голосом, словно был больным и бедным пессимистом. — Диссертация при вас?

Я предвкушал приятное общение с умным, интеллигентным человеком. После поселка Промышленного мне требовался обвал положительных эмоций, чтобы сбалансировать нервную систему.

Академия располагалась в здании старой школы, зажатой со всех сторон новыми жилыми корпусами. Изобилие иномарок, принадлежащих, по всей видимости, студентам, создало проблему с парковкой. Пришлось оставить машину в одном из близлежащих дворов.

Я взял диссертацию, вынул ее из пакета и аккуратно упаковал в газету. Сунул сверток под мышку и направился к зданию академии. Зайдя в вестибюль, наполненный шумными студентами, поднялся на второй этаж и по скрипучему паркету прошел в торец коридора. Там нашел дверь, пронумерованную числом 208, постучал и взялся за ручку. Дверь была заперта.

Не успел я подумать, что это плохой знак — второй раз за день ломиться в запертую дверь, как услышал за спиной шаги и, обернувшись, увидел миниатюрного человечка, едва ли не карлика, который шел напрямиком ко мне.

— Я Календулов, — сказал он. — А вы по поводу диссертации?

Я кивнул и для убедительности показал ему сверток. Календулов двигался медленно, ибо переставлял ноги неторопливо и вдумчиво, словно поднимался по крутой горе. Размахивая короткими, чрезмерно волосатыми ручками, он, не снижая темпа, приблизился ко мне и остановился, как вкопанный, едва не уткнувшись носом мне в солнечное сплетение. Открыв ключом дверь, взмахом руки пригласил меня зайти внутрь, быстро зашел следом за мной, тотчас заперся и сказал:

— Присаживайтесь.

Это была не преподавательская. Может быть, хранилище учебных приборов и пособий, может быть, мастерская по ремонту синхрофазотронов — не знаю. От пола до потолка высились стеллажи с коробками из-под оргтехники, мотками проволоки, старыми телевизорами без трубок, системными блоками от компьютеров, настольными лампа-

ми без ламп, молотками, рубанками, пакетами со шпатлевкой и прочим бархлам.

Я сел на табурет под большой коробкой из-под монитора, полагая, что коробка пуста, и потому это самое безопасное место в комнате. Календулов устроился на крутящемся офисном стульчике, и я протянул ему диссертацию. Он расчистил для нее место на столе, бережно опустил и, энергично двигая головой, внимательно рассмотрел первую страницу.

— А где же тема?

Мне стало ужасно стыдно. Как же я мог забыть, что Чемоданов сжег титульный лист!

— Сейчас, — ответил я, вытаскивая из кармана обрывок газеты и кое-как разравнивая его на колене.

— «Течение с образованием волн разрежения, — вполголоса бормотал он, читая каракули Чемоданова, — при обтекании угла сверхзвуковым потоком»... Очень интересно, очень... Вы кандидатский минимум сдали?

— А как же, — легко солгал я, уверенный в том, что документ о сдаче минимума, как и диплом об окончании вуза, я куплю в ближайшие дни.

Календулов принялся просматривать вторую страницу диссертации.

— Придется все делать задним числом, — говорил он тихо и невнятно, словно самому себе. — Я поговорю с заведующим кафедрой, чтобы утвердил тему... И попрошу, чтобы назначил меня вашим руководителем. Не возражаете?

— Ну что вы! — воскликнул я, в уме прикидывая, сколько предложить Календулову. — Я очень даже рад. Вот только диссертация слабовата. Я не строю никаких иллюзий и совершенно уверен в провале...

— Ну, зачем же так? — встал на мою защиту Календулов и повернул голову в мою сторону. Глазки его были очень подвижны, вот только смотрели они на что угодно, но только не на меня. — Слава богу, что вы взяли за работу, довели ее до конца! Кто сейчас диссертации пишет? Силой никого не заставишь!

— Поймите меня правильно, — начал я приближаться к акту сделки. — Меня интересует только конечная цель. Я должен стать кандидатом наук, хотя, возможно, и не заслуживаю этого.

— Вы что? — не слишком горячо возмутился Календулов. — Почему так сразу унижаете себя? Может быть, это великолепная работа!

— Это совершенно бездарная работа, — заверил я.

— Я хочу лично удостовериться в этом.

— Сколько я вам буду должен? — спросил я.

— Еще раз так скажете, — поднял на меня возмущенный взгляд Календулов, — и я откажусь быть вашим руководителем.

Я оставил ему номер своего мобильного телефона и поехал в фирму. Там пообедал, покрутился немного и, под видом того, что должен проводить в Домодедово оптовиков из Узбекистана, слинял. Директор не знал, что с узбеками я распрощался еще вчера, и потому возражать не стал.

Затем зарулил к себе в Новогиреево, чтобы проконтролировать бригаду с Украины, которая делала ремонт в моей новой квартире. А когда снова вышел на улицу, то понял, что больше мне ехать некуда, и пришло время, усмирив свою обиду, позвонить Насте.

Трубку поднял профессор.

— Да, Настя дома, — ответил он. — Позвать?

Пока он ходил за Настей, я лихорадочно соображал, как не признать себя виноватым, но не смог придумать подходящих слов. Кто звонит первым, тот оправдывается, и никуда от этого не денешься.

— Она сказала, что занята, — ответил Аристарх Софронович через пару минут.

— Занята? — удивился я. Настя еще никогда не выказывала свою обиду в столь резкой форме. — А чем она занята?

— Книгу читает.

Через сорок минут я был у нее дома. Открыл, как я и предполагал, профессор. Я с порога вручил ему бутылку французского вина, упаковку голландского табака, английскую подставку для курительной трубки из красного дерева и, пока Аристарх Софронович рассматривал подарки, проскользнул в комнату Насти.

Она в самом деле читала. Причем, лежа на диване под пледом. Оранжевый свет от торшера уютно освещал ее маленький мирок. Я отметил, что Настя выглядит намного лучше, чем утром, чего нельзя было сказать о ее отношении ко мне. Она даже не взглянула на меня.

— Куда ты пропала? — как о чем-то заурядном спросил я, опускаясь в кресло. — Я искал тебя по всем дворам, у людей спрашивал — ты как в воду канула.

Настя медленно опустила книгу и холодным взглядом посмотрела на меня. Мне показалось, что ее глаза полны слез.

— Ты меня искал? — переспросила она. — Плохо искал.

— Плохо? — возмутился я. — А где ты должна была меня ждать? В подъезде. На крайний случай — у машины. А ты где ждала?

— Я не могла стоять у подъезда рядом с наглыми подростками! — в моем тоне ответила Настя. — Они ругались матом и приставали ко мне с грязными намеками! Мне пришлось отойти к заводскому забору. Там я тебя и ждала.

— Честное слово, я тебя не видел, — поклялся я.

— Целый час там простояла! Думала, не уйду живой. Потом шла через лес. За мной увязались какие-то подозрительные типы. Я бежала, сломала каблук...

Жалость к этой слабой и беззащитной девушке наполнила меня до краев. Я вскочил с кресла, сел на край дивана, взял ее руку — она была горячей, будто девушку лихорадило, — и произнес:

— Прости меня! Прости меня, пожалуйста!

Она позволила поцеловать ее руку, но не более. Видимо, испытания, которые ей пришлось сегодня пережить, оказались для нее чересчур серьезными. Я знал ее уже три месяца, и она часто удивляла меня неприспособленностью к суровой жизни и неумением сопротивляться обстоятельствам. Но благодаря именно этим качествам я с ней и познакомился.

Это было поздним ноябрьским вечером. Я задержался в офисе и вышел на улицу в десятом часу. Не успел подойти к машине, как откуда-то из темноты ко мне вышла миловидная девушка в легком, не по сезону, плаще и с непокрытой головой. В руке она держала футляр для скрипки. Девушка озябла настолько, что ее зубы выбивали чечетку. «Извините, — сказала она. — Вы не могли бы проводить меня до метро? В этом переулке не горит ни один фонарь, а мне кажется, что там хохочут пьяные парни».

Провожать незнакомую девушку по темным переулкам у меня не было никакого желания. Я достаточно осмотрительный и осторожный человек, чтобы безоглядно пуститься на такую авантюру. В газетах каждый день писали про очень милых девушек, которые заманивали состоятельных мужчин в темные подворотни. Но испуганное и немного наивное личико незнакомки меня настолько обворожило, что я предложил ей доехать до метро на моей машине.

Она согласилась, что сразу сняло с нее все позрения. Я включил печку и, растягивая время, поехал к метро медленно и по большому кругу. Девушка отогрела руки и открыла футляр. «Я больше не могу ходить на эти занятия, — сказала она. — Надо искать репетитора ближе к дому... Хорошо, что скрипка не промокла, не то папа прибил бы меня». «Ваш папа антиквар?» — спросил я, кинув взгляд на скрипку. «Нет, — охотно ответила она. — Мой папа академик, доктор филологии. Но это не мешает ему ругать меня самыми обидными словами. А мама, которая могла бы меня защитить, давно умерла».

В общем, я довез ее до дома, в самый центр, хотя мне надо было в Выхино. Настя пригласила меня к себе попить чаю, а я взял, да и согласился. И в тот же вечер я понял, что хочу иметь именно такую жену. Но только через три месяца понял, каким хотел бы видеть мужа своей дочери Аристарх Софронович.

— Ты диссертацию привез? — спросила Настя.

— Да, она уже у моего научного руководителя.

— Заплатил ему?

— Пытался, но он отказался от денег.

— Это плохо, — ответила она и энергично поднялась с дивана. Глаза ее горели огнем и жадной деятельностью. — Имей в виду, пока не получишь диплом кандидата наук, отцу о диссертации — ни слова!

— Само собой! — пообещал я.

Глава 5

WWW.RIFA.RU

Директор свел меня с заказчиком из Сыктывкара, которого я в ресторане раскрутил на контракт. На этой сделке я немного заработал, о чем немедлен-

но доложил Насте. Она, как всегда, отнеслась к моим финансовым удачам равнодушно, заметив при этом, что деньги, в отличие от кандидатской диссертации, не способствуют приближению счастливого дня свадьбы.

Я с ней согласился, но все же подумал о том, что после замужества даже самые духовно обогащенные особы почему-то резко переводят свой интерес в материально-финансовую область.

Календулов не звонил уже третий день. Думаю, он пребывал в очень плохом настроении в связи с моей диссертацией. Видимо, сутками напролет ломал голову над тем, как бы этот бездарный и антинаучный бред протолкнуть к защите, чтобы получить от меня деньги. «Ничего, — думал я, — пусть трудится. А то привык, наверное, взятки лопатой загребать и ничего не делать».

— Какой-то ты странный в последнее время, — заметил директор, когда зашел ко мне в кабинет и застучал меня за «Справочником по физике для поступающих в вузы».

— Кандидатскую пишу, — ответил я, улыбаясь, чтобы невозможно было понять — правду я говорю или шучу.

— Кандидатскую? — удивился директор и, выдернув из моих рук справочник, посмотрел на обложку: — По-моему, старина, тебе пора в отпуск.

На четвертый день ожидания звонка от Календулова я уже был готов выложить за кандидатский диплом две тысячи долларов. На мой взгляд, за такие деньги Календулов самолично мог бы написать для меня гарантированный «проходняк».

На исходе четвертых суток я уже стал подумывать о том, что, пожалуй, соглашусь заплатить две с половиной тысячи. Я стоял в очереди на обмывку колес, чтобы загнать машину в гараж, как вдруг в кармане запиликал мобильник. У меня даже мысли не было, что в столь позднее время может позвонить Календулов, тем не менее, это был именно он.

— Сергей Васильевич, — приглушенным голосом сказал Календулов. — Мы могли бы завтра встретиться с вами?

— Да, конечно, — ответил я, напряженно думая о том, как изящнее спросить о сумме.

— Тогда я буду ждать вас в десять утра.

На этом пришлось разговор закончить. Я так и не нашел подходящих слов, чтобы выяснить, сколько же он намерен с меня содрать. «Ладно, — подумал я. — Три тысячи — и ни цента больше! На этой сумме буду стоять до последнего! Иначе Настя обойдется мне слишком дорого».

Утром, несмотря на километровые пробки, я без опоздания приехал в академию. Календулов встречал меня в вестибюле. Едва я увидел его ли-

цо, то сразу понял, что диссертация произвела на него шокирующее впечатление. Павел Герасимович смотрел на меня так, как ученый смотрит в микроскоп. Он крепко пожал мне руку, задержав ее в своей ладони больше, чем следовало бы. Мне показалось, что он готовит себя к трудной процедуре объявления суммы.

— Давайте пройдем в буфет, — предложил он. — Студенты на занятиях, и там никого нет.

В буфете я взял два кофе и бутерброды с бужиной. Календулов, наверное, очень нервничал, поэтому с жадностью накинулся на бутерброды. Я терпеливо ждал, когда он все прожует и заговорит.

— Скажите, — оторвавшись от чашки и переведя дух, наконец, произнес он, — а вы сами написали эту диссертацию?

— Увы, — ответил я, с трудом пытаюсь сохранять естественное выражение на лице.

— Вы удивительно скромный человек. По моему, вы даже не представляете, что написали.

Я смотрел на Календулова уже с некоторым подозрением. С чего это он так странно заговорил?

— Такой молодой, — не без зависти продолжал он, прижимая к губам салфетку. — Сколько вам лет?

— Скоро будет тридцать.

— Тридцать лет! — вздохнул Календулов. — Прекрасный возраст. Я хочу вас от души поздравить.

Он нес что-то не то. Человек, который намеревался урвать как можно больше денег, говорил бы с точностью до наоборот: что я уже не молодой, и лучшие годы прошли для меня даром, и ничего хорошего впереди меня не ждет.

— Я вас не совсем понимаю, с чем вы хотите меня поздравить?

— С диссертацией! С прекрасной диссертацией!

Я смотрел на Календулова, как на умалишенного. Он меня разыгрывает? Или грубо льстит? Но зачем? Какая ему от этого выгода?

— Вы уверены, что она прекрасная? — с сомнением произнес я.

— Безусловно, уверен! И не только я. Не звонил вам долго по той причине, что дал посмотреть вашу работу двум ведущим специалистам в области аэродинамики. И они очень высоко ее оценили.

Я смотрел на лицо Календулова и думал:

«Что же это получается? Чемоданов накалякал супердиссертацию, и сам об этом не знает?»

— Вы даже не представляете, как я рад! — продолжал тем временем Календулов. — Увы, теперь очень редко удастся встретить молодых и талантливых ребят. Все таланты ушли в бизнес. Наука осиротела и превратилась в нищенку. А вы — самородок. Вы являете собой тот самый случай, когда человек сам не знает, насколько талантлив и образован... Вы совершенно не нуждаетесь в моей помощи. Вашу диссертацию не надо проталкивать, не надо заранее подкупать ученый совет, обрабатывать особо ретивых оппонентов. Она уже просто сама летит на утверждение! Ее даже слегка придержать надо, как молодого коня.

Я был совершенно сбит с толку и не испытывал никакой радости. В моем сценарии была заложена слабая, никому не нужная, практически дебильная диссертация, написанная пожизненным неудачником, которая должна была родить мне «корочку», а затем бесследно сгинуть в мусорной корзине. И чем меньше людей были бы посвящены в ее содержание, тем спокойнее я козырял бы дипломом кандидата наук перед будущим тестем. Талантливая диссертация создавала мне лишние проблемы. Это был тот редкий случай, когда реклама пошла бы мне во вред.

— По-моему, — произнес я, уставившись на черное доньшко чашки, — вы меня перехвалили. Признаться, я не слишком старался, когда писал ее. Тяп-ляп, лишь бы сплавить, лишь бы протолкнуть...

— Это тем более характеризует вас как талантливого ученого, — прервал меня Календулов. — Могу представить, что бы вы написали, если бы очень постарались. Это был бы настоящий фурор в научном мире! Мы достаточно быстро организуем защиту, правда, есть одно «но»... Диссертацию надо чуть-чуть доработать.

— А без доработки никак нельзя? — с надеждой в голосе спросил я.

— Я понимаю, что вы заняты, что у вас нет времени. Но это очень, очень нужно! Вы испекли замечательный пирог. Но осталось добавить последнюю изюминку, последнее маковое зернышко! — покачал головой Календулов.

— Вы уверены, что игра стоит свеч? А если все-таки диссертация достойна лишь мусорной корзины? Какой смысл ковыряться в ней, тратить время?

— Какой же вы все-таки скептик! Да ваша диссертация уже в Интернете на сайте академии! И ее читает весь мир!

— Что? В Интернете? — повторил я и прикусил язык. Ох, круто дело развернулось! Отказаться было невозможно. Да и с какой стати я должен отказываться? Это только вызвало бы ненужные вопросы и подозрения. Молодой и перспективный ученый, какого я из себя корчил, просто обязан с радостью взяться за «последнее маковое зернышко»! Поэтому я смиренно спросил: — Что там надо доработать?

— В том месте, где вы ссылаетесь на дифференциальное уравнение Эйлера и переходите к уравнению Бернулли... — Календулов минут пять что-то говорил на совершенно непонятном мне языке, пока я не перебил его:

— Знаете что, мне трудно сориентироваться без текста, и голова сейчас ничего не варит. Если вам не трудно, напишите все это на листочке.

— Хорошо! — согласился он. — Я все подробно изложу и оставлю листок на вахте.

Мы пожали друг другу руки, и я с облегчением вышел из академии.

Глава 6

Началось!

Я сидел перед экраном компьютера и шлепал по клавишам. Секретарша Зоя принесла мне кофе, но уйти не торопилась. Села напротив, закинула ногу за ногу.

— Что ты там ищешь? — спросила она.

— Да где-то тут мою диссертацию поместили, — ответил я будничным голосом.

— Диссертацию? — удивилась Зоя, встала, подошла ко мне и заглянула через плечо.

Я перелистывал рубрики. Моя фамилия нигде не значилась. «Может, Календулов напутал чего?» — подумал я и щелкнул по надписи «Разработки молодых ученых академии». И тут сразу увидел знакомый заголовок: «Течение с образованием волн разрежения...»

— Вот она, — сказал я голосом уставшего от симпозиумов и научных конференций физика.

— Правда? — Зоя изобразила неискренний восторг и склонилась еще ниже. Теперь ее волосы щекотали мне щеку. — А где фамилия?

Фамилии, в самом деле, не было. Наверное, так было принято — труды соискателей выставлять как общие наработки академии. Мне даже лучше оставаться инкогнито, чтобы не слишком светиться в научном мире.

— А ты разве что-то понимаешь в физике? — нежно проворковала мне на ухо Зоя.

— Да я в ней с детства души не чаю! Трехкратный победитель межрайонных и общеевропейских физических олимпиад!

— Правда? — ахнула Зоя. — А я и не знала.

— Так-то, голубушка! — хлопнул я ладонью по столу. — Все, извини! У меня сейчас важная встреча.

Мы с Настей лежали в постели, курили и строили планы на будущее. В старую двухкомнатную «хрущевку», доставшуюся мне от родителей, я ее никогда не приглашал — там было слишком тоскливо. А в новой квартире все еще громыхал ремонт. Потому я использовал любой повод, чтобы заскочить к Насте в гости. Особенно мне нравилось бывать у нее в те вечера, когда профессор задерживался на симпозиумах.

— Мне придется снова ехать к Чемоданову, — сказал я.

— Зачем? — отрывисто спросила Настя, гася окурки в пепельнице.

— Научный руководитель требует какой-то абзац дописать.

— А сам не можешь? — то ли серьезно, то ли издеваясь, спросила Настя.

— Да там одни формулы Бельмондо фон де Фюнеса! На всю диссертацию всего два слова по-русски: «Тема» и «Содержание».

— Он может снова потребовать деньги, — предположила Настя.

— Ну, дам я ему еще десять баксов, пусть подавится! — отмахнулся я.

Тут в дверь позвонили. Я почему-то почувствовал себя героем популярных анекдотов и едва не кинулся к шкафу. Настя накинула халат, нахмурилась, пробормотала: «Кого еще там принесло?» — и вышла, плотно прикрыв за собой дверь. Но я все же услышал за ней приглушенные голоса — один женский, а другой мужской. «А какой общий метраж? — вещал женский голос. — А эти окна куда выходят, на север или на юг?» Настя что-то от-

вечала, но настолько тихо, что я не разобрал ни слова. «Окна у вас деревянные, — тараторила невидимая женщина, — а это плохо. Сейчас, знаете, пластиковые в моде!» «Пластиковые мы всегда успеем поставить, — вторил ей мужской голос. — Главное, чтобы соседи нормальные были. Не заливают?» «Так сколько вы за нее просите?» — перебил женский голос.

Настя ответила, но еще более тихо. Затем голоса стихли, а через минуту хлопнула дверь. Может, я чего-то не расслышал, но такие разговоры обычно ведутся при продаже квартиры. Этот вывод меня слегка обескуражил.

Когда она снова зашла в комнату, я ее первым делом спросил:

— Вы разве продаете квартиру?

— Они ошиблись, — ответила Настя, забираясь под одеяло. — Им на два этажа ниже... А ты не подслушивай!

— Я не подслушивал, — ответил я, пожимая плечами. — Но вы так оралы, что дверь вибрировала.

Настя тотчас перевела разговор на другую тему, но это маленькое событие крепко запало мне в голову и не вываливалось оттуда, пока не произошло еще, на мой взгляд, более странное событие.

Я возвращался к себе домой, на старую квартиру, как запиликал мобильный. Было уже поздно для деловых звонков, и я нежно промурлыкал в трубку в полной уверенности, что это Настя:

— Да, малыш, слушаю тебя!

В трубке раздался шорох, скрип, затем незнакомый мужской голос произнес:

— К сожалению, это не малыш.

— А кто это?

— Не отключай телефон, — посоветовал голос. — Я твой друг.

— Короче можно? — спросил я, испытывая не совсем приятные чувства от общения с незнакомцем, интонация которого не предвещала хороших новостей.

— Ты еще не защитился? — вкрадчиво поинтересовался голос.

У меня мурашки поползли по коже. «Началось!» — подумал я. Таким тоном мог говорить только человек, знающий о моих махинациях.

— Пока не защитился. Ты доволен? Еще вопросы есть?

— Никто пока не раскрыл твою аферу? — продолжал наслаждаться своей недоступностью и властью незнакомец.

— Укуси трубку и дерни kota за хвост, чтобы получить удовлетворение! — крикнул я и отключил телефон.

Настроение было вконец испорчено. Неприятно, когда о твоей тайне узнает тот, кто не должен знать о ней. Вдвойне неприятно, когда не знаешь этого человека. Мне захотелось немедленно выяснить, как это могло случиться, и я набрал номер Насти.

— Настенька, вспомни, пожалуйста, ты никому не рассказывала про диссертацию?

— Про диссертацию? — вяло повторила она сонным голосом. — Странный вопрос! Конечно же, никому! Я что — враг себе? А что случилось?

— Не волнуйся, — ушел я от ответа. — Просто мне так показалось.

— Не бери дурного в голову, — посоветовала Настя. — Никто об этом не может узнать. Да и кому это интересно?

«Вот ты и не права, — подумал я, отключая телефон. — Кому-то это показалось даже очень интересным... Неужели Чемоданову? Прибыю физика!»

До самого дома я думал о возможных последствиях. Самое худшее, что мог сделать телефонный «друг», это настучать про меня Календулову. Но подтвердить, что диссертация написана не мной, мог только Чемоданов. А это не в его интересах.

Я окончательно успокоился на той мысли, что вселилие денег с легкостью уладит даже самый громкий скандал, какой мог бы вспыхнуть в научных сферах.

Глава 7

Страсти вокруг диссертации

Надо ли говорить, с каким чувством я ехал к Чемоданову! Погода дополняла мрачный антураж. Грунтовая дорога раскисла, моросил мелкий дождик, щетки безостановочно размазывали по ветровому стеклу грязь.

Машина переползала из ямы в яму, словно сытый и уставший от жизни хряк. Я скрипел зубами от ненависти к Чемоданову, от которого был зависим, и меня уже не успокаивали мысли о том, что он, безусловно, талантливый ученый и прирожденный исследователь. Я знал одну простую истину: я вынужден был идти на поклон к опустившемуся типу, пьянице и дегенерату.

Я уже выезжал из леса и видел тоскливые очертания заброшенного завода, как подал сигнал мобильный телефон. На дисплее значилось, что номер недоступен для определения. После вчерашнего разговора с незнакомцем я воспринимал не определенные звонки с затаенным раздражением.

— Слушаю! — ответил я, прижав трубку к уху, и по долгой паузе и шумному дыханию понял, что это снова «друг».

— Представь ситуацию, — шепотом заговорил незнакомец. — Ученый совет принимает защиту, все аплодируют и поздравляют тебя. И вдруг кто-то громко говорит: «Он лжец! Тупица и негодяй! Он присвоил чужой труд!»...

— Послушай ты, моралист, — произнес я, мысленно проклиная изобретателя телефонов. — Представляешь, как тебе будет больно, когда я тебя найду?

— А зачем меня искать? Я рядом. Можно сказать, что сижу в тебе. Я твоя совесть...

— Тритон ты болотный, а не совесть, — ответил я. — Чего ты добиваешься? Денег хочешь?

— Думаешь, совесть продается за денежки?

Мне показалось, что я уловил знакомые нотки Чемоданова. Неужели, это он? И тотчас у меня родилась азартная идея поймать этого гада с поличным. Я уже подъезжал к поселку, уже видел в тумане абрис его дома. Надо было любой ценой удержать «друга» на связи.

— Давай поговорим по-хорошему, — мягким голосом сказал я. — Прочему ты считаешь, что я не имею права купить продукт чужого труда?

— Не-е-ет, — с укоризной прошептал «друг». — Ты его не просто купил. Ты объявил себя его создателем. И потому боишься разоблачения. Ибо это стыдно — неучу рядиться в мантию ученого...

Я въехал во двор, заглушил мотор и, стараясь не производить лишнего шума, вышел из машины. Сигнализация тихо пискнула, но мой оппонент, по-моему, не обратил на этот звук внимания.

— Мне кажется, — продолжал я, заходя в подъезд, — что ты все слишком драматизируешь. В цивилизованном мире так все делают.

— Но ты ведь хочешь купить себе ученую степень. Абсурд! Ее можно только заработать, заслужить, все равно как воинское звание, орден или титул...

Я уже не отвечал и быстро поднимался по зловонной лестнице. Третий этаж, четвертый, пятый... Я уже не слушал, о чем бормочет мой собеседник. Жажда расправы над Чемодановым сделала меня глухим и слепым. Не осталось никаких сомнений, что это он играл со мной.

Отключив телефон, я сунул его в карман и с разбегу обрушился на дверь:

— Чемоданов!! Открывай, моралист!!

Со второй попытки удалось выломать замок, я ввалился в квартиру и кинулся в захлапленную комнатушку, в которой Чемоданов принимал нас с Настей. Вот он, лежит на диване, вытаращив на меня дурные глаза, и подтягивает одеяло к подбородку.

— Что?! Не ждал?! — крикнул я, срывая с него одеяло.

Чемоданов был в одних трусах. Никакого телефона в его руках не было.

— Ты чего?.. Ты чего?.. — бормотал он, в ужасе забиваясь в угол.

— Телефон где?! — рявкнул я.

— К-к-какой телефон? — заикаясь, пробормотал Чемоданов. — Нет у меня никакого телефона.

— Не ври, Чемодан, не ври! — не сдавался я, хотя воинственный пыл начал угасать. — Ты попался! Бесполезно отпираться!

— Где я попался? Чего я сделал-то? — потихоньку приходил в себя он. — Ты че, Серенька! Какой телефон? У меня отродясь телефона не было. Ты ж меня заикой так сделаешь! Я сплю. Вдруг грохот... Представляешь, что я подумал?

— Я заплачу тебе за новый замок, — сказал я, опускаясь на стул и растегивая пальто.

— Что с тобой? — допытывался он, натягивая на свои узкие плечи нелепую розовую водолазку. — Может, тебе приготовить кофе?

— Ты кому-нибудь говорил про диссертацию?

— В каком смысле? — заморгал глазами Чемоданов, что мне очень не понравилось.

— В прямом смысле! Ты говорил кому-нибудь, что продал мне диссертацию?

— Да что ты, Серенька! — перекрестился Чемоданов. — Типун тебе на язык! Кому я скажу? Зачем? У нас с тобой мужской договор...

— Какая-то сволочь пронюхала, что диссертация не моя, — оборвал я его. — И теперь достает меня телефонными звонками... Нашел бы — убил!

Чемоданов покачал головой и стал теревить свои мясистые влажные губы.

— Богом клянусь, я никому не говорил. И под пытками не скажу. Ты на меня не думай. Моя совесть чиста...

— Что это ты про совесть вспомнил? — с подозрением сказал я, с прищуром глядя на Чемоданова, и добавил: — Ладно, я к тебе, в общем-то, по другому делу. Диссертация-то у тебя слабенькая! Умные люди прочитали и за голову схватились. Наковыряли огромное количество недостатков.

Чемоданов вздохнул и развел руками.

— Но самый главный недостаток — вот! — С этими словами я вынул из кармана листок с замечаниями Календулова и протянул его Чемоданову.

Тот взял, развернул, уставился в формулы и цифры и неопределенно протянул:

— М-да...

— В общем, так, — сказал я требовательным голосом, чтобы Чемоданов не вздумал отнекиваться. — Даю тебе два дня на то, чтобы халтуру исправить. Допиши необходимые выводы, и я от тебя отстану.

К моему негодованию, Чемоданов вдруг сложил лист и протянул его мне:

— Не, Серенька, не буду. Я завязал.

— Что значит, завязал?! — вспылил я.

— Я с физикой больше дел не имею, — пояснил Чемоданов. — Она у меня уже в печенках сидит. Тошнить начинает, только о ней подумаю.

— Вот что, непризнанный гений! — с негодованием выкрикнул я, размахивая перед лицом Че-

моданова кулаком. — Ты что меня под монастырь подводишь? Сплавил мне черте что — и в кусты! Да если бы я знал, что в диссертации нет главных выводов, я бы ни за что ее не купил!

— Да пойми ты! — сдавленным голосом оправдывался Чемоданов. — Это вчерашний день! Поезд ушел! Я к физике больше не возвращаюсь! Все! Точка! Амба!

— Хорошо, я все понимаю. Тебе надоела физика. Ты давно не открывал учебники. Ты завязал. Но я прошу тебя! Надо собраться, взять волю в кулак и заставить себя довести работу до конца!

— ... да пойми ты меня! — пытался вставить слово Чемоданов, прикладывая руку к сердцу.

— Ты хочешь денег? Черт с тобой, я дам тебе денег! Сколько хочешь за две-три странички? Десять баксов?

— Не, Серенька, не могу.

— Двадцать? — допытывался я.

— Даже за сто не буду, и не проси!

Я опешил от такой наглости. Он отказывается от ста долларов, за который рабочий месяц на заводе горбатится!

— Слушай, ты меня лучше не зли. Мне отступить некуда. Коль я заварил кашу с твоей диссертацией, то расхлебывать ее будем вдвоем. Даю две-сти баксов — и ты немедленно приступаешь к работе!

Но негодяй Чемоданов опять отрицательно покачал головой. Я не мог поверить, чтобы этот немый и небритый клоп проявлял столь необычное упрямство.

— Сколько же ты хочешь?! — рявкнул я.

Чемоданов не без удовольствия снова развернул листок, долго смотрел в него, морщил лоб, шевелил губами, будто считал количество символов и букв, и, наконец, выдал:

— Пятьсот долларов!

Я даже взвыл от желания схватить его за грудки и вышвырнуть в окно, но не сделал этого, а лишь с шумным сопением полез в карман за бумажником. Швырнул баксы на пол, развернулся и вышел. Из прихожей крикнул:

— Послезавтра к вечеру чтобы все было готово!

Не успел я выйти на лестницу, как в кармане подал голос мобильный.

— Да! — гаркнул я, и эхо покатило по всем этажам.

— Мы не договорили, — услышал я тихий голос «друга».

— Слушай! — заорал я. Заткни свой поганый рот!

— Зачем же так грубо? — отозвался сверху Чемоданов, принявший мою угрозу в свой адрес. — Я же хочу как лучше...

Я отключил телефон, закрыл рот и в таком онемевшем состоянии спустился вниз, к машине.

Глава 8

Капкан для «друга»

В этот же день я забрал у Календулова машинописный текст диссертации и привез ее домой. Эта стопка листов с помятыми краями, покрытая неровными строчками, оставленными дешевой пишущей машинкой, была главной уликой. По шрифту можно было определить, на какой машинке печаталась диссертация. Если эта машинка до сих пор хранилась у Чемоданова, то припереть меня к стене было проще пареной репы.

В виду исключительности случая, я позвонил Насте и пригласил ее к себе.

— Я решил сжечь диссертацию, — сказал я ей и подробно разъяснил, что меня подтолкнуло к такому решению.

— Правильно, — согласилась Настя, прохаживаясь по комнате и рассматривая декоративные тарелки, развешенные на стенах. — Пусть потом этот твой «друг» докажет, что диссертация принадлежит Чемоданову. Но сначала ты должен позаботиться о доказательствах, что она принадлежит тебе.

— А что я должен сделать? — пожал я плечами.

— Эх, ты! А еще кандидатом наук хочешь стать! — пристыдила и постучала меня кулаком по лбу Настя. — Включай компьютер, садись за клавиатуру!

Я безропотно подчинился. Настя хоть и грешила неумной жадной командовать мною, но у нее была светлая головушка, и ко многим ее советам стоило прислушаться.

Подойдя к столу, она склонилась над диссертацией и вытащила из стопки первый попавшийся лист.

— Открывая новый файл и переписывая весь лист от и до!

— И формулы?

— Естественно, и формулы!

Я стал корпеть над клавиатурой. Когда закончил вводить страницу, Настя спросила:

— В прошлом году... скажем, четырнадцатого июля, ты был в Москве?

— Конечно. Я в отпуск только в конце августа ушел.

— А в командировке в этот день случайно не был?

— Нет, не был, — уверенно ответил я.

— Прекрасно! Тогда переустанови системную дату компьютера на четырнадцатое июля прошлого года. Тогда и файл сохранится под этой датой.

— Для чего?

— Для того, — вздохнув, объяснила Настя, — чтобы доказать, что над этой диссертацией ты работал еще в прошлом году!

— Умница ты моя!

Едва я успел сохранить файл, как ненавистным писком дал о себе знать мобильник. Я схватил его и посмотрел на дисплей. Номер абонента недоступен!

— Это он! — почему-то шепотом произнес я.

— Дай мне! — Настя выхватила трубку из моей руки и нажала кнопку соединения.

Несколько мгновений она молчала, потом взглянула на меня, кивнула и звонко выкрикнула:

— А у нас определитель номера! И мы вас засекли! Теперь узнаем ваш домашний адрес и привлечем к уголовной ответственности за... — Она резко замолчала, с сожалением посмотрела на трубку и отдала ее мне. — Отключился. А жаль, я бы ему и про совесть сказала, и про нравственность.

Некоторое время мы молчали, думая об одном и том же.

— Ничего, — сказала Настя, успокаивая себя. — Мы теперь знаем, что у нас есть недоброжелатель. Это лучше, чем если бы мы вообще не знали о его существовании.

— А твой папа не мог... кому-нибудь... — произнес я, с трудом подыскивая мягкие слова, чтобы не обидеть Настю.

— Я думала об этом, — ответила она, снимая со стены черную греческую тарелку и рассматривая рисунок Афродиты. — Да, он мог похвастаться перед коллегами, что будущий зять пишет диссертацию. Ну, и что? Речь-то идет о другом! О чужой диссертации, которую ты выдаешь за свою! А кто об этом знает? — Она положила тарелку на стол и стала загибать пальцы. — Я. Ты. И Чемоданов.

— Чемоданов отпадает, — ответил я. — Он клянется, что никому ничего не говорил.

— Послушай, а этот твой... как его... научный руководитель...

— Календулов?

— Да, Календулов! Он не мог догадаться, что это не твоя диссертация?

Я призадумался. Координаты Календулова мне дал Чемоданов. Значит, они когда-то были знакомы? Может, именно Календулов был научным руководителем Чемоданова?

— Черт возьми! — пробормотал я. — Вполне возможно, что Календулов несколько лет назад уже читал эту диссертацию!

— Замечательно! — воскликнула Настя и, поджав губы, посмотрела на меня. — А раньше ты не мог об этом подумать?

— Я доверился Чемоданову.

— Ну, как можно было довериться такому малоприятному типу? У него же на лице отпечаталась нравственная деградация! Неужели в детстве он был другим?

— Представь себе! — сказал я, не отходя далеко от истины. — Это был золотой ребенок! Умница, отличник! Учителя гордились им, а мы всем классом скатывали у него алгебру и физику. И предки у него вполне приличные люди. Батя, если не ошибаюсь, то ли химик, то ли математик. Он в Америке постоянно пропадал. Витька каждый день приносил в класс американские журналы...

Но в чем я хотел убедить Настю? Все равно она права. Был Чемоданов золотым ребенком, а стал

негодяем, и верить ему нельзя. В голове у него теперь только одно: получить и пропить деньги.

— А чего добивается Календулов? — вслух размышляла Настя. — Ты деньги ему предлагал?

— Предлагал. Но он ответил, что совесть не продается.

— Ах! Ах! Ах! Чего же тогда он хочет?

— Безнаказанной власти. Это обычный завистник и телефонный хулиган.

— Так набей ему физиономию — и дело с концом!

— Прежде чем набить, его надо взять с поличным. А как его возьмешь? Сутки напролет следить за ним?

Настя задумалась. Я продолжал сидеть за компьютером, уставившись на клавиатуру. И тут вдруг меня осенило.

— Который час? — воскликнул я. — Половина девятого? Вчера он звонил в это же время. А утром звонил в восемь.

— И о чем это говорит?

— О том, что он звонит из дома — перед выходом на работу или после нее.

— А что ему мешает звонить с работы? — спросила Настя.

— Наверное, он знает, что рабочий телефон определитель запеленгует. А домашний, видимо, какой-то особенный, с функцией антиопределителя.

— Может быть, может быть, — задумчиво произнесла Настя.

— Тогда наша задача упрощается, — сказал я. — Надо узнать домашний адрес Календулова и подойти в восемь утра к его двери. Как только он позвонит мне на мобильный, я тотчас позвоню ему в дверь. Вот тогда и посмотрим, как он будет со мной разговаривать по телефону, глядя на меня в дверной глазок.

— Правильно, — одобрила мой замысел Настя. — Только не забудь пригрозить ему полицией.

До позднего вечера мы предпринимали дополнительные меры для обеспечения железного доказательства моего авторства. Я переписал от руки еще несколько страниц диссертации, изобразил правку, на полях нарисовал какие-то многозначительные символы, как следует помял рукописные листы и спрятал в запыленные папки. Потом под диктовку Насти нацарапал любовное письмо в ее адрес, в котором обмолвился о том, что завершаю работу над диссертацией. Письмо датировал 27 августом прошлого года. В этот день я мчался на машине по автомагистрали «Кавказ» в сторону Сочи и проезжал Воронеж. Настя сказала, что как раз в Воронеже живет ее бабушка, которая часто присылает ей письма. Если вложить мое письмо в старый бабушкин конверт, то получится мощное и непровержимое алиби.

Закончили мы укрепление нашего бастиона торжественным сожжением диссертации. Стоя в сыром парке у маленького костра, мы распили бутылку испанского вина, а потом я долго рассказывал Насте, как нам хорошо будет в новой квартире, как мы будем растить и воспитывать наших детей, водить их в детский сад, а потом в школу, и какие они у нас будут умные и образованные.

Настя слушала и думала о чем-то своем.

Глава 9

Француженка
с сильным акцентом

— Зайди ко мне. Тебе из Франции звонят, — вызвал меня по селекторной связи директор.

Это было более чем удивительно! Во Франции, если мне не изменяет память, у меня не было ни знакомых, ни, тем более, родственников, которые могли бы оставить мне наследство. Пока поднимался на этаж выше, где находился кабинет шефа, я все гадал, приятную или гнусную новость принес с собой из далекой Франции этот звонок.

Едва зашел в кабинет, как сразу понял, что директор мною крайне недоволен. Причина недовольства стала ясна мне очень скоро.

Он кивнул на телефонную трубку, лежащую на столе, и уставился на меня. Я пожал плечами, мол, понятия не имею, кто это и по какому вопросу, и взял трубку:

— Слушаю вас!

— Добрый день, господин Савельев! — раздался приятный женский голос с сильным акцентом. — Я эксперт по авторским правам журнала «Льезон глобале стьентифик»...

Тотчас я уловил тихий щелчок — секретарша Зоя подняла трубку на параллельном аппарате. Директор в упор смотрел на меня и постукивал по столу карандашом. Меня обложили со всех сторон.

— Мы прочитали вашу статью в Интернете, — продолжала эксперт, — и у нас есть к вам предложение. Мы ее публикуем в нашем журнале и выплачиваем вам гонорар — пятьдесят тысяч долларов США...

Я покосился на директора. Он смотрел на меня исподлобья, и в его глазах было столько претензий, словно я что-то украл у него.

— Если вас устраивают эти условия, — неимоверно картавя и растягивая гласные, говорила француженка, — то мы вышлем вам договор. Можете подписать его с нашим представителем в помещении дилера «Рено». Там же получите деньги... Алло, господин Савельев! Вы меня слышите?

— Да-да, — неуверенно ответил я, проклиная этих французов за то, что не могли позвонить мне домой или хотя бы мне в кабинет.

— Значит, вы принципиально согласны? — спросила эксперт, очень довольная тем, что так быстро уломала меня.

— Согласен, — не слишком убедительно ответил я и зачем-то кинул на директора вопросительный взгляд.

Когда разговор закончился, директор еще некоторое время молча бомбил меня своим недоброжелательным взглядом.

— Ты на кого работаешь? — громко и сердито спросил он, встал, швырнул на стол карандаш и принялся ходить по кабинету. — На фирму или на Францию? Мы тебе не мешаем писать научные труды и продавать их через Интернет? А то смотри, на твое место давно главный инженер поглядывает.

— Это недоразумение, — лениво ответил я. Мне не хотелось оправдываться. Я ни в чем не был виноват, свои обязанности по фирме выполнял, как положено. Просто он завидовал, а Зоя мстила за то, что не взял замуж.

— Свободен пока, — сказал директор, изо всех сил выказывая свое недовольство.

«Вот это фокус! — думал я, возвращаясь к себе. — Нежданно-негаданно на голову свалились пятьдесят тысяч баксов! Что же Чемоданов накрутил такого, что даже из Франции звонят?»

Я отгонял назойливую мысль о Чемоданове, но она липла, как чужая жвачка к штанам. Она шла откуда-то из глубин души, и погасить ее было невозможно. В конце концов, я сдался.

«Конечно, придется поделиться с Чемодановым, — так будет справедливо. Я ведь не собирался делать деньги на его диссертации, мне ничего, кроме диплома не нужно. А раз повезло, то повезло обоим».

Но до конца рабочего дня я так и не решил, как поступить со свалившимися на мою голову деньгами.

Глава 10

Друг детства

Открывая дверь квартиры, я слышал, как в прихожей разрывается от звонка телефон. Гнусная это все-таки штука — телефон. Мобильный отключишь, так домашний достанет.

Скидывая на ходу ботинки, я кинулся к аппарату.

— Ты где болтаешься?! — сердито крикнула Настя. — Я второй час не могу тебя достать! Почему у тебя отключен сотовый?

— Почему, почему, — проворчал я. — Известное дело, почему. А разве что-нибудь случилось?

— Случилось! Отцу кто-то уже сказал, что ты написал блестящую статью по газовой динамике, — взволнованно произнесла Настя.

— И папаня, наконец, решился выдать тебя за меня замуж? — предположил я.

— Хуже! Завтра в академии наук заканчивается какой-то международный симпозиум, будет а ля фуршет с мировыми научными светилами, и папаня возжелал представить тебя своим коллегам.

— Только не это! — жалостным голосом произнес я. — Скажи папане, что я не могу. Что я заболел. Или улетел в командировку в Кандалакшу!

— Я тебе улечу! — пригрозила Настя. — Обещал жениться, соблазнил, обесчестил — и в командировку? Этот номер у тебя не пройдет! Придешь как миленький!

— Это провал. Это кошмар, — бормотал я, грызя ногти от волнения. — Что я там буду говорить?

— Сама не знаю, — ответила Настя. — Будешь делать умное лицо и молча кивать.

— Так, — попытался я взять себя в руки. — Надо что-то делать, как-то подготовиться... Наверное, нужен смокинг?

— Смокинг! — фыркнула Настя. — Заблуждаешься, дорогой, тебе не Нобелевскую премию вручать будут. Сойдет обычный костюм.

— Хорошо, костюм есть... Может, выучить несколько формул, чтобы в случае чего...

— Ой, не надо! — взмолилась Настя и чуть не заплакала: — Какие формулы? Там будут умные люди, им лапшу на уши не повесишь! Лучше повтори таблицу умножения и сигналы светофора!

— Я как чувствовал, что все это добром не кончится. Если так дело дальше пойдет, то в самом деле впору будет о смокинге беспокоиться... В котором часу эта презентация... тьфу!.. этот а ля винегрет?

— В восемь!

— Ну вот, как раз во время очередного сеанса связи с моим «другом»! Все складывается очень удачно...

— Не забудь завтра побриться и постричься. И не вздумай выпить!

Спал я плохо, всю ночь мне снились кошмары. Поэтому утром поднялся опухший, с синяками под глазами, и первым делом полез на антресоль, где валялись мои старые учебники.

На работе, чтобы меня не доставали, сослался больным и до полного отупения читал учебник физики для восьмого класса.

В четыре вышел из кабинета и нос к носу столкнулся с Зоей. Змея, как ни в чем не бывало, радостно улыбнулась и захлопала безгрешными глазками.

— Ой, привет! — воскликнула она. — А я думала, что тебя сегодня нет.

— Я пошел в парфюмерный магазин, — мрачным голосом произнес я. — Там хороший импортный крем от морщин привезли. Тебе пару флаконов взять?

Месть удалась. Зоя сверкнула глазами, и у нее даже зрачки встали вертикально.

Я подъехал к главному входу академии за полчаса до начала приема. Заглушил мотор, выключил освещение и долго сидел, рассматривая людей, которые входили и выходили через парадные двери. Ничего особенного, обычные мужики, никаких семи пядей во лбу, никаких мантий и цилиндров. Скорее всего, среди них я буду выглядеть вполне достойно.

Я вышел из машины и решительным шагом направился к дверям.

— Физкультпривет! — бросил служащему, стоящему на входе, и козырнул.

— Ваша фамилия? — крикнул он мне вдогонку.

— Доктор естествознания, действительный член-корреспондент Венецианской академии Савельев! — не оборачиваясь, доложил я.

К моему облегчению, прием был по-домашнему шумным и отнюдь не помпезным. На втором этаже, в просторном зале с колоннами, был накрыт стол, вокруг которого роились лыбые и убеленные сединой старички. Звенели рюмки, порхали над блюдами вилки, кто-то произносил тост, кто-то громко спорил, кто-то даже пытался петь. Вокруг ученых мужей крутились две официантки с подносами. Аристарх Софронович стоял во главе стола. Увидев меня, он взмахнул рукой, а другой постучал вилкой по бокалу, и произнес:

— Прошу внимания, господа! Хочу вам представить моего юного друга Сергея Савельева.

Все присутствующие, как по команде, повернулись в мою сторону. Никогда еще в жизни на меня не смотрело столько умных людей одновременно. Понимая, что это великая и незаслуженная честь, я снова почувствовал себя вором, присвоившим себе чужую славу. Пол стал уходить из-под моих ног. Испугавшись, что не устою на ногах без поддержки, я ринулся вперед. Ученые мужи вежливо и с пониманием расступились, предоставляя мне возможность ухватиться за край стола.

— Наша смена! — охарактеризовал меня папаша. — Молодая поросль.

— Это не внук академика Савельева? — спросил толстый дядька с клиновидной бородкой, цепляя вилкой ломтик ветчины.

— Нет, — ответил папаша, передавая в мою сторону бутылку водки. — Но думаю, что он будет моим зятем.

— Прекрасный повод для тоста! — скрипучим голосом произнес сухой, как вобла, старикан с обвисшими мешками под глазами и дрожащей рукой поднял рюмку.

— Я читал вашу статью, — сказал мне толстяк. — Неплохо... Для начала сойдет!

«Много ты понимаешь! — подумал я, с благодарностью кивнув, и стал торопливо наполнять рот едой, чтобы молчать с полным на то основанием. — За это «начало» мне пятьдесят штук баксов отвалили!»

Ко мне протиснулся шустрый, совершенно лысый дедушка с большими складками на затылке и морщинами на лбу. В руках он держал бутылку водки, глаза его светились лукавством и хитростью.

— Я слышал, вы скоро будете защищаться? — спросил он, наполняя две рюмки, стоящие передо мной, и передавая одну мне. — Не бойтесь, что прокатят?

Я пожал плечами. И тут вдруг насторожился, мне показалось, что в голосе лысого прозвучал намек.

— Сами писали или помогал кто? — продолжал допытываться он.

Я кивнул. Мы чокнулись и выпили. Лысый махнул рюмку запросто, поставив ее на стол, тотчас наполнил снова и, глядя на меня, заметил:

— Костюм у вас шикарный, наверное, дорого стоит? Как вы успеваете и диссертацию писать и деньги зарабатывать?

Я смотрел на него уже с подозрением. Он все больше и больше мне не нравился. И голос, вроде, похож...

К счастью, тут подошел Аристарх Софронович, опустил руку мне на плечо и обратился к присутствующим:

— Господа! Давайте выпьем за этого талантливое парня! Чтобы дорога науки не была для него чрезмерно легкой, но чтобы обязательно светлой и удачливой!

— Какое умное лицо! — сказал седой бородатый старичок, похожий на деда Мороза. — Это поколение пойдет дальше нас!

— Надеюсь, вы не собираетесь останавливаться на кандидатской? — спросил толстяк.

— Мне кажется, — проскрипел высохший старикан, — его место на преподавательском поприще.

Я не успевал переводить взгляд с одного лица на другое. Высказаться хотели многие, и я опасался, как бы пожелания не иссякли, и не начались вопросы по существу диссертации.

Неожиданно ко мне подошла официантка и прошептала на ухо:

— Извините, вас какой-то гражданин спрашивает.

— Меня? — удивился я и кинул взгляд на дверь. — Какой гражданин?

— Ведь вы Савельев? — уточнила официантка. — Я не ошиблась?

Как-то неприятно стало у меня в животе от этого известия. Никаких граждан я не ждал и видеть в данный момент не хотел. Кому я мог понадобиться? А главное, кто из моих знакомых мог знать, что я в академии на приеме?

С дурным предчувствием я поплелся к выходу. Открыл дверь, вышел на лестницу и увидел стоящего у окна человека в бордовом пуховике и спортивной шапочке. Он обернулся, и я с ужасом узнал в нем Чемоданова.

— Здорово! — сказал он, дую на замерзшие красные руки. — Извини, что я тебя отрываю... Тут проблема одна возникла...

Я быстро подошел к Чемоданову, схватил его под руку и потащил вниз.

— Какого черта ты сюда пришел? Кто тебя пропустил?

От Чемоданова пахло спиртным. Спортивная шапочка, натянутая почти на глаза, придавала его лицу выражение безграничной тупости. Выглядел он как бомж. Представляю, какое потрясение испытали бы академики, если бы я представил им Чемоданова как истинного автора моей диссертации.

— Понимаешь, какое дело, Серенька! — стал он торопливо оправдываться. — Я на рынке лоханулся. Хотел азерам баксы скинуть, а они мне вместо рублей «куклу» подсунули... Одолжи рублей пятьдесят. На следующей неделе верну, гадам буду!

— Чтобы я тебя здесь больше никогда не видел! — сквозь зубы процедил я, продолжая тащить Чемоданова по лестнице вниз. — Сиди дома и работай! Завтра к вечеру выводы должны быть готовы!

— Хорошо, хорошо, Серенька! — соглашался Чемоданов, пытаясь ухватиться за перила. — Ты только подкинь денюжат...

— Не смей называть меня Серенькой, придурок!

— Да чего ты обижаешься?

Мы спустились в вестибюль. Стараясь не слишком светиться с ходячим компроматом, я толкнул Чемоданова в туалет, зашел следом за ним и протянул пятьдесят рублей:

— Держи и выметайся отсюда!

— Спасибо, Серенька...

— Я сказал, не называй меня Серенькой!

— Все, все, все! — закивал Чемоданов, заталкивая купюру в карман джинсов.

Надо же такому случиться — в туалет зашел Аристарх Софронович. Я незаметно наступил Чемоданову на ногу и ткнул пальцем ему под ребро, чтобы держал язык за зубами.

— Привет молодежи! — весело сказал папаша и с любопытством посмотрел на Чемоданова: — А это у нас кто такой?

Не успел я соорудить гримасу, означающую, что этот типчик не достоин внимания академика, как Чемоданов охотно ответил:

— Да я вот вместе с Серенькой в одном классе учился.

Я чуть сознание от стыда не потерял. Молча пожал плечами, словно хотел извиниться перед профессором за столь позорный факт.

— В одном классе? — чему-то обрадовался профессор и обнял Чемоданова одной рукой. — А почему, в таком случае, ваше общение проходит в туалете? Добро пожаловать к нашему столу!.. Сергей! Приглашай гостя!

Этого только не хватало!

— Аристарх Софронович, — криво улыбнулся я, — он очень торопится. Мы как-нибудь в другой раз...

— Вы в самом деле торопитесь? — спросил профессор у Чемоданова.

Талантливый негодяй, вместо того, чтобы отказаться от приглашения и немедленно вылететь из академии в сторону ближайшего вино-водочного ларька, отрицательно покачал головой. Я мысленно поклялся пропороть его вилкой.

— Тогда снимай свою куртку и пошли! — решительно произнес профессор и, забыв о том, для чего он сюда пришел, повел Чемоданова к двери. Подлец Чемоданов нарочно отвел взгляд в сторону, чтобы не наткнуться на залповый огонь моих глаз.

«Шиш с маслом ты у меня получишь, а не двадцать пять тысяч баксов!» — мстительно подумал я.

Профессор представил Чемоданова как моего друга детства. Академики дружно потеснились, освобождая часть стола. Чемоданов, не церемо-

нясь, активно приналег на водку. Я встал рядом с ним и шепнул на ухо:

— Только попробуй что-нибудь вякнуть!

Снова понеслись тосты за молодую поросль, за науку, за светлый, но тернистый путь. Чемоданов кидал рюмку за рюмкой. У меня уже кулак устал бить его под ребро.

— А вы тоже физик? — спросил лысый с ехидными глазами, протиснувшись к Чемоданову.

Тот охотно кивнул и заглянул в свою пустую рюмку.

— Неужели тоже пишете диссертацию? — предвосхитил ответ лысый.

Чемоданов, падла, снова кивнул и взялся за бутылку.

— Что вы говорите! — удивился лысый. — А позвольте узнать, какая тема?

Я надавил Чемоданову на ногу. Он поперхнулся и закашлялся, стреляя во все стороны крошками изо рта.

— Он шутит! — сказал я лысому, страшными глазами давая понять, что пресс-конференция закончена. — Какой он физик? Он у нас на рынке радиодетальями торгует. Правда, Чемодан? — И с такой силой засадил ему кулаком по почкам, что Чемоданов согласился с моими словами.

К счастью, академики уже наелись, напились и устали. Многие отошли от стола, разбились на парочки и разбрелись по залу. Запахло дымом сигарет. Лысый тоже отвалил. Около стола осталось всего несколько человек.

Чемоданов захмелел и стал еще больше наглеть.

— А в честь чего банкет? — спросил он громко, наполняя свою рюмку. — Ты отмечаешь свою защиту, да?

— Заткнись, — сквозь зубы произнес я, исподлобья глядя по сторонам.

Он начинал привлекать внимание оставшихся за столом академиков. Время играло против ме-

ня. Еще минут десять-пятнадцать, и Чемоданов окончательно потеряет рассудок. Поведение его станет непредсказуемым и опасным.

— Идем, подышим свежим воздухом, — крепко взял я Чемоданова под локоть.

Он сразу понял, что я намерен оторвать его от такой богатой «халявы», молниеносно ухватился за край стола и громко спросил:

— В чем дело? Я кушать хочу.

Я натянуто улыбнулся академиком, делая вид, что мы просто дурачимся, и прошептал:

— Вот что, скотина пьяная, не позорь своим видом приличное общество...

Он продолжал упираться, намереваясь держаться за стол до конца. Я дернул его за руку сильнее. Чемоданов качнулся и потянул на себя скатерть. Зазвенели рюмки. Ополовиненная бутылка упала, и из нее толчками полилась водка. Опасаясь, что расставание со столом может произойти в самое ближайшее время, Чемоданов стал торопливо наполнять бокал.

Я оттаскивал его, уже не таясь.

— Отпусти меня! — кричал он, не выпуская бутылку. — А то я сейчас всем скажу про диссертацию!

Лежал бы рядом нож — ей-богу, зарезал бы!

— Он совсем напился! — виноватым голосом объяснял я академиком, которые смотрели на нас с вялым интересом.

Чемоданов жадными глотками пил водку, хватался рукой за воздух и кричал, пытаясь прыгнуть на стол:

— Помогите!

Я пару раз ударил его в солнечное сплетение и, схватив с чьей-то тарелки недоеденный гамбургер, засунул его в рот Чемоданова, словно кляп. Друг детства замолк и, громко сопя, принялся энергично работать челюстями.

— Ты что ж, паскудник, творишь? — возмущенно заговорил я, когда мы оказались на лестничной площадке. — Тебе напомнить, где лежала твоя диссертация, пока я ее не купил? Да ей самое место на гвозде в сортире! Если бы не я, то ее до сих пор бы читали только твои клопы и тараканы! Какое ты теперь имеешь на нее право, верблюд?

— А почему ты не дал мне пожрать по-человечески? — предъявил претензии Чемоданов и громко икнул. — Опозорил перед людьми...

— Это я тебя опозорил?! — взвыл я, хватая Чемоданова за воротник. Наверное, спустил бы его с лестницы, если бы, подобно свистку рефери, в моем кармане не запищал мобильник. Пришлось отпустить негодяя.

— Алло, я слушаю! — крикнул я и услышал знакомый шепот:

— Привет!

Чемоданов, почуяв свободу, стал поглядывать на дверь в зал. Кажется, надежда в нем еще не умерла.

— Привет, привет! — со злым весельем ответил я. — Что-то давно тебя не слышал! Ну, начинай проповедь!

— Представь себе, — шептал «друг». — Ты защитился, женился на своей девушке, и вдруг об обмане узнает Аристарх Софронович. Его чувства оскорблены, он не пускает тебя в свой дом, у тебя портятся отношения с молодой женой, начинаются ссоры...

— Все, спасибо! На сегодня хватит! — перебил я его, отключил аппарат и только сейчас увидел, что на дисплее отразился телефонный номер. Вот это да! «Друг» попался! От избытка эмоций я даже поцеловал трубку, сунул ее в карман и радостно обратился к Чемоданову:

— Ну, непризнанный гений, Джордано Бруно. Пошли?

Чемоданов выдворялся из академии с неохотой, и мне приходилось его подталкивать. В фойе, у гардероба, мы встретились с Аристархом Софроновичем. Он тоже провожал одного из гостей, правда, не так решительно, как я.

— Что, уже уходишь? — спросил папаша у Чемоданова и, как старого знакомого, похлопал его по плечу. Я встал между ними и, не давая Чемоданову раскрыть рта, ответил:

— Он совсем пить не умеет. Две рюмки выпил — и плохо стало.

— Ай-ай-ай, — покачал головой профессор. — Что ж так? Тренироваться надо!

На улицу я вытолкнул Чемоданова пинком под зад и, сунув ему под нос кулак, сказал:

— Слушай меня, твоей диссертации больше не существует. Забудь о ней. Ты никогда не докажешь, что написал ее. Тебя никто не станет слушать. Но если все-таки раскроешь рот, я тебе морду набью.

Взгляд его приобрел относительную осмысленность. Не знаю, подействовали ли на него мои слова, но он уже не кричал, не возмущался, а, повернувшись, поплелся к входу в метро. Я провожал его взглядом и не испытывал ни жалости, ни угрызений совести.

Глава 11

Пора
к психиатру

Чем больше меня злил Чемоданов, тем больше я испытывал желание разыскать «друга» и разбить об его голову телефонный аппарат. Наверняка эти два человека никогда не встречались, но, тем не менее, я воспринимал их как сообщников. Непредсказуемость Чемоданова и угрожающие намеки «друга» заставляли меня изгибаться, как змея над медицинской чашей.

Вернувшись домой, я даже не разделся и сразу кинулся к телефонному справочнику. В памяти мобильного сохранился номер «друга», первые три цифры — 938. По ним запросто можно узнать, из какого района звонил анонимщик. Затаив дыхание, я вел пальцем по странице справочника. Вот 938! Ленинский проспект!

Вот это новость! Меня даже в жар бросило. Ленинский проспект. Я только что оттуда приехал... Перед глазами замелькали лица академиков, седые бороды, бутылки, рюмки и лукавые глаза тщедушного лысого старичка. Я, как наяву, услышал его насмешливый голос: «Как вы успеваете и диссертацию писать, и деньги зарабатывать?»

«Спокойно! — сказал я сам себе. — Окончательные выводы делать рано!» Сел за стол и набрал номер справочной службы:

— Девушка, мне нужна Академия наук!

— Девятьсот тридцать восемь, ноль три, ноль девять.

Я кинул взгляд на дисплей мобильного. Последние две цифры не совпадали, но это было уже не принципиально. Прочь сомнения! Два часа назад «друг» звонил мне из здания академии — это железный факт! Значит, балуется кто-то из гостей. Кто-то, если не лысый.

Я подпрыгнул от эмоций и жажды мести и немедля стал набирать номер Насти. Попался, лысый бубен! Опозориться захотелось на старости лет?

— Я поймал его на крючок! — возбужденно произнес я, как только Настя ответила.

— Кого? — не поняла она.

— Шантажиста! Он прокололся! Позвонил с телефона академии, и у меня высветился его номер!

— А ты уверен, что это телефон академии? — не выказывая восторга, спросила Настя.

— Уверен! Я уже в справочную звонил. Так что мы этого голубчика прищучим за шантаж!

— Не слишком ли ты радуешься?

— А чего ж не радоваться-то? Разгребаю завалы на пути к нашей цели.

— Знаешь, мне на ум поговорка пришла про дурака, которого заставили Богу молиться.

Я совсем перестал понимать Настю. Ее грубость меня задела.

— Если тебе что-то не нравится, то говори прямо. Что случилось?

— А то случилось! — сердито ответила Настя. — Отец только что приехал домой и рассказал, как ты себя вел на приеме.

— А-а! — рассмеялся я. — Вот что тебя волнует! Представляешь, в самый разгар банкета вдруг заявляется Чемоданов. Пьяный вдрызг! А твой папочка, не разобравшись, тут же приглашает его к столу. Ты можешь представить, что потом началось? Этот грязный алкаш...

— Меня алкаш не интересует! — перебила Настя. — Ты не имел право затевать с ним драку!

— Какую драку, милая?! — обомлел я. — Я просто выставил его за дверь!

— По-твоему, папа врет?

— Настя! Родная! Чемоданов напился и принялся орать, что это его диссертация. Я пытался вывести его незаметно, но он стал сопротивляться!

— Мне все равно, сопротивлялся он или нет, — безапелляционно заявила Настя. — Но ты повел себя так, что отцу пришлось краснеть за тебя.

— Я по-другому не мог! — резко ответил я.

— Знаешь, дорогой мой, пожалуйста, постарайся впредь идти к своей цели тихо, красиво и без пьяных драк в академии наук. А самое главное, не кидай тень на достойных людей.

— Каких это людей ты имеешь в виду? — вспыхнул я, но Настя уже положила трубку. Ну, вот, и поговорили!

На следующий день я приехал на работу ни свет ни заря, вошел в Интернет и распечатал злополучную диссертацию на принтере. После чего принялся кропотливо, слово за словом, формула за формулой, переписывать ее в отдельную тетрадь. От этого важного дела меня постоянно отвлекали телефонные звонки. То поставщики требовали номер платежного поручения, то какие-то проблемы возникали на таможне, то из энергонadzора грозили отключением электричества за долги. Мне приходилось отвлекаться, кому-то что-то обещать, с кем-то ругаться. Вдобавок, в кабинет регулярно заходила Зоя, и пришлось закрыть дверь на замок.

Тут позвонил начальник охраны и сказал, что принесли почту, и там есть «иностранное» письмо для меня. «Это договор из Франции!» — понял я, и мое сердце учащенно забилось от предчувствия важного и радостного события.

Настроение мгновенно улучшилось. Я выскочил из кабинета, счастливо улыбнулся Зое и попросил ее приготовить мне кофе. Секретарша мою эйфорию не разделила и холодно ответила, что при ишемической болезни и стойком атеросклерозе от кофе лучше воздержаться. Но я даже не обиделся. Какие могут быть обиды, когда с неба на голову свалились пятьдесят тысяч баксов!

Я почти бежал по коридору, думая над тем, какой грандиозный подарок сделаю Насте. Ее папочка онемееет и сразу забудет про дипломы, когда увидит на пальчике своей дочери перстень с бриллиантом. И, конечно, уже никогда не будет ворчать по поводу моего поведения.

Михалыч, начальник охраны, сидел за пультом и перебирал свежие газеты. Увидев меня, он взял с подоконника пестрый продолговатый конверт и помахал им над головой:

— Пляши!

— Из Франции? — спросил я, с трудом сдерживая радость.

— А я откуда знаю? — пожал он плечами. — Но то, что из-за границы, это точно.

Я схватил конверт и быстро вышел из дежурки. Хорошо, что письмо не попало в руки директора, иначе обязательно вскрыл бы и прочитал. Потом, может быть, разорвал бы его на кусочки, чтобы мне насолить.

Моего терпения хватило только на то, чтобы пройти до машины и сесть за руль. Закрывшись на все замки, я вытащил из кармана изрядно помятый конверт и внимательно рассмотрел его. Он выглядел солидно. Адрес был отпечатан на принтере, со всех сторон пестрели разнокалиберные почтовые штампы. Сверху, рядом с цветным изображением земли, стоял длинный логотип: «National Aeronautics and Space Administration\ NASA». В правом верхнем углу гордо развевался полосатый американский флаг.

Кажется, это письмо пришло не из Франции.

Я вскрывал конверт с таким чувством, словно это был пухлый кошелек, набитый долларами. Пальцы мои дрожали. Я вынул листок, украшенный тем же длинным логотипом, и пробежал глазами по первой строчке: «Mr. Saveliev! The NASA offers you» («Мистер Савельев! НАСА предлагает вам...»)

Я был слишком слаб в английском, чтобы понять, чего от меня хотят американцы из национального управления по авиации и исследованию космического пространства и, подняв голову, посмотрел по сторонам. Мои губы пересохли, очень хотелось пить. В голове звенела пустота. «Мать честная! — подумал я. — Неужели это еще одна просьба опубликовать мою диссертацию? Господи, прости меня, грешного! Но как устоять перед таким соблазном?»

Я снова стал рассматривать письмо, и мой взгляд тотчас наткнулся на одну существенную деталь, понятную и без переводчика: «\$800 000».

Письмо выпало из моих рук. Я схватился за голову. Это что ж такое делается? Надо немедленно перевести письмо! Но где найти переводчика? К кому обратиться? Куда ехать?

Чтобы начать хоть какое-то движение, я тронулся с места. Несколько минут совершенно не соображал, куда еду. Перед глазами крутилось хмельное лицо Чемоданова. «Какой же идиот! —

подумал я. — Гениальный идиот! Его труд идет нарасхват, а он живет в бомжатнике, глушит водку и даже не догадывается, каким богатым и преуспевающим человеком мог быть. А если бы он узнал, сколько стоят его мозги, бросил бы пить?»

«А почему бы и нет? — заговорила моя совесть. — Чемоданов пьет от безысходности. Его институт разогнали. Диссертация оказалась никому не нужной. Жена попала под автомобиль. Дочь забрала тещу. И умный, способный парень покатился под откос... А слабо тебе, Серенька, помочь ему подняться на ноги?»

Я мысленно пообещал совести, что обязательно подумаю об этом на досуге, остановился у газетного киоска, и в газете с частными объявлениями нашел несколько телефонов, где предлагали услуги по переводам.

— С какого языка на какой? — раздался в мобильнике женский голос.

— С английского на русский.

— Только на восемнадцатое число! Очень много заказов.

— Это всего лишь письмо, девушка! — торопливо объяснил я. — Два маленьких абзаца.

— Ну, хорошо, несите.

Через полчаса я был в фирме «Лингвист» и, склонившись над маленьким окошком, протянул переводчице письмо. Женщина, надев очки, склонилась над текстом, и ее голова спряталась за стопкой тяжелых словарей. Прошло несколько томительных минут. Она подняла голову и как-то странно взглянула на меня.

— Что-нибудь не так? — спросил я и улыбнулся.

Женщина не ответила и стала щелкать пальцами по клавиатуре. Потом загудел принтер, выдавая лист с переводом.

— С вас двести сорок рублей, — сказала она и опять посмотрела на меня, как на музейный экспонат.

Я расплатился, взял письмо и лист с переводом и стал на ходу читать:

«Мистер Савельев! НАСА предлагает вам долгосрочное и взаимовыгодное сотрудничество. Входящее в состав Администрации Бюро научно-технических проблем авиации и космонавтики занимается программой разработки перспективной авиации и космической техники и созданием экспериментальных летательных аппаратов. Технический контингент испытывает насущную потребность в новейших исследованиях в области газовой динамики.

В связи с вышесказанным, мы предлагаем вам: 1) привести к конечному результату ваши разработки, размещенные в Интернете (www.rifa.ru), от-

носительно смешанных течений и струйного дозвукового обтекания тела в соответствии с методом Н.С. Сницаря; 2) продать нам эксклюзивное право на ваши разработки за 800 000 долларов США. Ваше согласие подтвержайте по телефону и факсом...»

«Этого не может быть! Обман. Мошенничество. Все шито белыми нитками...»

Я вернулся в машину и долго не мог прийти в себя. Кто-то сзади настойчиво сигналил, но я не обращал внимания, продолжая пялиться то на письмо, то на перевод. «Восемьсот тысяч долларов! Немыслимая сумма! Так не бывает. Это фантастика. Кто-то просто разыграл меня...»

— Эй, командир! Оглох, что ли?! — закричал на меня разъяренный мужик в голубой спецовке. — Убери машину, дай мусор загрузить!

Я машинально поставил передачу и дал газ. «Нет, не стоит тешить себя иллюзиями. Конечно же, это розыгрыш. Глупая шутка. Может быть, шутник стоит где-то недалеко, наблюдает за мной и держится за живот от смеха...»

Когда я подъехал к офису, то уже почти не сомневался, что меня разыграл какой-нибудь недоброжелатель, возможно, мой лысый «друг». Чтобы успокоиться окончательно, я решил провести экспертизу, а затем выкинуть письмо в мусорную корзину, и слащавым голосом, протягивая шоколадку, обратился к секретарше:

— Зоюшка, скажи, а письма из Америки к нам когда-нибудь приходили?

— Месяца два назад, вроде, было, — кивнула она.

— Сделай одолжение, найди его, пожалуйста.

— А зачем оно тебе? — удивилась Зоя.

— Да мне не столько письмо, сколько конверт нужен. Я марки собираю, а в моей коллекции американских почти нет.

Зоя с испугом посмотрела на меня, но все же принесла то, что я просил. Запершись, я достал свой конверт и положил его на стол. Конверты были очень похожи. Марки, штампы отправителей и даже какие-то служебные пометки были одни и те же. Это открытие меня не столько обрадовало, сколько разозлило. Неизвестно, чего хотелось больше: раскусить подделку или же убедиться, что письмо подлинное.

«Этого не может быть! — еще раз мысленно повторил я и откинулся на спинку стула. — Такие деньги за какую-то вшивую диссертацию не предлагают. Чемоданов — не Эйнштейн. Это розыгрыш. Ловко прокрученный розыгрыш. И сейчас я в этом удостоверюсь».

Я раскрыл телефонный справочник, нашел код Вашингтона и набрал номер, который значился в письме. Звонок в США по сотовому — удовольствие дорогое, но истина стоила того. Когда раздалась длинная гудка, во мне загорелась звездочка сомнения. А когда ответил женский голос на чистейшем английском, я почти поверил, что все происходит в реальности:

— Ofёce of aeronautics and space technology. Good day! Talk, please! («Бюро научно-технических проблем авиации и космонавтики. Здравствуйте! Говорите, пожалуйста!»)

Я кашлянул и, решив идти к истине напролом, негромко, чтобы Зоя за дверью не услышала, сказал:

— Алло! Это Савельев из Москвы.

— Who?.. Saveliiev? — тотчас отозвалась женщина. — Wait a moment! («Кто? Савельев? Подождите минутку!»)

Несколько секунд в трубке пиликала музыка, затем я снова услышал голос женщины, но уже другой. Она спросила по-русски с заметным акцентом:

— Это господин Савельев? Вы получили наше письмо?

Реальность оказалась настолько невообразимой, настолько недоступной для моего понимания, что я тотчас оборвал связь, положил трубку на стол и несколько минут сидел, словно оглушенный, без чувств и мыслей.

«Все сходится, — наконец подумал я и зачем-то дернул себя за волосы. — Что же мне делать? Такая удача выпадает раз в жизни. Если я не использую этот шанс, то всю оставшуюся жизнь буду презирать себя. Как же заставить Чемоданова «свести к конечному результату» диссертацию? Рассказать ему всю правду? Но он ведь подлый человек, и все испортит — сам денег не получит и мне не даст заработать. Нет, нельзя ему говорить об этом письме. А Насте говорить?»

Я удивился, что задал себе этот вопрос. Это было что-то новенькое. В отличие от Чемоданова, я доверял Насте. Но когда на горизонте за-

маячил почти миллион долларов, она... Как бы выразиться точнее? В общем, я решил не торопиться. Сказать о таком богатстве всегда успею. Тем более, что до этих денег еще ой как далеко! Надо заставить Чемоданова сделать то, что просят американцы. Причем, он должен выполнить работу качественно — халтура здесь не пройдет.

Мне стало тесно и душно в кабинете. Я схватил в охапку свои вещи и вышел в коридор. Увидев меня, Зоя приложила палец к губам, поманила меня к себе, раскрыла папку и показала на приказ, подписанный директором. Мыслями я был настолько далек от этого узкого и убогого коридора, Зои, директора вместе с его фирмой, что с большим трудом уловил смысл. В приказе говорилось о том, что за прогул я лишаяюсь квартальной премии в сумме ста долларов. Я долго смотрел на эту цифру с двумя нулями, а потом тихо рассмеялся.

— Ничего смешного, — произнесла Зоя, расстроившись из-за того, что не смогла изгадить мне настроение.

— Это все чепуха, — с загадочным видом прошептал я и покачал перед ее носом пальцем. — Самое главное то, что для адиабатического течения идеального совершенного газа из уравнения энергии следует формула для расчета работы...

— Бедненький! — прошептала Зоя, с ужасом глядя на меня.

Глава 12

Незаменимый

По дороге домой я очень мило поговорил с «другом».

— У тебя голова после банкета не болит? — спросил я.

— О каком банкете ты говоришь? — Он сделал вид, что не понял меня.

— При встрече я тебе напомню, — пообещал я.

— А я хочу тебе напомнить, что ты вор и мошенник.

— Интересно, а что я украл?

— Чужие мысли!

— А ты докажи, что я их украл!

— Докажу, — заверил меня «друг», — можешь не сомневаться. Выбери сам, каким способом это сделать. Я могу написать о твоём низком поступке в газету, могу сообщить об этом Аристарху Софроновичу.

— Лучше сообщи главврачу психиатрической больницы, — посоветовал я. — Тебя будут показывать студентам, как классический образец больного с синдромом навязчивой идеи...

Сидя на кухне и кромя вилкой пиццу, я накоротке поговорил с Настей по телефону. Она сдержанно поинтересовалась, как продвигается защита диссертации, на что я ответил: «Семимильными шагами». В свою очередь, я спросил, сменил ли Аристарх Софронович гнев на милость, и Настя ответила, что не знает, потому как папа ещё не пришел домой. На этом мы холодно распрощались.

— У директора в одиннадцать совещание, — сказала Зоя на следующее утро, как только я появился в поле ее зрения.

— Я не могу, — бросил я на ходу, залетая к себе в кабинет. — Скажешь, что поехал к врачу.

— Доиграешься, — пригрозила Зоя.

Я махнул рукой, закрыл дверь и достал ключ от сейфа. Много денег ушло на ремонт новой квартиры, и наличности у меня осталось около двенадцати тысяч долларов. Я берег их на свадьбу, но, видимо, придется сыграть ва-банк.

Затолкав в карман пачку, я вышел из кабинета. Через полчаса я уже выехал из Москвы и мчался по трассе. Я думал о том, как сразу огорошить Чемоданова щедрым вознаграждением, чтобы он согласился доработать диссертацию безоговорочно. Сколько ему предложить? Тысячу?.. Пожалуй, тысячи будет маловато. Он только пятьсот запросил за вывод на двух страничках для Календулова. Надо дать тысячи три. Или сразу пять, чтобы заткнулся и засучил рукава.

Чем ближе я приближался к поселку Промышленному, тем тоскливее становилось у меня на душе. «Знали бы американцы, — думал я, — в каких

условиях в России рождаются научные открытия». Но не столько условия, в каких Чемоданов создавал шедевр научной мысли, ни столько мрачные контуры умершего завода и поселка травили мне душу, как само общение с Чемодановым. Я выступал в роли просителя, а эта роль всегда унижительна, если обращаешься к человеку, которого презираешь.

С таким невеселым настроением я поднялся на пятый этаж и постучал в дверь. За дверью было тихо, Чемоданов не открывал. Я громко сказал в замочную скважину:

— Чемоданов, открывай! Я тебе пива привез!

Ноль эмоций! Я ударил посильнее — на тот случай, если Чемоданов вздумал хитрить, и дверь неожиданно распахнулась.

Мне стало не по себе. Несколько мгновений я топтался на пороге и смотрел на кота, который сидел посреди прихожей и тщательно вылизывал свою белую грудку.

— Ау, Чемоданов, ты жив?

Из глубины квартиры не доносилось ни звука. «Может, помер от запоя? — подумал я. — Тогда плакали мои восемьсот тысяч».

Поборов страх и брезгливость, я зашел в прихожую, осмотрел обе комнаты, потом кухню и, наконец, санузел.

Это был первый случай, когда Чемоданова не оказалось дома. Если он уехал в Москву, то это надолго. Я закрыл дверь и стал бродить по квартире, разглядывая вещи. Собственно, никаких вещей, кроме старой обуви да кое-какого тряпья, в квартире не было. Заглянул в холодильник. Мало того, что он не работал, в его утробе лежало несколько ржавых секций батареи парового отопления. Затем стал открывать дверки многочисленных шкафов и тумбочек. Я находил горы мятой старой одежды — мужской и женской, до-

щечки от овощных ящиков, пустые пластиковые бутылки из-под воды, сгоревшие лампочки, доску от унитаза, оконные ручки — словом, совершенно случайные и совершенно не нужные даже алкоголику вещи.

Я сел на шатающийся табурет, еще раз оглядывая склад выброшенной мебели и мусора, и тут до меня дошло. Здесь жил не просто очень бедный человек. Здесь жил сумасшедший!

Мне стало плохо от такого открытия. Как же я раньше не догадался! Все верно, Чемоданов «поехал мозгами»! Его уволили, и он, не выдержав потрясения, сошел с ума. Родители, видимо, отказались от него, и он поселился в заброшенном доме. Притащил сюда с мусорной свалки старую мебель, холодильник, одежду, буржуйку и зажил.

«Что же делать? — думал я. — В состоянии ли он доработать диссертацию? Да о чем же это я? Разве сумасшедший способен на сложную умственную работу? Тогда Чемоданов отпадает. Придется искать научного работника, который взялся бы довести диссертацию до кондиции».

Это хоть и создавало новые проблемы, зато снимало самую большую из старых: мне уже незачем было доказывать свое авторство. Кто поверит, что диссертацию написал человек, который числится на учете в психоневрологическом диспансере? Да это всего лишь мания величия! Чемоданов возомнил себя ученым, вот и кричит на каждом углу, что написал диссертацию по газовой динамике.

От волнения я даже вскочил с табурета и стал ходить по комнате. Значит, надо искать специалиста по газовой динамике, знакомого с работами Сницаря. Можно дать объявление в газету. Сотрудники всевозможных обнищавших НИИ закидают меня предложениями. Лучше воспользоваться помощью не одного, а двух или даже пяти ученых. Они доведут диссертацию до ума, потом я отправлю ее в США и получу деньги. Вот тогда можно будет побеспокоиться о Чемоданове. Например, устроить его в платную больницу с хорошим питанием и уходом.

Я так замечтался, что не сразу услышал тихий скрип. И только когда в прихожей раздался стук, словно на пол уронили деревянный ящик, понял, что вернулся хозяин.

Психически нездоровые люди всегда внушали мне страх своей непредсказуемостью и скрытой агрессивностью. А вдруг Чемоданов решит отомстить мне за академию и кинется на меня с ножом?

На всякий случай я вооружился резиновой палкой для выбивания ковров и выглянул в прихожую. Там никого не было, только на полу лежала связка дощечек и сухих веток. В кухне гремели кастрюли. Неслышно ступая по равному линолеуму, я дошел до кухонной двери и... застыл на пороге, как столб.

Это был не Чемоданов. Спинай ко мне стоял человек, по-видимому, женщина, в розовых кримпленовых брюках, в коричневых ботинках со стертой наискосок подошвой и серой куртке из болоньи.

— А где Чемоданов? — растерянно спросил я, но женщина, мгновенно повернувшись ко мне, издала оглушительный вопль.

— Не подходи!! — визжала она. — Только попробуй пальцем тронуть!! Только шаг сделай!! Хуже будет!!

Я попятился в прихожую. Женщина продолжала орать, широко раскрыв красный рот с далеко не полным комплектом зубов. Лицо ее было бордово-синим, под глазами темнели старые гематомы.

— Да что вы так орете?! — тоже крикнул я. — Не собираюсь я вас трогать!

Женщина на удивление быстро оборвала вой и закрыла рот. Ее отвратительное лицо расплылось в улыбке.

— А я думала, ты мент, — хриплым голосом произнесла она. — А ты, оказывается, хороший...

— Витька где? — спросил я.

— Какой Витька? — не поняла женщина, нюхая подозрительную коричневую субстанцию, задохшую на дне кастрюли.

— Который здесь живет, — пояснил я.

— Здесь я живу, — ответила женщина, кидая кастрюлю на пол. — А у тебя закурить есть?

— Как это вы? — опешил я. — Это тринадцатая квартира?

— А бес ее знает, какая! Ты бы дал мне денег на бутылку, а? — И она двинулась на меня вместе с запахом, который от нее исходил.

— Стоять! — крикнул я. — Где Чемоданов?

— Да не знаю, золотой мой! Не знаю я никакого Чемоданова!

Наш разговор зашел в тупик. Умственные способности этой женщины не позволяли ей понять,

что я от нее хочу, и мне ничего не оставалось, как убраться из квартиры. И тут, на лестнице, я нос к носу столкнулся с Чемодановым.

Мы оба опешили, раскрыли рты и несколько мгновений не знали, что сказать.

— А ты... — неуверенно произнес Чемоданов. — А разве ты уже приехал?

— А разве ты знал, что я должен приехать? — ехидно спросил я.

— Нет! — ответил Чемоданов и покрутил головой.

Он явно не ожидал моего появления и был смущен настолько, что не знал, что делать и что говорить. Я отметил, что сегодня взгляд его необычайно осмыслен, а лицо даже озарено интеллектом. Еще меня удивил его внешний вид: на нем была вполне приличная дубленка, темные брюки и зимние тупоносые ботинки. Разглядеть в Чемоданове клиента психбольницы было весьма затруднительно.

Вдруг он схватил меня за руку, повернулся и потянул вниз:

— Пойдем по улице! Там поговорим.

Он думал, что я еще не был у него и не видел женщину с бордовым лицом. Мы быстро спускались, и Чемоданов фальшиво бормотал:

— Серенька, ты, прям, как снег на голову! А пивунчика не принес?

— Кто живет в твоей квартире? — задал я вопрос в лоб.

— Где? — заморгал глазами Чемоданов.

— В твоей квартире! — резко повторил я. — Только не прикидывайся, что понятия не имеешь, кого я имею в виду.

— А-а-а! — протянул Чемоданов и хлопнул себя по лбу. Он играл ужасно плохо. — Ты говоришь о моей уборщице? Да, она иногда приходит. Мусор выносит, полы моет...

Я ему не поверил. Все было покрыто какой-то неприглядной тайной.

— А я на твои деньги обновочку купил, — покрывшись пунцовыми пятнами, сказал он, когда мы вышли на улицу.

Развивать тему, построенную на лжи, мне не хотелось, и я спросил:

— Где ты живешь?

— Там и живу, — ответил он, показывая пальцем вверх.

— А эта сизая дама утверждает, что это ее квартира, и она тебя вообще не знает.

— Врет! — махнул рукой Чемоданов. — Она не совсем нормальная. У нее часто бзики бывают... Ну, хочешь, поднимемся и выясним этот вопрос?

— Не хочу, — ответил я.

У меня распало желание говорить о квартире и сизой женщине. Чемоданов уже взял себя в руки и занял глухую оборону. Он совсем не был похож

на сумасшедшего, и мне пришлось отказаться от своих недавних выводов.

Мы сели в машину. Разговор зашел в тупик. Я думал о том, просить Чемоданова доработать диссертацию или же поискать для этой цели безработных физиков? Чемоданов лепетал что-то про ремонт, который надо делать в квартире.

— Кстати! — вдруг вспомнил он, сунул руку в нагрудный карман дубленки и вынул оттуда несколько сложенных листов. — Я сделал, что ты просил. Все чин-чинарем: коротко, конкретно и доступно.

Я развернул и посмотрел на листы. Текст и формулы. Отпечатано на хорошем принтере.

— Где принтер взял?

— А? Принтер? — Чемоданов явно тянул время, чтобы придумать ответ. Я так его и не дождался.

— Ты уверен, что здесь все в порядке?

— Комар носа не подточит! Гарантия! Если не примут — деньги верну.

Не знаю, почему, но я снова поверил ему, вытащил из кармана лист, на котором были выписаны требования американцев, и сказал:

— Вот что, Витя, у меня к тебе еще одна просьба.

— Валяй! — с безразличием ответил Чемоданов и удобнее устроился на сиденье.

— Научный руководитель нашел в твоей диссертации еще одну погрешность. Надо свести к конечному результату смешанные течения Сницаря... то есть, на основе его теории... В общем, читай сам, здесь все написано.

Чемоданов взял лист, бегло просмотрел его и сказал:

— Да, у меня была мысль связать свои выводы с гипотезой Сницаря. А потом я решил, что это будет уход от главной темы. Тот, кто это написал, хочет придать диссертации прикладное значение. — Он вопросительно взглянул на меня, и я понял, что его интересует сумма гонорара.

— Я дам тебе три тысячи баксов, — сказал я.

Особой реакции мои слова не произвели. Чемоданов снова опустил глаза и, словно размышляя вслух, произнес:

— Тут есть один маленький, но вполне существенный нюанс. Некоторые разработки Сницаря имеют гриф «Для служебного пользования». Правда, с институтским пропуском я запросто могу пройти в специализированные технические библиотеки...

— Пять тысяч долларов, — прервал я его.

— Вот так даже? — недоверчиво протянул Чемоданов и глубоко вздохнул: — Я очень благодарен тебе. Ты помог мне разобраться, сколько я стою на самом деле.

— Десять тысяч, — процедил я. — Но это конец торгу. Ни цента больше!

— Десять тысяч? — переспросил он, пытливо глядя мне в глаза. — За то, чтобы я свел к конечному результату выводы диссертации в соответствии с методом Сницаря?

— Да, — подтвердил я. — Именно так.

— Всего за несколько страниц ты готов выложить десять тысяч долларов. Могу представить, сколько денег тебе пообещали за всю диссертацию.

— Во-первых, пообещали не так уж и много, — попытался смягчить я его предположения. — А во-вторых, пообещали мне.

Я сделал ударение на слово «мне», давая понять Чемоданову, что моя роль в этом вопросе исключительная. Но Чемоданов смотрел на меня недоверчивым взглядом. Лицо его напрягалось и становилось все более жестким.

— Вот что, — искоса взглянул он на меня и полез в нагрудный карман дубленки. Я не мог поверить своим глазам — Чемоданов протягивал мне тонкую стопку долларов. — Возьми, — твердо проговорил он. — Здесь полторы тысячи.

Такого развития событий я предвидеть никак не мог и растерянно спросил:

— Зачем?

— Возьми, — еще тверже повторил Чемоданов. — Я передумал продать тебе диссертацию. Она мне самому нужна.

Это была катастрофа! Жуткая метаморфоза, которая может пригрестись разве что в кошмарном сне! Я смотрел на Чемоданова и не узнавал его. Всего пару дней назад пинками выталкивал его, пьяного и грязного, из академии на улицу, а сейчас он с легкостью ломал мне всю

жизнь, ставил непреодолимую преграду на пути к Насте, превращал из богача в нищего.

— Ты что?! — онемевшими губами прошептал я и отвел его руку с деньгами в сторону. — Так не пойдет. Диссертация мне тоже нужна. Что продано, то продано. Обратного пути нет.

— Сделка была незаконной, — настаивал Чемоданов, продолжая держать деньги у моего лица. — Я был пьян. Ты воспользовался моим беспомощным состоянием.

Злость начинала kloкотать во мне. Я знал, что Чемоданов наглый и бессовестный тип, но разве мог предположить, что он такой грандиозный негодяй?

— Вот что, дружок, не знаю, какое у тебя было состояние. Я тебе водку не предлагал. Разговор у нас был нормальным. Ты назначил сумму — я заплатил. Все было честно, при свидетеле. Потому диссертацию ты не получишь.

— Забери деньги! — повысил голос Чемоданов. — Я буду оспаривать свои права на диссертацию через суд.

— Что?! Через суд?! — вспыхнул я. — Да хоть через международный трибунал! Все равно ничего не докажешь! Я уничтожил твой экземпляр!

— Докажу! — еще громче сказал Чемоданов. — Второй экземпляр диссертации, да будет тебе известно, уже пятый год лежит в библиотечном хранилище кое-какого института. Стоит сделать туда запрос, как сразу выяснится, кто автор.

Я скрипнул зубами и, не в силах сдержать себя, схватил Чемоданова за горло. Он покраснел, запыхтел, но не сделал попытки освободиться.

— Сколько тебе дать денег, чтобы ты подписал передачу всех прав на меня и заткнул свой поганный рот навеки?

— Семьдесят, — тотчас прохрипел он.

— Чего «семьдесят»?! — Мне показалось, что я ослышался.

— Семьдесят тысяч долларов...

У меня даже пальцы сами собой разжались от такой вопиющей наглости. Сумма была настолько велика, что я даже не стал торговаться. Вытащил платок, вытер им руку, которой держал Чемоданова за горло и, стараясь вложить в интонацию как можно больше скрытых намерений, сказал:

— Мне дешевле будет заказать киллера и нанять другого физика. Не думай, парень, что ты незаменим.

— Ну-ну, — буркнул Чемоданов, массируя шею. — Посмотрим. — И, решительно открыв дверь, вышел из машины.

Я завел мотор, вдавил педаль газа в пол и с визгом рванул с места.

Глава 13

Наука не выносит романтиков

Я только сейчас понял, что такое время, и как дорого оно для меня стоит. Я выжимал из своей машины максимальную скорость, на какую она только была способна, и все равно мне казалось, что Чемоданов преследует меня по пятам. Как я ругал себя! Какими словами называл за то, что предложил Чемоданову десять тысяч баксов! Если бы я торговался с ним по мелочи, он ничего бы не заподозрил. Согласился бы, как миленький, на пятьсот долларов. Я сам был во всем виноват!

Первое, что надо сделать, причем немедленно, — дать объявление в газету. Срочное объявление, чтобы завтра утром оно уже вышло в свет.

Я уже пользовался этой услугой, когда покупал квартиру, и прямоком заехал офис, где принимали объявления. Текст подготовил короткий, чтобы не утомлять читателей, и заказал рамку и крупный шрифт.

— Завтра с утра выйдет, — пообещала приемщица.

Следующим утром, еще до рассвета, меня разбудил телефонный звонок.

— Это по объявлению, — услышал я в трубке мужской голос. — Называйте адрес.

Вот это оперативность! Еще не взошло солнце, а уже поступило первое предложение. Давно надо было так сделать, а не уговаривать Чемоданова.

— А вы собираетесь работать у меня? — уточнил я.

— А как же! — ответил физик. — Мы всегда выезжаем к заказчику на дом.

Чувствуя, что удача возвращается ко мне, я подготовил для физика рабочее место: убрал со стола все лишнее, вытер пыль, положил стопку чистой бумаги и расписал шариковые ручки.

Физик приехал через час. Я ожидал такого седовласого и немного чудаковатого Эйнштейна, но на пороге появился средних лет мужик в засаленной телогрейке и с чемоданом в руке.

— По объявлению, — пояснил он мне, встретив недоуменный взгляд, и вошел в прихожую. Повесив кепку на крючок, посмотрел по сторонам и кивнул на кухонную дверь: — Там кухня?

— А вы собираетесь работать на кухне? — удивился я.

— Конечно! — ответил физик и уверенно пошел вперед. Зайдя в кухню, поставил на стул чемодан, но раскрыть его не успел. Взгляд его упал на плиту, и он проговорил недовольным тоном: — Так она ж у вас электрическая!

Я даже рот раскрыл от удивления. Конечно, физик должен быть чудаковатым, но не в такой же степени!

— А какая вам нужна?

— Газовая, конечно!

— А не все ли равно?

— Послушай, парень! — скривил лицо физик и взялся за свой чемодан. — Не надо мне пудрить мозги! Ты что в объявлении писал: «Требуется специалист по газовым плитам».

— По газовой динамике, — поправил я.

— Разве? — насторожился мужик. — А это не одно и то же?

— Нет, — с сожалением произнес я.

— Тогда прошу прощения... — Мужик смахнул с крючка кепку и вышел из квартиры.

Я в ужасе схватился за голову. Неужели я так написал в объявлении — «по газовым плитам»?

Или наборщица текста ошиблась? Тогда надо быть готовым к атаке слесарей, а не физиков.

Не успел я так подумать, как прозвучал телефонный звонок.

— По объявлению, — неимоверно растягивая слова, сказал мне кто-то.

— Меня интересует газовая динамика, — сразу уточнил я.

— Есть газовая, — подтвердил голос.

— А вы физик? — спросил я, намереваясь во всем до конца разобраться по телефону, а потом уже приглашать человека к себе.

— Ну, да. Можно так сказать, — расплывчато ответил голос. — Значит, мои условия: отваливаешь три «косаря» авансом. Когда принесу товар, даешь еще три. И мы в расчете. Устраивает?

— Какой товар? — не понял я.

— Как какой? — удивился физик. — Тебе газовая динамика нужна или конопляная?

Кажется, и с этим типом мы не поняли друг друга. Я ответил, что передумал, и положил трубку. Серьезные сомнения стали закрадываться мне в душу. За словами «газовая динамика» людям виделось все что угодно, но только не то, что нужно.

До обеда я просидел у телефона в полной неподвижности. Когда он зазвонил, я вскочил, трижды перекрестился и снял трубку.

— Алло, я звоню по объявлению, — прозвучал торопливый голос.

— Мне нужен физик, — сразу сказал я. — Специалист по газовой динамике.

— Значит, я по адресу, — очень доброжелательно произнес голос. — Я тот, кто вам нужен.

— Я написал диссертацию, — принялся подробно объяснять я, — но ей не хватает связи с наработками Сницаря.

— Сницаря? Да, да, я в курсе, — ответил голос.

— Вы правильно поняли, что мне нужно? — настойчиво выяснял я.

— Конечно! Можете даже не сомневаться. Я тот, кто вам нужен. Знаете, я совсем недавно работал по взаимодействию между газом и движущимися в нем телами. Я располагаю огромным количеством литературы и необходимым опытом... Интереснейшая тема, должен сказать вам! Я просто по-доброму вам завидую!

У меня отлегло от сердца. Это был самый настоящий физик.

Вскоре он появился в моей квартире. Это был щуплый, но очень подвижный и деловой человек. Зайдя в прихожую, он живо снял с себя потертое пальто, ботинки, затем вынул из портфеля стоптанные тапочки,

сунул в них ноги и со словами: «За работу!» — прошествовал в комнату.

Я предложил ему кофе, на что физик ответил: — Кофе, деньги — это все второстепенное. Главное — работа.

Я мысленно восторгался им. Он сел за стол, расчесал беззубой расческой остатки волос на голове, нацепил очки, дужки которых были перемотаны изолентой, и стал выкладывать на стол содержимое портфеля. Сначала он выложил распухшую от газетных вырезок папку без тесемок, затем покрытую белыми подтеками бутылочку с клеем и ржавые ножницы и потребовал:

— Давайте диссертацию!

Я положил перед ним диссертацию и, чтобы не мешать, на цыпочках отошел к окну и сел на стул.

А физик отделил от диссертации примерно половину, взял первый попавшийся лист, разрезал страницу пополам, потом открыл свою папку и стал просматривать газетные вырезки.

— Пожалуй, это пойдет, — намазав край вырезки клеем, он стал прилаживать ее к обрезку страницы. — Прекрасно! — После чего снова взялся за ножницы, и я понял, что пришло время выяснить, какое таинство он совершает.

— Вы думаете, — смеясь, произнес физик, — диссертации пишут? Сегодня они делаются по методу «рекле».

— По какому методу? — переспросил я.

— «Рекле», — повторил физик и посмотрел на меня поверх очков: — А вы разве о таком не слышали? «Рекле» — это значит «режь и клей». Газеты, журналы — вот неиссякаемый источник информации. И этой информацией надо уметь распоряжаться. Если вы перепечатаете какую-нибудь статью целиком, то вас обвинят в плагиате. Но нашинкуйте эту статью на абзацы и предложения, словно капусту, а потом перемешайте с

сотней других статей — разумеется, тоже нашинкованных, — и у вас получится сто собственных статей.

— Вы что же, — пробормотал я, глядя, как ржавые ножницы кромсают диссертацию, — и сейчас этим методом пользуетесь?

— Конечно! — воскликнул физик и с недоумением посмотрел на меня, мол, а чего ты вообще хочешь, парень?

— Но вы понимаете, что мне поставлена конкретная задача! — Я взял с полки перевод письма и зачитал: — Привести к конечному результату эти разработки относительно смешанных течений и струйного дозвукового обтекания тела в соответствии с методом Сницаря.

— А я что делаю? — вытаращив глаза, спросил физик. — Именно это я и делаю! В этой же статье черным по белому написано про метод Сницаря! Молодой человек, вы очень наивный. Думаете, что написали диссертацию, и теперь можно учить старшее поколение? Да я уже больше сотни таких диссертаций написал. И все, между прочим, были успешно защищены! Вы что думаете — это кто-то будет читать?..

Я не дал ему договорить, сгреб со стола диссертацию и процедил:

— Вы свободны!

Физик не заставил себя долго упрашивать, немедленно вскочил со стула и принялся складывать в портфель свои вещи.

— Имейте в виду! — пригрозил он. — Когда вы обратитесь ко мне снова, я запрошу с вас вдвое больше! — Оторвав от изуродованной страницы газетную вырезку, физик подул на нее, чтобы быстрее высохла, и добавил: — Вы мне, между прочим, за клей должны! И еще пять рублей я потратил на транспорт!

Я схватил его за воротник и выставил за дверь.

— Романтик! — крикнул напоследок физик. — А наука не выносит романтиков! Науке нужны практичность, холодный расчет...

Он еще что-то кричал, но из-за двери было плохо слышно.

Глава 14

Облачко

Когда на следующее утро я уже собрался на работу и выходил из квартиры, позвонил Календулов и спросил:

— Вы не могли бы срочно приехать ко мне?
Его голос мне сразу не понравился, и сердце мое упало.

— Что-нибудь случилось?

— Случилось, — подтвердил он.

Пришлось в очередной раз жертвовать работой. Календулов ждал меня в своем узком кабинете, заставленном коробками, протянул свою маленькую растопыренную руку, похожую на щетку для унитаза, показал глазами на табурет и несколько неприятных мгновений пристально смотрел мне в глаза. Я почувствовал, что невольно начинаю краснеть.

— Мне очень неприятно спрашивать вас об этом, — негромко начал он, гоня взгляд по стеллажам, — но надо разобраться и снять все возникшие вопросы...

Я понял, что самое худшее, чего я опасался, свершилось. Календулов, как назло, щедро разбавлял свою речь долгими паузами, и мне казалось, что табурет подо мной раскалился, как сковородка.

— Вчера вечером ко мне пришел некий гражданин... он назвался Чемодановым... и сказал, что диссертацию, которую вы мне дали, написал он.

И снова пауза. Я лихорадочно думал над тем, как будет лучше: если скажу всю правду или начну упираться. Правда могла привести к полной катастрофе: принципиальный, не берущий взяток Календулов мог немедленно порвать со мной все отношения и внести в сайт, где была размещена диссертация, необходимые комментарии по авторству. А ложь удержала бы его на некоторое время от решительных и непоправимых действий. Поэтому я дрожащим голосом произнес:

— Не может быть!

— Я тоже так подумал, — облегченно вздохнул Календулов, — и потому не принял слова этого

человека всерьез. И все-таки, нам надо разобраться: откуда этот человек мог знать о вашей диссертации?

— Видите ли, — ответил я. — Я давно знаю Чемоданова. Когда-то он работал в НИИ и изучал проблемы газовой динамики. Может быть, ему показалось, что я похитил его труд?

— А вы... как бы мягче сказать?.. может быть, вы пользовались его рефератами или статьями, не ссылаясь на них? вспомните, пожалуйста, какие статьи использовали, где и когда они были опубликованы. Мы внесем в диссертацию поправки, и этот скандалист уже не сможет предъявить нам никаких претензий.

Я вышел из академии, словно в воду опущенный, и поехал на работу. По дороге мне на мобильный позвонила Настя и взволнованно спросила:

— Ты где?

— На работу еду, — ответил я, почувствовав неладное. — Вот, метро «Парк культуры» проезжаю.

— Остановись! — потребовала Настя. — И жди меня. Я через десять минут буду!

Наверное, сегодняшний день решил добить меня дурными новостями. Сев ко мне в машину, Настя протянула мне лист из ученической тетради и сказала:

— На, читай!

Я развернул его. Черным фломастером было написано следующее:

«Уважаемые господа академики! Обращается к вам младший научный сотрудник Чемоданов В.С. Надеюсь на ваше неподкупное благородство, ваше величие и искреннее стремление содействовать научно-техническому прогрессу. Я стал жертвой мошенничества. Проходимец и недоучка по фамилии Савельев, которого вы так любезно принимали в своем светлом обществе, обманным путем завладел самым ценным, что у меня есть — моей диссертацией, и, выдавая ее за свою, готовится к ее публичной защите. Я готов предстать пред вашим судом и в присутствии ученых и специалистов доказать свое авторство. Убедительно прошу вас помочь мне вывести на чистую воду мошенника и лжеученого Савельева, очистить храм науки от самозванца и прохиндея. Буду ждать вас у гардероба 14-го в 18.00».

— Где ты это взяла?

— Отец вчера из академии принес, — ответила Настя, нервным движением доставая из пачки сигарету. — Она висела на доске объявлений. Отец сразу сорвал ее, но неизвестно, успел ли кто-нибудь прочитать.

— Сегодня четырнадцатое? Значит, Чемоданов припрется в академию в шесть вечера. Старикан здорово ругался?

— Не то слово, — сказала Настя и вдруг добавила: — Господи, как мне уже надоела вся эта грязная ложь!

— Ах, вот ты как заговорила! — с удивлением произнес я. — А разве ты забыла, ради чего вся эта грязная ложь затеяна? Чью прихоть я выполняю, занимаясь этой идиотской диссертацией?

— Подожди, не кричи, ты не дослушал главного. Отец отказывается от своего условия. Он говорит, что с этой защитой ты только его позовишь... В общем, он требует, чтобы ты немедленно прекратил заниматься диссертацией. Он согласен выдать меня за тебя хоть завтра. — И она резко повернула голову, чтобы увидеть на моем лице выражение беспредельного счастья. Увы, на нем было совсем другое выражение — как у человека, которому на голову упал кирпич. Я на некоторое время онемел. Такого поворота я даже предвидеть не мог. Профессор отказывается от зятя-кандидата. Замечательно! Но ведь я не отказываюсь от восьмисот тысяч долларов!

— Почему твой отец ведет себя, как мальчишка? — строго спросил я, искусственно распаяя в себе гнев. — Что он себе позволяет? То требует от меня ученой степени, то не требует! У него семь пятниц на неделе! Он уже сам не знает, чего хочет! Я потратил уйму времени, денег и нервов, идя на поводу у его капризов! И вдруг сейчас, когда я уже раскрутил всю эту махину, он отказывается от своих условий. Он, видите ли, требует! Подумаешь, Петр Первый! Не выйдет! Не все будет так, как он хочет!

— Я сейчас уйду, — глухим голосом произнесла Настя.

— Скатертью дорога! — меня уже понесло. — Я вижу, тебе просто не терпится выскочить замуж за какого-нибудь ботаника со скрипкой.

Но не торопись, а то завтра твой старик захочет, чтобы его зять был каким-нибудь археологом или ихтиандром...

Настя выскочила из машины и с силой захлопнула дверь.

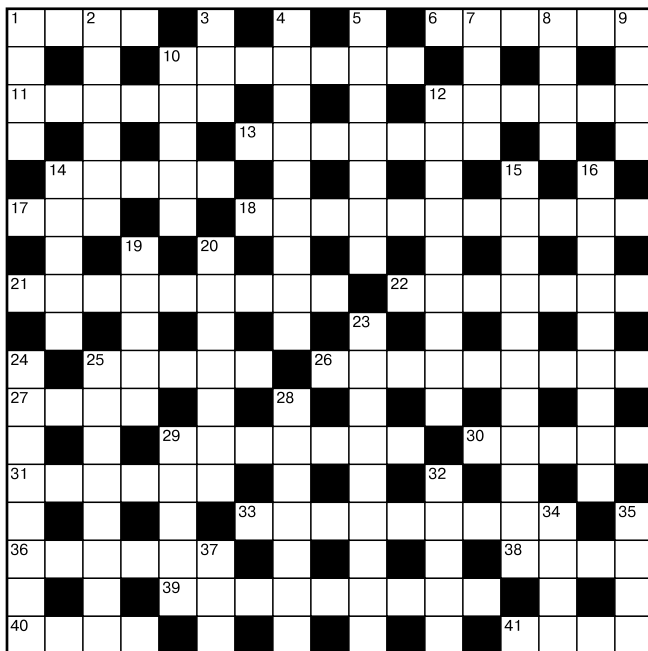
Удивительно! После этого я вдруг почувствовал, как невидимые оковы спали с моих рук. Мне показалось, что тучи, сгустившиеся надо мной, вдруг разметались по небу, и мне прямо в темечко светит солнце. Душу стало наполнять удивительное чувство легкости и свободы.

«А в чем проблема? — думал я. — Чемоданов хочет семьдесят тысяч долларов? Он их получит. Пятьдесят мне должны французы. Если продать изрядно надоевший БМВ, получится еще пятнадцать. Десять у меня есть. Вот и все. Официальный договор с Чемодановым у меня в руках, и через несколько дней я получу восемьсот тысяч долларов».

Как хорошо стало у меня на душе! Я взялся за рычаг передач, мысленно повторил только что открытую истину: большинство проблем, от которых мы страдаем, нами придуманы, и помчался на фирму. □

Окончание следует.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** «И над отечеством свободы просвещенной взойдет ли наконец прекрасная ...?» **6.** Бард, попавший по воле кинорежиссера Татьяны Лиозновой в высшие эшелоны рейха. **10.** В какой стране ныне хранят «Аполлона Бельведерского»? **11.** Какому сооружению в Павловске посвятил один из своих вальсов Иоганн Штраус? **12.** «Ходячая энциклопедия». **13.** Что прикрывает наготу конфетки? **14.** Билетное окошко. **17.** Сказочная домомучительница, не выносившая ни детей, ни собак. **18.** Искусство, упрощенное до полного беспредела. **21.** От чего гурман

пальчики облизывает? **22.** Поляк Ежи Лец юморно заметил: «... календаря не сокращает срок беременности». **25.** Ягоды, чей сок приносит облегчение тем, кто от сахарного диабета страдает. **26.** Аэродром, на котором можно приземлиться лишь в переносном смысле слова. **27.** Пользователь плодами кулинарии. **29.** Двенадцатого мая 1953 года великий Сальвадор Дали сделал такую запись в своем дневнике: «... прочих художников всегда служила мне термометром успеха». **30.** «Слава не может испортить того, кто сам занимается гладкой» (голивудская звезда). **31.** Про-

фессия библейского Давида до его победы над Голиафом и восхождения на царский трон. **33.** Каждый из бегунов, которые ежегодно съезжаются в Сан-Паулу, чтобы встретить Новый год в трусах и майках. **36.** Нашивка на генеральской штанине. **38.** «..., опущенное в ванну, вынимает телефонный звонок из соседней комнаты». **39.** Кого из членов «Могучей кучки» композитор Петр Чайковский считал своим «петербургским деспотом»? **40.** «Обычно свой ... перед Богом мы измеряем собственными нуждами и эмоциями». **41.** Что когда-то возили в Золотую Орду по московской улице, которая теперь называется Большая Ордынка?

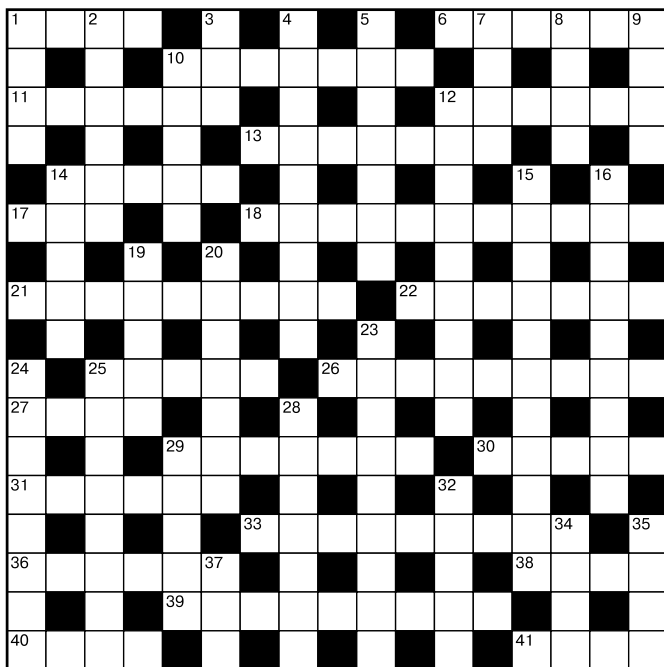
ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Какому богу в античные времена посвящали Немецкие игры? **2.** Заменитель чемодана у туристов. **3.** Какой праздник познакомил Наташу Ростову с Андреем Болконским? **4.** Бутерброд с сыром. **5.** Каким искусством в средневековой Европе лечили переломы и вывихи? **7.** Какой рыбный деликатес великий певец Федор Шаляпин предпочитал запивать водкой?

8. «Лейся ..., как с гуся вода». **9.** Основа барабанной дроби. **10.** Чем ботинки чернят? **12.** Стронник чрезмерно рискованного отдыха. **14.** Какая страна представлена маркой «Самсунг»? **15.** Подарок Фимы на свадьбу брату из фильма «Небеса обетованные». **16.** Полная растерянность перед очередным фокусом реальности. **19.** Пальмовый плод, на который стоит налегать во время разгрузочных дней. **20.** Какому правителю гарем положен? **23.** Кошачьи распространены по всем континентам, кроме двух. Один из них Антарктида. Назовите второй! **24.** Кто из мультяшных героев настаивал на том, что надо жить дружно? **25.** «Кузница кадров» для КПСС. **28.** В каких горах больше всего искали «снежного человека»? **29.** Не только тенор Соткилава, но и скульптор Церетели. **32.** «Тут и сказочке ..., а кто слушал — молодец!» **34.** Современное мнение гласит: «Убивает не болезнь, а ... лекарства». **35.** «Люди гораздо чаще били бы молотком по пальцу, если бы ... ощущалась лишь год спустя». **37.** Каждый уважающий себя турист, попав в японский город Киото, приходит в ... камней.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №8

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Шведы. **9.** Антракт. **10.** Шпиль. **11.** Аллея. **12.** Аметист. **13.** Дрова. **14.** Вакцина. **16.** Вавилон. **19.** Веер. **21.** Гвидон. **23.** Война. **24.** Трепак. **25.** Линкор. **26.** Брера. **27.** Фазан. **29.** Хаки. **31.** Швейцар. **33.** «Адидас». **34.** Саяны. **35.** Адрес. **37.** Канзас. **39.** Войско. **40.** Наживка. **41.** Лицо. **42.** Васьяка.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Знамя. **2.** Тротуар. **3.** Акустик. **5.** Вулкан. **6.** Дверца. **7.** Шпора. **8.** Слово. **13.** Дневник. **14.** Водопроводчик. **15.** Цветы. **16.** Вегетарианец. **17.** Адекватность. **18.** Энергия. **20.** Андрейченко. **22.** Катамаран. **28.** Час. **30.** Байкал. **32.** Работа. **36.** Доза. **38.** Сад.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** У удэгейцев есть неписанный закон: «Обидел амбу — уходи, пока не поздно!» А кто он такой? **6.** Кто констатировал смерть Антона Чехова? **10.** Французский философ Жан-Жак Руссо полагал, что «... развращает всех: и богача, который ею пользуется, и бедняка, который алчет ее». **11.** Какой препарат компания «Байер» выпустила в 1897 году для замены морфина, как более эффективное и не вызывающее зависимости средство? **12.** Какой указ султан подписывал? **13.** Кристалл железа, ставший сим-

волом Брюсселя. **14.** Кто родил единственного ребенка от Ивана Бунина? **17.** Зловредный домовый из славянских мифов. **18.** Размазывание себя по тарелкам. **21.** Священный камень, попавший на картины Николая Рериха. **22.** Сад в Каире, где русский поэт Николай Гумилев предпринял последнюю попытку самоубийства в своей жизни. **25.** «Кома экстрасенса». **26.** Что Аристотель полагал «началом познания»? **27.** На высоком берегу этой реки поставлен памятник Катюше — героине легендарной песни. **29.** Итальянская балерина,

ставшая супругой великого Федора Шаляпина. **30.** Ради съёмок в этом фильме Микки Рурк выбил себе два зуба. **31.** Титул мужа Роксоланы. **33.** Гранат, соперничающий по цвету с изумрудом и превосходящий по блеску алмаз. **36.** Месопотамский щит. **38.** Любимый пойнтер Николая Некрасова. **39.** Какой канадец первым предложил резиновую шайбу для игры в хоккей? **40.** Из чьего пуха делают одеяло, которым обычно покрыта палатка отважных покорителей Северного полюса? **41.** Какое кельтское племя дало имя Богемии?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** В государстве ... мужчина, сделавший комплимент женщине, обязан на ней жениться. **2.** Литовское рагу. **3.** Какой французский город слывет столицей бургундских вин? **4.** Какая русская императрица повелела всем потомкам Емельяна Пугачева носить фамилию Дураков. **5.** Какой детской писательнице отправил письмо Александр Пушкин в день своей дуэли с Жоржем Дантесом? **7.** Декольте у фрака. **8.** Какие потоки воздуха провоциру-

ют болтанку в самолете? **9.** Какой магический знак оживлял «голема от Мерлина»? **10.** «Река на границе ойкумены» для древних греков. **12.** Какой мыслитель стал первым президентом японской Академии наук? **14.** Шнурки «в память о Божьих законах». **15.** Все народные праздники в Австралии приходятся на «ближайший ...», чтобы продлить выходные. **16.** Итальянский танец из оперы «Сельская честь» Пьетро Маскани. **19.** Носовой платок из словаря Даля. **20.** Кто из французских физиков создал в 1677 году гигрометр? **23.** Священная книга сикхов, составление которой было завершено в 1604 году. **24.** Танзанийский представитель в рейтинге «Десяти самых ядовитых змей». **25.** Издевательский стиль общения виртуальных собеседников. **28.** Отец писателя Пауло Коэльо по роду занятий. **29.** Аварская лютя. **32.** «Надежда, я вернусь тогда, когда трубач ... сыграет». **34.** Вождь племени на Филиппинах. **35.** Шапочка на индийце. **37.** Австралийская птица, «улетевшая» навсегда.

Ответы на эрудит, опубликованный в №8

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Яхмос. **9.** Водолаз. **10.** Череп. **11.** Блюдо. **12.** Купуасу. **13.** Витте. **14.** Евсебий. **16.** Павлова. **19.** Угай. **21.** Щерлоп. **23.** Волер. **24.** Платно. **25.** Имение. **26.** Чарро. **27.** Литва. **29.** Брин. **31.** Алябьев. **33.** Слалом. **34.** Молва. **35.** Амати. **37.** Рексит. **39.** Солнце. **40.** Яичница. **41.** Босс. **42.** Ракета.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Лорум. **2.** Попугай. **3.** Марсель. **5.** Халява. **6.** Олдмен. **7.** Гений. **8.** Ленто. **13.** Видеома. **14.** Европарламент. **15.** Хушпу. **16.** «Панатинаикос». **17.** Клонирование. **18.** Сплетня. **20.** Безработица. **22.** Пневмония. **28.** Мем. **30.** Ястреб. **32.** Ворона. **36.** Сера. **38.** Тиф.

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на 2-е полугодие 2012 года. Условия подписки на журнал «Смена» через редакцию:

Оформить подписку на «журнал «Смена» вы можете в редакции с получением по почте.

Для этого вам необходимо заполнить купон и оплатить квитанцию в любом отделении Сбербанка, выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу:

127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д. 14, стр.1, или по факсу: (499) 257-13-78, либо на эл. почту: sales@smena-online.ru

Подписка с учетом доставки на 1 месяц стоит 71 руб. 50 коп., на 3 месяца — 214 руб. 50 коп., на 6 месяцев — 429 руб. 00 коп.

КУПОН

Ф. И. О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

Копия квитанции об оплате от _____ с отметкой банка прилагается.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет	40702810410150414401	
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет	30101810400000000555	
	ИНН 7714026110	КПП 771401001	
	БИК 044525555 (для юр.лиц)	Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)	
	<small>Другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет	40702810410150414401	
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет	30101810400000000555	
	ИНН 7714026110	КПП 771401001	
	БИК 044525555 (для юр.лиц)	Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)	
	<small>Другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Уважаемые читатели!

С апреля открыта подписка на журнал «Смена» на 2-е полугодие 2012 года по каталогам через любое почтовое отделение связи.

Образцы каталогов:

<p>КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»</p>		<p>Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов</p> <p>Индекс 70820 — для остальных подписчиков</p>
<p>КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ «ПОЧТА РОССИИ»</p>		<p>Индекс 99406 — для всех подписчиков</p>
<p>ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»</p>		<p>Индекс 88998 — для всех подписчиков</p>

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

 БИБЛИО-ГЛОБУС
ВАШ ГЛАВНЫЙ КНИЖНЫЙ

« Занимая российский престол более тридцати лет, Николай I никогда не мечтал о короне, да и никто не мог предположить, что третий по старшинству сын императора Павла сам станет императором. Но он оказался перед выбором: трон или смерть... всей его семьи. И выбрал первое. Тридцать лет император Николай I правил Россией, и свой императорский долг воспринимал как служение ей и российскому народу. Этот принцип он возвел в абсолют и не мыслил своей жизни вне его...

Светлана **Бестужева-Лада** «Николай Неоцененный»

« Она осталась бы неизвестной и никому не интересной русской женщиной Екатериной Гончаровой, если бы не вышла замуж за французского барона Геккерна, Дантеса, смертельно ранившего на дуэли ни кого-нибудь, а великого поэта Александра Сергеевича Пушкина. Из-за этого она рано ушла из жизни, так как до конца дней своих носила на себе клеймо «жены убийцы» и страдала оттого, что родные отказались от нее.

Денис **Логинов** «Коко, жена Дантеса»

« Многие из нас любят петь. Поют, когда хорошо и когда плохо. Поют, когда есть слух и когда он отсутствует. И правильно делают, что поют, потому что пение — это прекрасная возможность выплеснуть наружу свои чувства и эмоции. И ни один народ в Европе не имеет такого богатства песен и напевов, красивых и оригинальных, как русский.

Татьяна **Харламова** «Песнь народа»

« Он был богат, но его мало кто любил. Он много писал и много печатался, но критики всегда говорили, что таланта у него нет. Он судился с собственной дочерью, но трепетно оплакивал секретаря, прослужившего у него больше тридцати лет. Прожив 90 лет, едва ли он когда-нибудь был по-настоящему счастлив. Но всегда стремился хоть на йоту приблизиться к тому, что называют счастливой жизнью. Что же делало его счастливым? И что сделало несчастным? Каким на самом деле был этот великий писатель — Сомерсет Моэм?

Евгения **Гордиенко** «Талантливо несчастный человек»

« Окончание иронической повести Андрея **Дышева** «Диссертант»